

De Villiers

77. rue de la Tour
Paris 16

СМЕРЬ

КАДЕТСКИЙ КОЛЛЕЖА

1900 Л 1950

Е.И.В. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ.

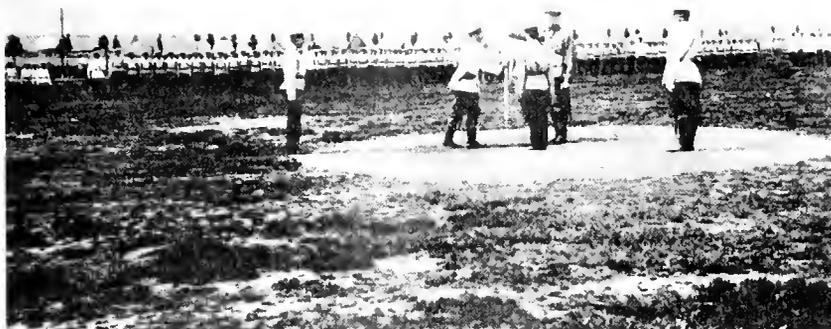
Ген. лейт. Андр. Мах.
САРАНЧОВЪ
2-й Директоръ См.К.

Кадетскій корпусъ.

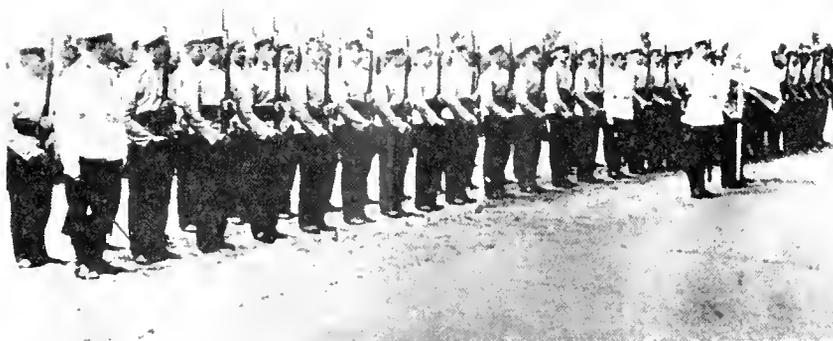
Ж. Сумы.

ПРИЕМЪ ЗНАМЕНИ

ЗНАМЯ ВЪ СТРОЮ.

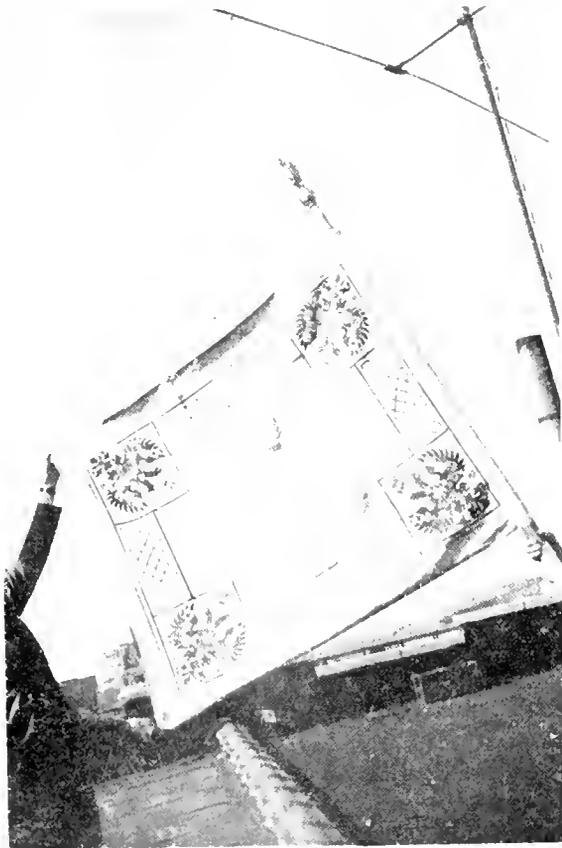

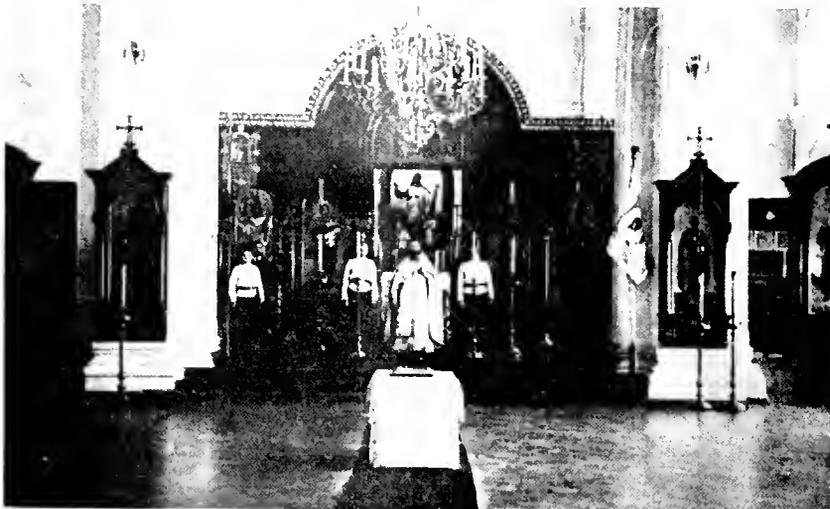
Всев. Верхоуецкий
Кад. 3ий вып.

ЗНАМЯ КОРПУСА 1952 г.

Нью-Йорк

Восп. Е.М. РОСТОВЦЕВЪ.

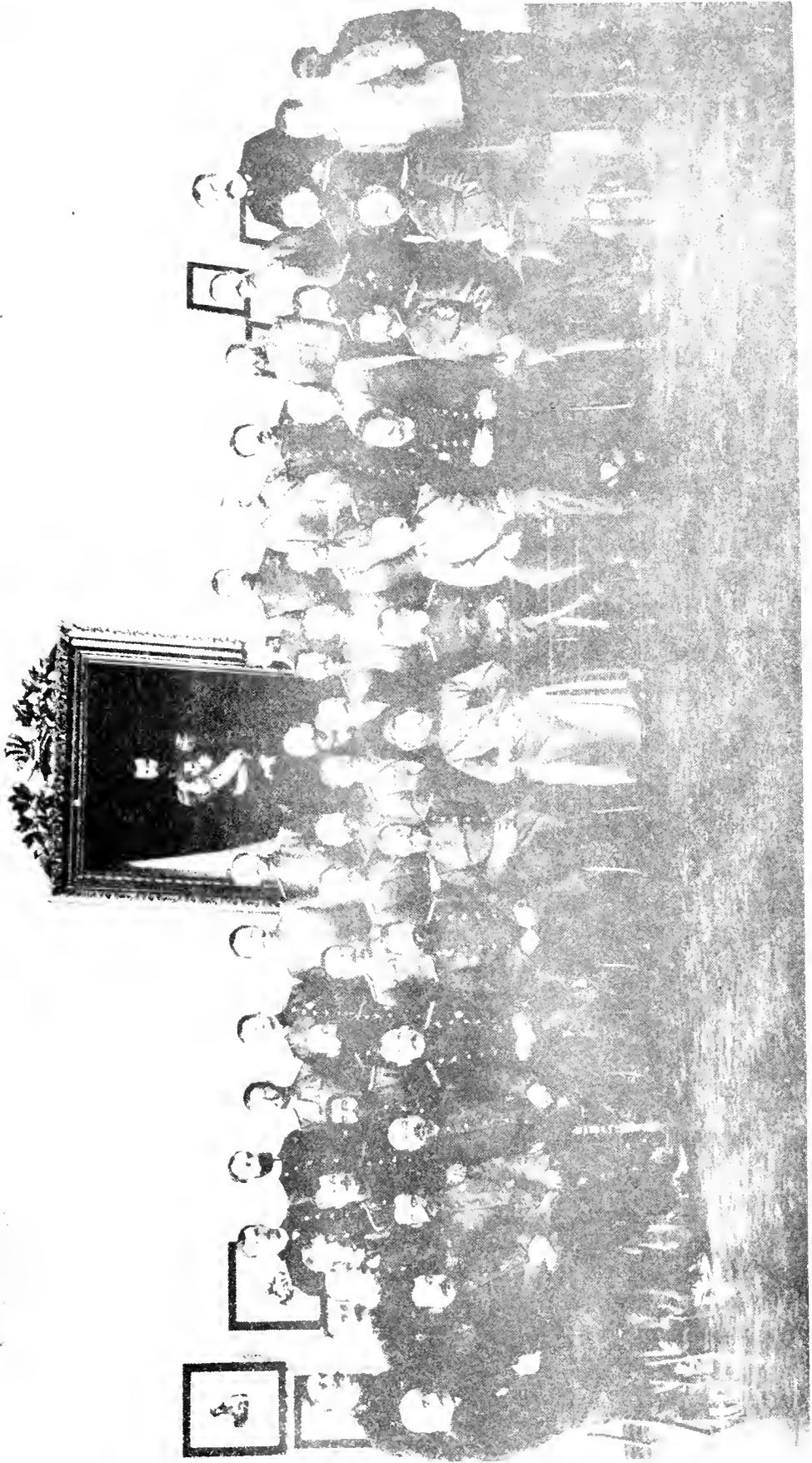

Восп. П.П. Кн. ШАХОВСКОЙ.

В.У.О. ЛИРОТСКИЙ
Знаменщикъ 8 вып.

ПЕРСОНАЛЬ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Группа 1910 года.

Сидятъ :

Преп. Шперертъ
" Леонидовъ
" Жагменъ
" Воробьевъ
Рот.ком. Куровъ
Инсп. Кл. Каньшинъ.
Директоръ Саранчовъ
Батюшка Виноградовъ
Рот.ком. Ламанскій
" " кн. Шаховской
Преп. Троицкій
Восп. Катасоновъ
Восп. Корчакъ-Гречина.

Преп. Эрдманъ
" Посельскій
" Лисецкій
Восп. Ростовцевъ
" Рыбицкій
Пом. Инсп. Ильинъ
Смотр. Коломійцевъ
Преп. Эккардъ
Восп. Потемкинъ
" Горскій
Преп. Лачиновъ

Стоятъ слѣва направо, 3-й рядъ.

Стоятъ слѣва направо 2-й р.

Преп. Лучининъ
" Измайловъ
Восп. Отоцкій
Преп. Мансвѣтовъ
Восп. Бояровскій
Экон. Петровъ
Восп. ф. Ярмерштедтъ
Восп. Пограничный
" Бюхнеръ
" Элендъ

Пом. секр. Бобаевскій
Восп. Бырдинъ
" Стржелецкій
" Андрущенко
" Пожидаевъ
" Пунагинъ
Рот.к. Котроховъ
Восп. Айвазовъ
Восп. Калугинъ
" Мораховскій
" Жабоклицкій
" Паваманъ
Преп. Родкевичъ.

THE COMPANIES ACT 1973

1973

SECTION 10

(1) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(2) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(3) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(4) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(5) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(6) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

SECTION 11

(1) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(2) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(3) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(4) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

SECTION 12

(1) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(2) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(3) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

(4) A company shall not be liable to pay interest on any amount due to it by a shareholder or other person, unless the instrument creating the liability expressly provides for the payment of interest.

СУМСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СУМСКОГО КОРПУСА

П р е д и с л о в і е .

Все, что я напишу о Сумском Корпусе, будет написано только по памяти, т.к. у меня была всякая замятость или документами, — все осталось "там" на Роднине; скажу даже больше, там осталась История Сумского Корпуса со дня его основания до "развала", написанная В.А.Ильиничем, — она либо осталась в фундаментальной библиотеке Корпуса (значит, погибла), либо ее увез директор Корпуса А.М.Сараваев. Все, что я напишу, это не систематическая курсовая работа, а сырой материал, который придется в порядке Комиссии, ждущая издать "Юбилейный Сборник" ко дню пятидесятилетия К-за. Прощу читателей не осудить меня, если я неточно что-нибудь напишу, или забуду, или перепутаю, т.к. моя память сильно слабела (мне 31 год), а у кого память свежее моей или есть документ — пусть только исправит или дополнит, за что можно только еще раз поблагодарить. Кстати, вспомнил дорогую Родину, и мне хочется поблагодарить с читателями, которые, может быть, знакомы со стихотворением (довольно трогательным) неизвестного для меня автора.

Р О Д И Н А .

В голубом сиянии вырастает берег,
За кормой гремит моря,
Здравствуй, задушевная, святая
Родина прекрасная моя!
Ты была безбрежным океаном,
Тихой, с детства памятной рѣкой,
Лермонтовским парусом в тумань,
Пушкинскою избранной строкой.
Ты была простором и раздольем,
Дымкою, прозрачной поутру,
Теплым запахом ржаного поля,
Тонкою рябиной на яру.
Ты была мечтою первозданной,
Явью наших самых светлых снов,
Золотым покоем Левитана,
Песнею Чайковского без слов,
Девушкой единственной на свете
С русскою тяжелой косой,
В легком платье солнечного цвета
На лугу, обрызганном росой,
Материнским домом за оградой
(Пусть туда заглянешь раз в году!)
Старым Чаховским вишневым садом,
Горьковскою бурей в том саду;
Русскою сказкой,
Волгой — легендарною рѣкой,
Блоснѣжной шапкою кавказскою,
Вѣковой сабирскою тайгой;
Ты была бережкою благодольной,
Негасимым дальним огоньком,
Необладною степью, Птицей вольной,

Въ каждой нашей маленькой сиротинѣ,
 Ты была великою страной,
 Всѣ твои соборы и просторы,
 Всѣхъ живыхъ и мертвыхъ ивановъ —
 умѣстившая въ сарайѣ у меня!
 Мальчишкой я въ сказку вѣлъ изъ сказки,
 Въ скороходѣхъ — изъ страны въ страну,
 Я видѣлъ твое царство-государство,
 Я пролежалъ все время вѣ моря,
 Чтобы сказать тебе сегодня:
 "Здравствуй, милая, сестра,
 Родина прекрасная моя!"

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СУДСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Уроженецъ г.Сумы, бывший крестьянинъ, а потомъ, за заслуги по дѣламъ благотворительными возведенный въ потомственные дворяне, Иванъ Герасимовичъ Харитоненко — очень много сдѣлалъ для г.Сумы на свои средства, а именно: построилъ громадный соборъ, прекрасную больницу для бесплатнаго леченія жителей г.Сумы, сдѣлалъ мостовые во всемъ городѣ и многое другое, чего я не знаю, за что городъ поставилъ ему въ центрѣ города памятникъ — фигура во весь ростъ съ соответствующей надписью. И.Г.Харитоненко мечталъ, чтобы въ его родномъ городѣ былъ основанъ кадетскій корпусъ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, ему при жизни это не удалось, и онъ задумалъ осуществить свою мечту своему сыну, Павлу Ивановичу Харитоненко. Провѣщавъ членомъ Военнаго Совѣта въ 1899 году, Высочайше утверждъ-принятъ, въ г.Сумы основанъ Сумскій Кадетскій Корпусъ, который долженъ былъ открытъ къ началу учебнаго 1900 года. Штатъ — 500 кадетъ. Въ апрѣлѣ 1900г. Инспекторъ классовъ 1-го кадетскаго полка Сибирскій-Пестухъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ директоромъ Сумскаго к-са. Въ маѣ 1900г. назначенъ въ См.К-съ инспекторъ (изъ Орл.к-са) Коноваловъ, рот.к-ръ Соловьевъ (изъ Александровскаго к-са)

Ф.Котанъ — изъ Александровск.к-са

Воспитатели кн.Шаховской — изъ 2-го Оренбургск.к-са

Гартвицъ

Ф.Завурейдт — изъ 61-го Вл.П-ка

въ дек.1900 Гаврилантъ — саперный офицеръ.

Ст.врачъ Бунинъ — изъ Тифлискаго к-са

Смотритель, онъ же)

зав.обмундированіемъ) — Акуловъ — 107 Тр-го полка

Секретарь Смирновъ — изъ Сибурга

Эксномъ Петровъ —

Бухгалтеръ Смиринъ — изъ Кіева.

Съ пріѣздомъ (въ маѣ 1900г.) Директора Корпуса, начались подготовительныя работы къ открытію корпуса, а именно: заводилась необходимая обстановка временнаго (на 2 года) помѣщенія для кадетъ въ зданіи мѣстерята при дочерней церкви; заготовлялось обмундированіе, приобретались учебники и учебныя пособія; покупалась посуда и вообще все необходимое для жизни будущихъ кадетъ. Занятыя начались заведенія Строительной комиссіи для постройки зданій для См.К-са на участкѣ земли въ 50 деся-

тинъ (1½ версты отъ порога), подаренныхъ См. Корпусу П. И. Коритоненко. Угасокъ этотъ, подъ названіемъ "Стѣпка", былъ на высочайшій берѣгу рѣки Днѣпръ (днѣпръ отъ Днѣпра) и состоялъ изъ полевой земли, совершенно ровной, на которой и были возведены все здания корпуса; вѣтромъ, на склонахъ было садъ съ талицями, оранжереями, домомъ для садовника и паркъ; наконецъ, вблизи Большой дуги съ нѣсколькими ружьями рѣки Днѣпръ. Строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Директора Корпуса состояла изъ строителя корпуса военнаго инженера Федина, инспектора классовъ корпуса, ротнаго командира, воспитателей и офицера съ войско-

За нѣсколько дней до открытія корпуса, которое было назначено на 31 августа 1900г., состоялся поступательный экзаменъ въ 1-й классъ. Выдержавшихъ и поступившихъ было 61 человекъ, которыхъ обмундировали въ ожиданіи прибытія командующаго войсками Кіевского Военнаго Округа Г. А. Драгомирова. Имъ дежурнымъ воспитателемъ въ 1-й отд. былъ назначенъ кн. Шаховской. 31 августа, около 12 часовъ, кадеты были выстроены въ ожиданіи ген. Драгомирова, который подтверждался съ ними; потомъ былъ молебень, заурокъ для почетныхъ гостей Г. Сумъ и родителей поступившихъ кадетъ, а затемъ садъ для кадетъ, во время котораго присутствовало много почетныхъ гостей; между прочимъ, Сумскій нотаріусъ Ивановъ прочелъ кадетамъ стихи собственного сочиненія на открытіе Сумскаго К-са, которые были переложены на музыку, и кадеты на прогулкахъ пѣли это стихотвореніе. Поступившіе въ корпусъ кадеты (61 чел.) были разделены на два отдѣленія; въ 1-ое отд. 1-го класса былъ назначенъ воспитателемъ Ф. Котенъ, а во второе — кн. Шаховской; Ф. Зауервайде — зачисленъ воспитателемъ, а Гартвигъ командированъ на цѣлый годъ на педагогическіе курсы при Главн. Управленіи военно-учеб. заведеній въ СПбургѣ. На эти курсы директоръ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, говоря: "Никакіе курсы не могутъ создать хорошаго воспитателя, — нужно имѣть къ этому дѣлу призваніе и любовь", почему на слѣдующій годъ былъ командированъ еще Гавеманъ (прибывшій въ декабрь 1900г.), а потомъ я не помню, кого посылали туда. Намъ, тремъ воспитателямъ, особенно отдѣленнымъ (Ф. Котену и кн. Шаховскому) было очень трудно, такъ какъ все время приходилось быть при кадетахъ двумъ воспитателямъ: одинъ дежурный, другой — поддежурный, разница только въ томъ, что поддежурный ночевалъ дома; а затѣмъ постоянныя засѣданія строительной коммиссіи, такъ что 1-й день дежурный, 2-й день поддежурный, а 3-й въ коммиссіи; конечно, кромѣ коммиссіи надо быть на утреннихъ и вечернихъ занятіяхъ (приготовленіе уроковъ), посѣщать отдѣленіе на урокахъ преподавателей, чтобы ознакомиться съ требованіями преподавателей, а иногда и замѣщать не прибывшихъ на уроки преподавателей. Квартиры воспитателей и другихъ чиновъ корпусу находились довольно далеко отъ помѣщенія кадетъ, такъ что мно лишняго времени на хожденіе туда и обратно. Квартиры были на ты на Лебединской улицѣ въ домахъ Кандыбы. Кадеты были размѣнены такъ: въ верхнемъ этажѣ спальни кадетъ и лазаретъ, въ 1-мъ этажѣ классы и залъ, въ сутеренѣ столовая. Прогулки кадетъ уромъ и на большой перемѣнѣ происходили въ садикѣ интерната, послѣ обѣда большою частью ходили строемъ съ пѣснями по городу и за городъ. (Интернатъ былъ почти на крайнѣ города). Кадеты быстро освоились со своимъ новымъ положеніемъ, всегда ласково и любовно общались къ воспитателямъ, встрѣчая со стороны послѣднихъ таковое же отношеніе. Занимались усердно, вел себя очень хорошо, такъ что никакихъ инцидентовъ не было —

этомъ отношеніи воспитательнѣ было легко и приятно. На церковныя службы ходили въ обывательскій дѣловой дрѣзѣ, но это стоило недолго, а получали 100 франковъ отъ дирекціи Императорской гимназіи, находившейся рядомъ съ интернатомъ. Коридоръ галлѣ превосходно — смѣю думать, что большевикова въ домѣ лучше не вли: утромъ былъ чай съ французскими булками; завтракъ — всегда мясное блюдо, а затѣмъ чай, молоко или каша; обѣдъ — супъ или борщъ, разнообразное мясное блюдо, пироженое; каждому бутылка (запечатанная) отличнаго кваса; вечеромъ — котлета, чай, булка; въ табельные дни еще пакетъ конфактъ. Эконому Петрову (отличный, энергичный честнѣйшій человекъ) легко было справиться съ питаніемъ небольшого числа кадетъ (59) — два было приходящихъ (Касаткинъ и Гладышевскій). Я уже не говорю о ретномъ командирѣ Соловьевѣ, который жилъ въ этомъ же зданіи интерната, такъ что его можно было видѣть среди кадетъ въ любое время, но и директоръ корпуса очень очень часто превшалъ кадетъ, несмотря на то, что у него было очань много и другихъ заботъ, да еще и строительная комиссія.

19-го сентября совершенно неожиданно къ намъ пріѣхалъ впервые Гл. Нач. В. У. З. Вел. Князь Константинъ Константиновичъ, которому понравилось все, что онъ видѣлъ, а также и участокъ, гдѣ впоследствии былъ выстроент корпусъ. Въ этотъ же день Великій Князь снимался со всеми нами, при чемъ мы были въ зимней парадной формѣ, а Вел. Князь въ бѣломъ кителѣ, т.к. онъ прібылъ къ намъ съ Кавказа (былъ въ полку, гдѣ онъ былъ шефъ), а тамъ еще лѣтняя форма. Жители города Сумъ съ любопытствомъ и восхищеніемъ смотрѣли на кадетъ, т.к. это была глубокая провинція, а кадетскій корпусъ — неожиданная новинка. Въ доказательство того, какая это была глубокая провинція (для многихъ было непонятно) приведу слѣдующій примѣръ. На одномъ изъ дежурствъ кн. Шаховского, швейцаръ доложилъ, что воспитателя вызываютъ по дѣлу нѣсколько пришедшихъ крестьянскихъ парней, лѣтъ по 25; на вопросъ воспитателя, что имъ нужно, отвѣтили: "мы желаемъ поступить въ корпусъ кадетами"; воспитатель отказалъ имъ, объяснивъ, что для этого нужно, и кромѣ того, что ихъ возрастъ совершенно неподходящій.

Такъ время шло тихо, мирно и незамѣтно. Насталъ декабрь. Директоръ корпуса, принявшій во вниманіе, что кадеты впервые разстались съ родителями, по собственному почину рѣшилъ отпустить кадетъ въ этомъ (1900) году не 21 декабря, какъ обычно, а 15-го декабря, и не до 6-го января, а до 8-го. Зима была очень снѣжная. Кадетъ, здушихъ домой, снабдили вѣдой на весь ихъ путь билеты были куплены воспитателями; затѣмъ ихъ проводили на вокзалъ, усадили въ вагоны, а на обратномъ пути послѣ Рождественскихъ праздниковъ, воспитатель встрѣчалъ кадетъ на ближайшей узловой станціи "Ворожба". — На праздникахъ въ корпусѣ осталос всего шесть человекъ, и чтобы имъ не было тоскливо, дежурные воспитатели забирали ихъ къ себѣ, и они проводили время въ семейной обстановкѣ. Послѣ Р.Хр., по прібытіи кадетъ изъ отпуска все началось снова: занятія, прогулки, церковныя службы, чтенія воспитателей и т.д. Никакихъ особенныхъ переменъ не произошло. Учебный годъ закончился въ маѣ, при чемъ на 2-й годъ (по неуспѣшности) въ первомъ классѣ остался одинъ (Кремеръ). Годъ закончился неприятнымъ случаемъ: восп. кн. Шаховской съ нѣсколькими кадетами, еще не успѣвшими уѣхать домой на каникулы, прінялъ поѣздку на лодкѣ (съ фельдшеромъ); возвратившись съ по

Вздки, кадеты купались въ рѣкѣ на очень мелкомъ мѣстѣ, при чемъ двое изъ нихъ (Слюжневскій и Глухановъ) увлеклись и зашли дальше, гдѣ было значительно глубже, но объ этомъ никто не зналъ, — тамъ былъ старый мостъ; плавать они не умѣли. Воспитатель замѣтилъ, что они скрылись, бросился въ одежду въ воду, также и фельдшеръ, но кадетъ не нашли — ихъ затащилъ омутъ, и они погибли.

Что было лѣтомъ, сколько оставалось въ классѣ кн. Шаховского, неизвѣстно, т.к. онъ былъ немедленно командированъ въ С.Петербургъ на физическія курсы (гимнастика, фехтованіе, ручной трудъ, плаваніе) съ докладомъ Вел.Князю о происшествіи.

Зданіе корпуса могло быть готово къ началу 1902 уч.года, а помещеніе интерната было недостаточно для 2 класса и вновь поступающихъ, почему лѣтомъ 1901 году въ саду интерната, рядомъ съ двухэтажнымъ домомъ интерната былъ выстроенъ большой деревянный баракъ (очень основательный и теплый), соединенный теплымъ ходомъ съ помещеніемъ интерната черезъ столовую: 25 и 26-го августа 1901г. были приемные экзамены, при чемъ поступили въ I-й классъ и немного и во 2-й классъ, — сформировалась рота кадетъ въ 130 человекъ. Кадеты были размѣщены слѣдующимъ образомъ: классы (5 отдѣленій — три I кл., и два — 2-го кл.) и залъ (тамъ же и гимнастическіе приборы) въ баракѣ, спальни въ I-мъ и 2-мъ этажахъ интерната, и лазаретъ, столовая въ сутеранѣ. К началу учебнаго 1901-02 года назначены еще новые воспитатели — Котроховъ, Калугинъ и Россонтовскій. Гартвигъ вернулся съ педагогическихъ курсовъ, а Гавеманъ командированъ на эти курсы. Воспитатели были распределены такъ: I — I-ое отдѣленіе в-ль Гартвигъ, I — 2-ое в-ль Зауервейдъ, I — 3 в-ль Россонтовскій. II — I ф.Котентъ, II — 2 кн.Шаховской; Котроховъ и Калугинъ — запасными воспитателями. Въ этомъ году съ дежурствами было легче, т.к. воспитателей было 7 человекъ, но дежурства были труднѣе (большое число кадетъ) и нѣкоторыя недоразумѣнія между классами, которыя дежурнымъ воспитателямъ приходилось улаживать, но зато своему отдѣленію можно было посвятить больше вниманія и времени. Въ одно изъ дежурствъ восп. кн.Шаховского совершенно неожиданно прибылъ рано утромъ — кадеты только встали — Р.Кн.Константинтъ Константиновичъ, нашелъ все въ порядкѣ. Ему хотѣлось видѣть, какъ идетъ жизнь, когда его не ожидаютъ. Какъ мы потомъ узнали, Вел.Князь запретилъ жандармамъ сообщитъ о его прибытіи въ Сумы.

Жизнь вошла въ свою колею, шли успѣшно учебныя и физическія занятія, посѣщенія церковныхъ службъ, частыя прогулки за городъ. На праздники Р.Хр. отпустили кадетъ 20-го декабря. Осталось въ корпусѣ больше кадетъ, чѣмъ въ I-й годъ. Для нихъ была устроена елка съ подарками. Снѣга не было, и было такъ тепло, что на второй день Р.Хр. дежурный воспитатель кн.Ш-ской ходилъ съ кадетами на прогулку за 12 верстъ въ однихъ мундирахъ. Пошли дожди, сдѣлалось очень тепло, рѣки Пселъ и Сумка вышли изъ береговъ (последняя примыкаетъ къ интернату), затѣмъ начались неожиданные морозы, получился грандіозный катокъ, которымъ кадеты очень увлекались, катаясь на конькахъ и въ саняхъ. Больныхъ вообще за первые два года было мало, а серьезныхъ вовсе не было. Въ Великомъ посту кадеты гоняли въ церкви мужской гимназій. На пасху разговѣніе было общее съ Директоромъ, ротн.командиромъ и воспитателями. Учебный годъ закончился въ маѣ благополучно. Оставшіеся на лѣто кадеты остались въ интернатѣ съ назначенными для лѣта двумя дежурными воспитателями.

Къ началу 1902-03 уч. года произошли нѣкоторыя перемѣны среди персонала: ушелъ р.к-рѣ Солсвѣевъ, восп. Россонтовскій отчисленъ, а прибыли новыя р.к-ры 1-й роты Храповицкій, а 2-й - Ламанскій. Къ началу этого учебнаго года было готово главное зданіе корпуса, два флигеля для воспитателей, дом для директора корпуса и канцелярія, и вообще для персонала корпуса, два флигеля для служителей, и перевезенъ и устроенъ баракъ для нижнихъ чиновъ изъ интерната при лютеранской церкви. Лазаретъ еще не былъ готовъ и былъ временно помѣщенъ въ будущемъ помѣщеніи 3-й роты (во 2-мъ этажѣ). Послѣ приемныхъ экзаменовъ и по прибутиі отпускиныхъ, кадеты были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 1-я рота во второмъ этажѣ лѣваго крыла главнаго зданія, 2-я рота въ 1-мъ этажѣ того же крыла; 1-я рота состояла изъ кадетъ 3-го класса (2 отд.) и 2-го класса (3 отд.), а 2-я рота изъ 3-го отдѣленія 1-го класса. Прибыли новыя воспитатели: ф. Ярмерштадтъ Бухнеръ. Въ дальнѣйшемъ очень трудно указать, кто и когда изъ воспитателей прибыли или убыли, т.к. нѣтъ никакихъ документовъ, а въ памяти все удержать невозможно. (Общій списокъ всего персонала корпуса съ 1900 года до конца при семъ прилагаю). Помѣщеніе въ новомъ зданіи корпуса въ каждомъ ротѣ состояло изъ свѣтлаго зала, классовъ, двери которыхъ выходятъ въ этотъ залъ, въ концѣ зала, отдѣлена только аркой, помѣшалась шинельная комната. Подъ прямымъ угломъ къ залу шелъ свѣтлый коридоръ, изъ котораго одни двери - направо - вели въ ватеръ-клозетъ. Дальше чистильная комната, а направо умывальная, а дальше - комната (спальная) дежурнаго воспитателя. Прямо - двери въ спальную кадетъ, въ концѣ которой былъ коридоръ, изъ котораго шли двери цейхгаузовъ и комната портныхъ. Въ 1-й ротѣ нѣсколько иначе, т.к. одна дверь шла въ квартиру директора корпуса.

Въ благодарную память Ивану Герасимовичу Харитоненко, по жертвованію вѣному участку въ 50 десятинъ для постройки зданія корпуса и 500.000 рублей, и по мысли котораго въ Сумахъ былъ основанъ корпусъ, - корпусный храмъ былъ освященъ въ честь Св. Іоанна Богослова - 26 сент. стар. стиля (день ангела Ивана Герасимовича Харитоненко). Тогда же вел. Княземъ Константиномъ К-чемъ былъ установленъ корпусный праздникъ тоже 26 сентября. Корпусный храмъ освятилъ Кіевскій Митрополитъ Славянъ. Въ этомъ 1902-03 году учебныя занятія вели въ большинствѣ случаевъ штатныя преподаватели и нѣкоторые воспитатели, а если ихъ не хватало, то приглашали преподавателей изъ гимназіи. Такъ какъ для преподавателей квартиръ не было, то пришлось корпусу завести лошадей и приобрести экипажи для привоза и отвоза преподавателей изъ города. Эти же перевозочныя средства были еще необходимы для отвоза и привоза дѣтей служащихъ, учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для поѣздокъ служащихъ по разнымъ дѣламъ. Жизнь кадетъ была установлена такимъ образомъ: вставаніе въ 6 час. утра, потомъ молитва, въ 7 час. утра чай; послѣ чая утреннія занятія - повтореніе заданныхъ уроковъ при непрямомъ присутствіи отдѣленныхъ воспитателей. Послѣ утреннихъ занятій короткая прогулка. Затѣмъ три урока съ перемѣнками въ 10 минутъ, потомъ завтракъ и большая перемѣна, прогулка болѣе длинная; затѣмъ два или три урока (согласно расписанія). Обѣдъ въ 3½ ч. дня; затѣмъ свободное время, прогулка. Отъ 6 до 8 ч. веч. - вечернія занятія при воспитателяхъ. Въ 8 ч. 10 - ужинъ и чай. Потомъ молитва; младшая рота укладывается спать; старшимъ еще разрѣшалось заниматься до 9 час. а въ 6 и 7 кл. (въ будущемъ) до 10 ч. вечера. Послѣ чаю обязатель-

ная укладка. После праздники и въ субботу въ 6 ч. церковная служба. Въ праздники и воскресенья подымаетъ въ 7 час.; въ 8 ч. утра чай, въ 9 ч. церковная служба; въ 12ч. завтракъ, въ 3¼ч. обѣдъ, въ 8ч. ужинъ и чай, а послѣ — сонъ. Каждое отдѣленіе класса поручалось отдѣленному офицеру-воспитателю, который вообще долженъ заниматься воспитаніемъ кадетъ своего отдѣленія, присутствовать на утреннихъ и вечернихъ занятіяхъ, наблюдать за приготовленіемъ уроковъ, помогать обращающимся къ нему, организовать помощь болѣе сильныхъ — слабымъ ученикамъ, конечно, безвозмездно; присутствовать часто на урокахъ преподавателей, чтобы ознакомиться съ ихъ требованіями, а у нѣкоторыхъ преподавателей для поддержанія дисциплины въ классѣ; въ свободное время вести бесѣды, читать и рекомендовать книги для чтенія; разбирать споры, улаживать ихъ, быть строгимъ, но очень справедливымъ, никакихъ "любимчиковъ", отдавать душу кадетамъ; такого воспитателя, можетъ быть, будутъ бояться (въ младшихъ классахъ), но потомъ полюбятъ и будутъ уважать и даже любить. Для того, чтобы родители кадетъ могли слѣдить за успѣхами, поведеніемъ и здоровьемъ своихъ дѣтей, въ корпусѣ заведены печатные бланки, въ которыхъ воспитатель за каждую недѣлю проставляетъ полученные баллы, затѣмъ на этомъ же бланкѣ пишетъ, какъ ведетъ себя кадетъ, выдающіеся проступки, здоровье и вообще, что найдется нужнымъ сообщить родителямъ. Заполненные такимъ образомъ бланки воспитатель вкладываетъ въ письма кадетъ, которые должны писать роднымъ каждую недѣлю, запечатываетъ и отправляетъ родителямъ. Кадеты могутъ писать сколько угодно разъ, но одинъ разъ въ недѣлю обязательно. Если кадетъ заболѣлъ среди недѣли, то воспитатель немедленно сообщаетъ родителямъ; въ очень серьезныхъ случаяхъ — телеграммой. Кадеты размѣщаются въ классѣ воспитателемъ, при чемъ съ плохимъ зрѣніемъ и глуховатые — на переднихъ партахъ; лѣнтыевъ не сажаетъ вмѣстѣ, на заднихъ партахъ болѣе способныхъ и лучшаго поведенія; мѣняться мѣстами нельзя безъ разрѣшенія воспитателя. Впереди передъ партами находится столъ и стулъ для преподавателя, а сзади партъ — конторка воспитателя, гдѣ онъ сидитъ на занятіяхъ, а также и на урокахъ преподавателей. Въ каждомъ отдѣленіи воспитатель назначаетъ старшаго (конечно, изъ лучшихъ); который поддерживаетъ въ классѣ порядокъ въ отсутствіи воспитателя, заполняетъ рапортчики, въ которыхъ отмѣчаетъ отсутствующихъ кадетъ, и подаетъ рапортчики преподавателямъ. После урока записываетъ заданные уроки для слѣдующаго дня и эту записку передаетъ дежурному воспитателю, который, собравъ всѣ записки роты, отправляетъ въ лазаретъ, лазаретному воспитателю для больныхъ кадетъ. Старшій въ классѣ встрѣчается съ рапортомъ директора корпуса и другихъ вышнихъ начальствующихъ лицъ. Всѣ кадеты отдѣленія, кромѣ старшаго, дежурятъ по классу, наблюдаютъ за чистотой въ классѣ, открываютъ и закрываютъ окна на переѣнкахъ для провѣтриванія класса, встрѣчаютъ съ рапортомъ инспектора класса, ротн. к-ра, воспитателя и преподавателей. Дежурный воспитатель наблюдаетъ не только за своимъ отдѣленіемъ но и за всѣми кадетами роты; въ этотъ день ему нельзя присутствовать въ своемъ отдѣленіи на урокахъ преподавателей, — онъ долженъ находиться въ залѣ. Дежурный воспитатель долженъ встать утромъ въ 5 час., чтобы къ 6 час. быть готовымъ поднимать кадетъ. Онъ слѣдитъ, чтобы кадеты почистили платье, обувь, умылись, для чего у каждаго на полочкѣ мыльница съ мыломъ, коробочка съ порошкомъ и зубная щѣточка. По сигналу онъ строитъ роту, осматри-

ваетъ кадетъ и, послѣ молитвы, ведетъ роту къ чаю. Послѣ чая усаживаетъ роту на утреннѣй занятия, на которыхъ присутствуетъ всѣ воспитатели. Утромъ происходитъ перевязка нуждающихся въ ней кадетъ, которыхъ воспитатели вразрѣже записываютъ въ книгу на перевязкѣ всегда бываетъ младшій роты, заболѣвшихъ онѣ отправляетъ въ лазаретъ, омытая въ журналѣ дежурствъ, гдѣ ведется запись и поступковъ кадетъ. Послѣ утреннихъ занятій онѣ ведетъ кадетъ (мл. роты) на прогулку на свой плацъ; старшіе классы выходятъ и возвращаются безъ строя. 1-я и 2-я роты имѣютъ общій для нихъ большій плацъ; 3 и 4 роты меньшіе, но отдѣльные плацы. Кадеты по окрестнѣ плаца посадили тополя, и каждый ухаживалъ за своимъ деревомъ. Послѣ утренней прогулки дежурный воспитатель усаживаетъ кадетъ по классамъ, на перемѣнкахъ слѣдитъ, чтобы всѣ вышли изъ классовъ и сткрыли окна; по сигналу опять усаживаетъ по классамъ. Послѣ 3-го урока напоминаетъ помыть руки; для этого въ умывальной комнатѣ есть особая полотенца (а именныя помѣщаются въ спальнѣ надъ кроватью). Спальня заперта цѣлый день. По сигналу онѣ строитъ и ведетъ роту къ завтраку, послѣ чего опять прогулка такимъ же порядкомъ, какъ и утромъ. Потомъ остальные уроки. Передъ обѣдомъ мытье рукъ. Обѣдъ. Послѣ обѣда прогулка на плацъ; въ ненастную погоду кадеты находятся въ залѣ и въ классахъ. Передъ вечерними занятіями освѣжить классы. Отъ 6 до 8 веч. занятія при воспитателяхъ. Потомъ ужинъ и вечерній чай. Послѣ чая молитва и въ младшей ротѣ укладка, во время которой, кромѣ дежурнаго воспитателя присутствуетъ еще и поддежурный воспитатель, наблюдая, чтобы кадеты хорошо почистились, помылись; у кого потѣютъ или грязные ноги — помыли ихъ, для чего въ умывальной комнатѣ имѣется ножная ванна и теплая вода. Когда кадеты улягутся, уменьшается освѣщеніе, въ спальняхъ зажигаются синія маленькія лампы. Черезъ часъ воспитатель можетъ ложиться спать въ дежурной комнатѣ рядомъ со спальней кадетъ, которая отдѣлена аркой. Ночью въ младшей ротѣ дежуритъ надежный служитель, который съ вечера просматриваетъ всѣхъ, у кого грязные носки, замѣняетъ чистыми, крѣпко спящихъ и нуждающихся, чтобы не обмочился, будитъ, и смотритъ, чтобы онѣ надѣлъ запасную шинель, дабы не простудился, укрываетъ раскрывшихся кадетъ и, если чтонибудь случится, немедленно будитъ дежурнаго воспитателя. Кромѣ дежурныхъ воспитателей, въ каждой ротѣ назначается деж. ротный командиръ для наблюденія за общимъ порядкомъ въ корпусѣ, присутствуя при общемъ сборѣ кадетъ; за чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ и въ другихъ случаяхъ; обходя ночью всѣ помѣщенія кадетъ. Кромѣ недѣльныхъ сообщеній родителямъ объ успѣхахъ и поведеніи кадетъ, воспитатели посылаютъ четвертные и переводные аттестаціи. Дневныя рубахи и кальсоны смѣняются два раза въ недѣлю, ночныя рубахи одинъ разъ въ недѣлю, носки можно и ежедневно, также и носовые платки (у каждого по 12 штукъ). Выздоровѣвшихъ кадетъ изъ лазарета выписываютъ послѣ обѣда. Посѣщеніе братьевъ разрѣшается послѣ обѣда, а въ праздники въ любое время; при чемъ старшіе братья идутъ къ младшимъ. Кадеты, имѣющіе родственниковъ или знакомыхъ въ г. Сумахъ, могутъ пользоваться городскимъ отпускомъ въ праздничные дни до 8 ч. вечера, при чемъ нужно имѣть заявленія отъ этихъ лицъ о желаніи брать въ отпуски этихъ кадетъ и согласіе родителей кадетъ. На праздникахъ Р. Хр. для кадетъ младшей роты устраивается елка съ разными играми, развлеченіями, и каждый получаетъ пакетъ ла-

комствѣ; для старшихъ кадетъ устраиваются танцевальныя вечера. Въ корпусѣ имѣются два общія большія зала: одинъ для танцевъ другой для гимнастики, онъ же и театральныи, гдѣ кадетами разыгрываются разныя пьесы и устраиваются концерты, есть свой духовой оркестръ. Въ 1906 г., когда корпусъ сформировался (не помню точно числа) прибылъ Вел.Кн.Константинъ Константиновичъ и привезъ ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное знамя корпусу, для чего корпусъ былъ выстроенъ на плацу. Великій Князь пожаловалъ туда (смирно, "на караулъ!"), Великій Князь объявилъ Высочайшую милость, пожалованное знамя. Здѣсь состоялась прибавка знамени къ древку: каждый офицеръ подходилъ перекрестившись, прибавлялъ одинъ гвоздь. Первымъ подошелъ Вел.Князь, потомъ Директоръ Корпуса, а дальше всѣ по старшинству; затѣмъ Вел.Князь передалъ знамя колѣнопреклоненному Директору Корпуса, и состоялся церемониальный маршъ со знаменемъ. 26 сентября (день корпуснаго и храмоваго праздника) ежегодно наканунѣ была всенощная и поминовение умершихъ и погибшихъ служащихъ и кадетъ. 26-го литургія и молебенъ, послѣ которыхъ парадъ всегда въ мундирахъ. Послѣ парада кадеты шли по ротамъ, а для гостей и служащихъ устраивалась закуска въ фундаментальной библиотекѣ. Затѣмъ общій съ кадетами обѣдъ въ столовой, при чемъ гости сидѣли посрединѣ столовой. Всего было съ кадетами 800 человекъ. Обѣдъ въ этотъ день былъ традиціонный: супъ съ потрохами, слоенный пирогъ съ капустой и яйцами, жаренныя утки съ картофелемъ, пирожное, виноградъ, яблоки, каждому кадету бутылка меда. Вечеромъ большой танцевальный вечеръ въ обоихъ залахъ, прекрасно убранныхъ руками кадетъ съ 1911 г. были установлены дальнія прогулки въ теченіе учебнаго года - 10 однодневныхъ и одна, въ концѣ года семидневная. Для ротныхъ командировъ корпусъ пріобрѣлъ верховую лошадь. Въ этомъ же году для стрѣльбы кадетъ 6 и 7 классовъ былъ устроенъ тиръ. Въ 1903 г. было построено двухэтажное зданіе для лазарета, при чемъ въ нижнемъ этажѣ для заразныхъ больныхъ; лазаретъ былъ соединенъ теплымъ ходомъ съ главнымъ зданіемъ черезъ 3-ью роту. Въ 1904 году открылась 3-ья рота, помѣщенная во второмъ этажѣ праваго крыла главнаго зданія корпуса. Ротнымъ командиромъ назначенъ полк.Куровъ (изъ Донскаго корпуса). Въ 1906 г. открылась 4-ая рота - ротн.к-ромъ полк.Ф.Коттенъ. Помѣщена въ первомъ этажѣ главнаго зданія корпуса. Зимой въ двухъ дворахъ главнаго зданія были устроены деревянныя горки для катанія кадетъ на саняхъ; тутъ же устраивались катки для катанія на конькахъ. Кромѣ того устраивалось катаніе на саняхъ съ естественной длинной горы въ паркѣ, въ которомъ, кромѣ кадетъ, принимали участіе воспитатели и директоръ корпуса; во время катанія играла музыка, а вечеромъ зажигались смолянныя бочки. Лѣтомъ катались на лодкахъ (каждая рота имѣла лодку), купались въ купальняхъ. Въ 1904 г. была эпидемія скарлатины, почему кадетъ перешли въ гимнастическое платье, а все суконное и всѣ ихъ помѣщенія дезинфицировались; кадеты были помѣщены на 7 дней въ свободное помѣщеніе будущей 4-й роты; спали безъ матрацовъ на сѣнѣ. Въ 1912 г. кадеты 1-й роты посѣтили Москву и Бородинское поле. Полк.кн.Шаховской съ 4-й ротой нѣсколько разъ ходилъ на разные сахарныя заводы, такъ что кадеты хорошо ознакомились съ производствомъ сахара; на заводахъ кадетъ всегда угощали сахаромъ - сколько кто хотѣлъ. Съ заводовъ часто возвращались довольно поздно, такъ что было уже темно (это всегда бывало осенью), и зажигали факелы, что доставляло кадетамъ развлеченіе и

удовольствіе. Въ 1911 г. кадеты съ кн. Шуховскимъ совершили поѣздку въ Бѣлгородъ, на открытіе мощей св. Досифѣя Бѣлгородскаго Семидневныя преслужки въ концѣ учебнаго года кадеты 4-й роты очень любили и онѣ доставляли имъ большое удовольствіе: посѣщеніе каждый день новыя мѣста, ѣзда на воздухъ, ночевка въ палаткахъ. Собственныя деньги кадетъ хранились у воспитателя, который велъ денежную книгу, каждый расходъ подписывался кадетомъ въ этой книгѣ. Корпусъ раздѣленъ былъ на четыре роты, 20 классовыхъ отдѣленій; кромѣ того были классы: ручного труда, географическій, естественной исторіи, физическій, химическій, рисовальный. Штатъ воспитателей былъ 23 человека: 20 отдѣленныхъ офицеровъ воспитателей, 1 лазаретный воспитатель, 1 запасный, 1 командировался на педагогическіе курсы. Опредѣлить составъ воспитателей на каждый учебный годъ по памяти, безъ документовъ, почти невозможно; изъ приложеннаго списка воспитателей видно, что ихъ за 20 лѣтъ существованія Сумскаго корпуса перебывало 54 человека, а штатъ всего 23, — это показываетъ какъ часто мѣнялся составъ воспитателей. Во время войны 1914-1918 гг. въ Сумскій корпусъ прибыла младшая рота Полоцкаго кадетскаго корпуса со своимъ составомъ служащихъ; помѣщалась въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія и была до конца. Прибытіе этой роты ничѣмъ не отразилось на жизни Сумскаго К-са, т.к. между ними не было ничего общаго — было только питаніе въ общей столовой и посѣщеніе корпуснаго храма.

Въ концѣ каждой четверти учебнаго года были педагогическіе комитеты подъ предсѣдательствомъ директора корпуса, въ составѣ инспектора классовъ, ротнаго командира, воспитателей и преподавателей, гдѣ разсматривались успѣхи кадетъ, поведеніе ихъ и принятіе мѣръ для поднятія успѣшности. Въ экстренныхъ случаяхъ педагогическіе комитеты были и въ другое время. Кромѣ педагогическихъ комитетовъ были еще хозяйственныя комитеты подѣ предсѣдательствомъ директора корпуса, въ составѣ ротныхъ командировъ и хозяйственныхъ чиновъ корпуса. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ комитетахъ присутствовали врачи корпуса.

Прослѣдить детально жизнь каждой роты корпуса я не былъ въ состояніи, т.к. находясь 7 лѣтъ воспитателемъ 1-й роты, затѣмъ 2½ года воспитателемъ 4-й роты, а потомъ, съ февраля 1910 года ротнымъ командиромъ 4-й роты, я былъ слишкомъ занятъ кадетами своего отдѣленія и своей роты, чтобы еще слѣдить за внутренней жизнью другихъ ротъ, да считаю, что это и невозможно, это доступно только директору корпуса. Можно отмѣтить только общую жизнь другихъ ротъ въ ихъ помѣщеніяхъ. Кое что, конечно доходило и до меня по разговорамъ другихъ воспитателей, но въ большинствѣ случаевъ это было что нибудь отрицательное — какія нибудь грубыя выходки кадетъ, которые выносились на разсмотрѣніе педагогическихъ комитетовъ. Прослѣдить жизнь каждой роты я не берусь, т.к. это будетъ и не точно, а м.б. и неправильно, да и невозможно. Жизнь кадетъ 1-й роты въ теченіе первыхъ семи лѣтъ корпуса (гдѣ я былъ воспитателемъ), шла довольно гладко, безъ шероховатостей, безъ крупныхъ проступковъ, и не было внесено никакихъ глупыхъ и дикихъ традицій другихъ корпусовъ, — всѣ кадеты въ этотъ періодъ жили своей собственной жизнью славнаго блага Сумскаго Корпуса. Жизнь кадетъ 4-й роты, гдѣ я былъ сначала воспитателемъ, а затѣмъ ротнымъ командиромъ, протекала нормально — много дѣтскаго шума (сначала, съ непривычки къ нему даже болѣе громкаго) дѣтскихъ шалостей, и др.

без всяких грубых выхонок, — в общем было даже весело и приятно проводить время ротному командиру и воспитателям среди этих детей. За небольшие проступки были незначительные высканья: стоять на штрафу не более часа, сиденье на скамейке без права вставать и принимать участие в играх, сопровождение дежурного воспитателя безотлучно на его дежурство в течение дня, иногда лишение сладкого блюда за лень; арестовать кадетов в карцер не было принято для кадетов 4-й роты.

За все время существования Сумского Корпуса, Вел.Кн.Константин Константинович посещал корпус очень много раз, и его посещения были истинным и приятным праздником для всех — и служащих, и кадетов, — в его словах, взглядах и движениях было столько искренней ласки, любви и внимания, что это невольно трогало всех до глубины души и никогда не забывалось и все с нетерпением ждало следующего посещения Великого Князя. Он был для нас не строгий Главный Начальник учебных заведений, а просто как родной и любящий отец среди своей семьи, я уже не говорю о том, что он никогда не кичился и не показывал, что он Царской фамилии, а держал себя очень просто и совершенно доступно для всех, что еще больше располагало к нему. Я думаю, что и другие его никогда не забудут, и будут вспоминать его тепло и с любовью. Привлекая в Сумский корпус, Вел.Князь бывал везде: и в классах, и в столовой, в зале на танцевальных вечерах, на спектаклях, на концертах кадетов, и, видимо, все ему доставляло удовольствие, он жил всем этим.

Вспоминается один случай: во время спектакля какой-то кадет пролез под стул, на котором сидел Вел.Князь, и ножницами вырезал кусок сюртука. Когда Вел.Князь после спектакля встал и заметил это, он обратился к кадетам и спросил, кто это сделал, — на что сразу вышел один и признался, что сделал это он. Вел.Князь спросил мамалию и, услышавши: "Романов", сказал: "Как же тебе не стыдно, ведь ты испортил мне сюртук, его придется выбросить, а он стоит очень дорого; а ты еще можешь быть, мой родственник. Если ты хочешь получить чтонибудь на память от меня, можешь попросить платок или чтонибудь другое, а не портить сюртук". Затем Вел.Князь обратился к директору корпуса, сказав: "Ваше Превосходительство, не наказывайте Романова, я его пробрал, и это он, надеюсь, запомнит на всю жизнь".

Великому Князю были отведены особые парадные комнаты на 3-м этаже главного здания, где он всегда останавливался во время посещения корпуса. Вел.Князь всегда брал с собою своих лакея и повара; и часто приглашал к себе воспитателей на обед, где вел с ними простую душевную беседу. Однажды во время такого обеда, воспитатель кн.Шаховской, сидевший за столом рядом с адъютантом Вел.Князя, в разговор с ним между прочим сказал, что его сын, кадет I-го класса, почти весь год проболел, перенес два заразные болезни, и что он собирается летом, по совету врачей, повезти сына на Черное море, чтобы поправить его здоровье; этого разговора Вел.Князь слышать не мог, т.к. сидел довольно далеко от адъютанта и был занят разговорами с другими воспитателями; в результате, после отъезда Вел.Князя, кн.Шаховской получил от него 1000 рублей на поездку его сына в Крым, — трогательное внимание

Всѣ поражались феноменальной памяти Вел.Князя; у него въ подчиненіи были тысячи офицеровъ и чиновниковъ въ корпусахъ и военныхъ училищахъ, и Вел.Князь зналъ каждаго въ лицо и помнил фамиліи; разѣ узнавши фамиліи кадетъ, встрѣчая ихъ уже въ училищахъ, называлъ фамилію и какого корпуса. Въ 1900 году, 1-ое посѣщеніе Вел.Князя, который, между прочимъ, интересовался семейнымъ положеніемъ служащихъ, и вотъ спросилъ кн.Шаховского, женатъ ли онъ и есть ли у него дѣти, на что кн.Шаховской отвѣтилъ, что имѣетъ двухъ сыновей и назвалъ ихъ по именамъ. Прошло 4 года; Вел.Князь прибылъ въ корпусъ и былъ на танцевальномъ вечерѣ; увидѣвъ воспитателя кн.Шаховского, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: "Какъ поживаютъ ваши Игорь и Владимиръ?" — имена сыновей, — поразительно!

Въ 1909г. былъ выстроенъ третій офицерскій флигель для воспитателей и штатныхъ преподавателей корпуса. Тогда же было построено зданіе для бакалейнаго магазина, членами котораго были всѣ служащіе корпуса; въ этомъ магазинѣ можно было покупать всѣ продукты по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ въ городѣ, не тратя даромъ времени на повѣздки въ городъ.

Въ 1904 году инспекторъ классовъ Коноваловъ вышелъ въ отставку, и въ Сумскій корпусъ на его мѣсто былъ назначенъ полк. Борейша изъ Николаевского Кавалерійскаго училища.

Въ январь 1905г. директоръ Сумскаго корпуса генералъ-майоръ Кублицкій былъ назначенъ директоромъ Кіевскаго корпуса, а директоромъ Сумскаго к-са назначенъ генералъ-майоръ генеральнаго штаба Саранчовъ (б.командиръ Апшеронскаго полка) и былъ до конца.

Въ 1907 году умеръ инспекторъ классовъ Борейша, и въ Сумскій корпусъ назначенъ изъ Кіевскаго корпуса полк.Каншинъ, и былъ до конца.

Жизнь Сумскаго корпуса протекала нормально, безъ всякихъ происшествій до 1917 года, когда начался "развалъ" нашей Родины, что конечно отразилось и на Сумскомъ корпусѣ, такъ что 1917-й годъ съ грѣхомъ пополамъ дотянули до конца. Въ началѣ 1918 года директоръ корпуса уѣхалъ съ оставшимися кадетами въ Одесскій корпусъ; дальнѣйшая судьба этихъ кадетъ мнѣ неизвѣстна.

Въ 1918 году въ Сумскомъ корпусѣ были открыты "курсы" красныхъ командировъ, а въ 1919 году, Сумскій корпусъ, какъ учебное заведеніе пересталъ существовать, и большинство персонала корпуса покинуло его и разѣхалось въ разныхъ направленіяхъ. Что съ оставшимися тамъ — полная неизвѣстность.

П.П.Шаховской.

Май 1952г.

ПЕРСОНАЛ СУМСКАГО КОРПУСА СЪ 1900г. И ДО КОНЦА.

Директора: г-л. Кублицкій-Пістухъ, Левъ Іосифовичъ
 съ 1900 по 1905г. - умеръ.
 г-л. Саранчовъ, Андрей Михайловичъ, съ 1905 до конца
 умеръ.

Инспектора) С.С. Коноваловъ 1900-04 - вышелъ въ отставку
 классовъ) полк. Борейша 1904-07 - умеръ
 " Каньшинъ 1907 до конца - умеръ.

Помощн. (Полк. Ф. Коттентъ 1903-06 - умеръ
 инспект. (" " Котроховъ 1906-09 ?
 классовъ (" " Ильинъ 1909-16 ?
 (Кап. Айвазовъ 1916 до конца ?

Ротн. Полк. Словьевъ, Храповицкій, Котроховъ, Катасоновъ 1-й
 коман- " Ламанскій, Некрашевичъ 2-й
 диры Куровъ, Потемкинъ 3-й
 Ф. Коттентъ, кн. Шаховской 4-й

В с кн. Шаховской съ 9/П командиръ 4-й роты
 О І Ф. Коттентъ, съ 1906г. к-р 4 р., съ 1909г. сенаторъ Фин-
 9 Ф. Зауервейдъ - ушелъ во 2-й к-ст; ляндіи. Умеръ
 С О воинскій начальникъ; застрѣлился.
 О Гартвигъ - ушелъ въ Псковскій корпусъ; умеръ.
 П Гавеманъ - ушелъ въ 1913г., воинск. нач. ?

И Котроховъ съ 1901. Въ 1913г. назначенъ инспект. Полоцк. к-са
 Калугинъ ушелъ въ 1913г. винск. нач. Застрѣлился
 Т Россонтовскій " ? былъ 1 годъ, отчисленъ ?
 Ф. Ярмерштѣдтъ " ?
 Бюхнеръ " ?
 А Элендъ . . . . . умеръ
 Отоцкій . . . . . ?

Т Катасоновъ съ 1913г. к-р 2-й роты. умеръ
 Рыбицкій ушелъ съ 1912г. - воинск. нач. умеръ
 Е Ростовцевъ ушелъ въ полкъ ?
 Ильинъ въ 1916г. назначенъ инспект. Ярославск. к-са ?
 Л Бояровскій ?
 Яхонтовъ - назн. пом. инспект. классовъ Вольской школы. Умеръ

И Перхуровъ ?)
 Морозовъ ?) вернулись въ строй
 " Зитаръ ? (отчислены
 " Гродзинскій ? (отчислены
 " Бурдинъ умеръ
 " Пожидаевъ - въ Австраліи
 " Позняковъ ?)
 " Шистовскій ?) отчислены
 " Андреяновъ ?
 " Карсницкій - вернулся въ строй
 " Стрелецкій ?
 " Ярцевъ - ушелъ въ Суворовскій к-ст ?
 " Пунагинъ - ушелъ на войну въ 1914г., умеръ отъ сапа
 " Лепковскій ушелъ въ Иркутскій к-ст. ?
 " Некрашевичъ съ 1916г. к-р 2-й роты. умеръ.
 " Левашовъ отчисленъ.

В Потамкинъ уш.на войну 1914г.: ,вернулся к-рт 3-й р. умеръ
 Рѣшиковъ ушелъ въ полкъ
 О Шиманскій ?
 Барановъ ушелъ въ Павловское училище ?
 С Стадницкій -Колендо ?
 Жабоклицкій умеръ
 П Лащинскій ?
 Калиновскій ?
 И Корчакъ-Гречина въ 1912г. ушелъ воинск.нач. ?
 Айвазовъ умеръ
 Т Венедиктовъ умеръ
 Пограничный умеръ
 А Окуличъ ?
 Короткихъ - ушелъ въ Нижегородскій к-стъ
 Т Есиповъ умеръ
 Андручанко - ушелъ въ Александр.к-стъ
 Е Длужневскій умеръ
 Кн.Химшиевъ ушелъ въ 1-й к-стъ ?
 Л Бориславскій ?

И

ВРАЧИ: Старшій врачъ Бунинъ съ 1900-1904г. умеръ
 " " Вистегофъ 1904-1909 уш.въ Орловск.к-стъ
 " " Вейднеръ 1909 до конца ?
 Младш.врачи: Микулинъ ушелъ ст.вр.во 2-й Оренбург.к-с
 Кандоба уш.на войну 1914г. ?
 Шушаня ?

СМОТРИТЕЛИ ЗДАНИЙ

Акуловъ съ 1900 по 1903 умеръ
 Катасоновъ 1903 по 1905 перешелъ восп. умеръ
 Кап. (на помню фамилии, былъ 1 годъ)
 Коломейцевъ 1906-1915 уш.воинск.нач. умеръ
 Мораховскій съ 1915 до конца ?

ЗАВѢД. ОБМУНДИРОВАНИЕМЪ

Акуловъ съ 1900-1903 (одновр.и смотр.зданія) умеръ
 Мораховскій 1903-1915 перешелъ см.зданія ?
 Лещинскій 1915 до конца ?

ЭКОНОМЪ Петровъ съ 1900 до конца - умеръ
 СЕКРЕТАРЬ Смирновъ 1900 до конца ?
 БУХГАЛ- Свиринъ 1900-1905 умеръ
 ТЕРЫ Бабаевскій 1905 до конца ?

ТЕХНИКЪ: Оловенниковъ съ 1900 до конца ?
 ПСАЛОМНИКЪ: Рубинскій ? ?

П Р Е П О Д А В А Т Е Л И

Законъ Божій Свящ. Куклярскій 1900-1902 - ?
 О.Василій Виноградовъ 1902 до конца, умеръ.

Рус- скій яз- ыкѣ	Гальковскій Воробьевъ Леонидовъ Измайловъ Дьяковъ	1900-1902 ? ? ? ?	?
Фран- цузск. яз- ыкѣ	М-ль Зоя (не помню фамилии) Жагменъ Парафъ Рибо ?	1900-1901 въ 1915г. вышелъ въ отставку въ Марокко Керсопуловъ	?
Немец. языкъ	Эрдманъ Шпереръ	? ?	
Арифме- тика	Храповицкій Бояровскій Бориславскій	умерт ? ?	
Мате- мати- ка	Котроховъ Лачиновъ Родкевичъ Куровскій Сербуловъ	? ? ? ? ?	
Физи- ка	Мансветовъ Родкевичъ	умерт ?	
Химія	Родкевичъ	?	
Естеств. ист.) Природовѣд.)	Горскій	?	
Исторія	Лучининъ Воскресенскій	?	
Космографія	Ильинъ		
Географія	Ф. Коттенъ Пограничный Длужневскій	умерт " "	
Законовѣд.	Прокуроръ Сумскаго Суда (не помню фамилии) Членъ Суда Троицкій		
Анатомія:	Д-ра Вейднеръ и Кандыба	?	
Рисованіе:	Зиновьевъ ? Евлампіевъ ?		
Чистописаніе:	кн. Шаховской, Смирновъ?		
Гимнастика:	кн. Шаховской	умерт въ Вѣнѣ	
Фехтованіе:	Куровъ, Потемкинъ	умерли	
Танцы:	Строевъ ?		
Пѣніе:	Стефановскій, Посельскій?		

(? — означаетъ: неиз-
вѣстно гдѣ онъ и что
съ нимъ)

ЭВАКУАЦІЯ ЗНАМЕНИ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА

Послѣ первой эвакуаціи Сумѣ во время гражданской войны, знамя корпуса было спрятано Полковникомъ Пожидаевымъ подѣ паркетомъ.

Вѣ августѣ 1919 г. кадетъ Потемкинъ пріѣхалъ съ фронта въ отпускъ въ Сумы. Его отецъ полк. Потемкинъ былъ председателемъ комиссіи по возстановленію корпуса. Вѣ это время прорвалась красная конница со стороны Мирополья. Знамя находилось подѣ опекой бібліотекаря Дидика. Онъ съ большой неохотой отдалъ его кадету Потемкину, который получилъ приказаніе принести знамя на квартиру своего отца (черезъ парк), т.к. было рѣшено увезти его изъ Сумѣ. Для этой цѣли была составлена комиссія въ составѣ: Председателя полк. Потемкина и членовъ: полковниковъ Отоцкаго и Пожидаева. Комиссія составила актъ, по которому было рѣшено снять полотнище и передать на храненіе кадету Потемкину для вывоза его изъ Сумѣ, древко было сожжено; орла, скобу, подтокъ и гвозди взялъ на храненіе полк. Потемкинъ. Полотнище было зашито въ англійскую сумку и съ кадета Потемкина было взято обѣщаніе, что онъ никому ничего говорить не будетъ.

Прорывъ красной конницы былъ ликвидированъ, но кадетъ Потемкинъ отбился и повѣхалъ на фронтъ, подѣ Курскъ. Знамя все время было съ нимъ на батареѣ: въ наступленіи до Верховья (восточнѣе Орла), а при отходѣ до Екатеринодара. Тамъ Потемкинъ заболѣлъ и его отправили въ тифозный госпиталь. Отсюда онъ бѣжитъ во Владикавказъ, гдѣ заболѣваетъ тифомъ и воспаленіемъ легкихъ но успѣваетъ передать знамя своему отцу. Вылечившись, кадетъ Потемкинъ черезъ Грузію пробирается въ Крымъ. Изъ Крыма, побывавъ на фронтѣ, кадетъ Потемкинъ эвакуируется въ Югославію, въ составѣ Крымскаго Кадетскаго корпуса, въ которомъ изъ Сумцовъ находились полковники кн. Шаховской, Потемкинъ, Некрашевичъ и Пожидаевъ, а также 27 кадетъ. Директоръ Крымскаго корпуса Генералъ Римскій-Корсаковъ, предполагая дать имя корпусу "Сумскій", обратился къ нашимъ кадетамъ съ просьбой сдать знамя. Старшіе кадеты Леусъ, Потемкинъ, Яконовскій и Раксъ рѣшили сдать знамя, и оно выносилось 26-го сентября передѣ Крымцами, причемъ знаменщиками были всегда Сумцы, пока они были

СПАСЕНІЕ ЗНАМЕНИ

(Записано со словъ Крымскихъ кадетъ)

Знамя Сумскаго Кадетскаго корпуса было привезено изъ СССР кадетомъ этого же корпуса Дмитріемъ Потемкинымъ.

Вѣ лагерѣ находился сформированный въ Константинополь изъ Петровскаго Полтавскаго, Владикавказскаго, Сумскаго и др. корпусовъ — Крымскій Кадетскій Корпусъ, директоромъ котораго былъ генералъ Римскій-Корсаковъ. Д. Потемкинъ передалъ знамя Сумцовъ директору Корпуса и за свой подвигъ былъ произведенъ въ вице-унтеръ-офицеры.

Первое время знамя хранилось у директора и никуда не выносилось. По переѣздѣ въ 1923г. въ Бѣлую Церковь и по оборудованіи тамъ церкви, знамя служило за престольнымъ образомъ и находилось въ застекленномъ ящикѣ. Позже знамя стали выносить на парады, какъ корпусное, прикрѣпивъ его къ дравку.

По соединеніи всѣхъ трехъ Русскихъ корпусовъ въ одинъ — I-й Русскій кадетскій Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНО-

ВИДА корпусъ - Сумское знамя было передано туда и находилось там до окупации Югославии советскими и титовскими войсками в музей Корпуса, откуда было взято обратно в Русскую Церковь в гор. Бѣлая Церковь, гдѣ и продолжало оставаться "Запрестольнымъ Образомъ"

П Р И К А З А Н І Е

по КРЫМСКОМУ Кадетскому Корпусу

"I" іюня 1927г.

Гор. Бѣлая Церковь.

№ II.

I.

Директоръ Корпуса приказалъ объявить:

2го сего іюня, наканунѣ дня Свв. Равноапостольныхъ Царя Константина и Царицы Елены и корпуснаго праздника, на плацу передъ зданіемъ Корпуса Преосвященнымъ ВЕНІАМИНОМЪ будетъ отслужена вѣ 5 ч. вечера всенощная, а по окончаніи ея панихида по усопшимъ служащимъ и кадетамъ корпуса.

На всенощной и панихидѣ присутствовать всѣмъ кадетамъ и служащимъ.

Форма одежды: вѣ бѣлыхъ рубахахъ.

3-го сего іюня вѣ день Свв. Равноапостольныхъ Царя Константина и Царицы Елены, по случаю корпуснаго Праздника, Преосвященнымъ ВЕНІАМИНОМЪ будетъ отслужена вѣ 9½ час. утра Божественная Литургія вѣ корпусномъ храмѣ и вѣ 12 час. дня благодарственное Господу Богу молебствіе на плацу передъ зданіемъ корпуса, послѣ котораго будетъ произведенъ парадъ.

Парадомъ командовать полковнику Чудинову

Къ началу литургіи привести вѣ корпусный храмъ всѣхъ кадетъ, а къ II ¾ час. утра трѣмъ ротамъ кадетъ подѣ командой своихъ воспитателей, построиться на плацу по линейнымъ, которыхъ выслать отъ 3-й роты вѣ распоряженіе Полковника Чудинова къ II ½ час. утра вѣ числѣ 10 человекъ.

Вѣ строй на молебствіе и на парадъ будетъ вынесено хранящаяся вѣ корпусѣ знамя Сумскаго Кадетскаго Корпуса, спасенное бывшимъ кадетомъ сначала Сумскаго и затѣмъ Крымскаго Корпуса, нынѣ корнетомъ ПОТЕМКИНЫМЪ

Знамя принять изъ квартиры директора Корпуса капитану Трусову.

Знаменщикъ - кадетъ 7 кл., бывший кадетъ Сумскаго кадетскаго корпуса, Петръ ГЕНИНЪ.

Ассистентами къ знамени назначаются: вице-унтерт-офицеры Константинъ Вирюковъ и Георгій Жеребковъ.

Форма одежды при богослуженіи и на парадѣ вѣ лѣтнихъ бѣлыхъ рубахахъ и лѣтнихъ безкозырькахъ: гг. офицерамъ, находящимся вѣ строю при шашкахъ.

П Р И К А З Ъ
П О
КРЫМСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ

4-го сентября 1921г.

№ 248.

Лагерь Стрнице

§ 3.

Кадетъ 7-го класса Дмитрій ПОТЕМКИНЪ доставилъ мнѣ вывезенное имъ изъ Совѣтской Россіи полотнище знамени Сумскаго Кадетскаго корпуса. Предписываю реставрировать это знамя и хранить его при ввѣренномъ мнѣ корпусѣ, какъ священную реликвию нашего славнаго прошлаго. Объявляю кадету ПОТЕМКИНУ мою сердечную благодарность и произвожу въ вице-унтеръ-офицеры.

Подлинный подписалъ: Директоръ Корпуса
Генералъ-Лейтенантъ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ.

Стъ подлиннымъ вѣрно: Адеътантъ Корпуса
Полковникъ (подпись неразборчива)

НАШЕ ЗНАМЯ .

Родное знамя снова съ нами.
Нерукотворный ликъ Христа
Съ Его печальными очами
Глядитъ на насъ... И какъ чиста
Должна быть совѣсть у кадетовъ,
Что стягъ священный нашъ спасли
И для грядущихъ поколѣній
Его на славу сберегли...
На немъ — родной Орелъ Двуглавый
И вензель нашего Царя —
Сіяютъ вѣчною красою,
Какъ солнца яркаго заря...
Теперь подъ сѣнію святыни —
Сомкнись, родной Сумской кадетъ,
И вѣрь, что Божьимъ повелѣньемъ
Прійдетъ для Родины разсвѣтъ.

Е. Кравченко. —

Германія.

4-го вып.

СУМЦАМЪ.

Подъ сѣнью знамени родного
 Вы соберетесь, друзья, —
 Чтобъ предъ священной дорогою
 чтить память нашего Царя,
 А съ нимъ — всѣхъ павшихъ за Россію
 Родныхъ и доблестныхъ кадетъ,
 Кто бился съ красною стихіей,
 Въ комъ жилъ прадедовскій завѣтъ.
 Да освѣяетъ наше знамя
 Сумскихъ разбросанныхъ кадетъ,
 Да не угаснетъ въ сердцѣ пламя.
 Пріймите братскій мой привѣтъ!
 Душою съ вами нераздѣльно
 Всегда, родные мнѣ друзья,
 Мы любимъ Корпусъ безпредѣльно,
 И пѣснь далекая моя —
 Пусть вамъ напомнитъ наши годы
 Въ Россіи Царской, дорогой,
 И за нее — бои, походы
 И полкъ, намъ каждому родной.
 Все даль намъ Корпусъ несравненный,
 Все остальное — мишура...
 За сказку были незабвенной,
 За вась, родныхъ, — мое "ура"!

Е. Кравченко
 4-го вып.

4 окт. 1954 г.
 Германія.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
 КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

Шестая Кадетская Памятка "Юбилейная"
 Бѣлая Церковь. 1940 г.

Выписка изъ памятки, стран. 136-137.

"Полотнище знамени Симбирскаго Кадетскаго Корпуса, пожалованное Императоромъ Николаемъ II. Полотнище бѣлое съ синей каймой и узоромъ. Въ серединѣ изображеніе Лица Спаса Нерукотвореннаго, выше надпись "Съ нами Богъ", на обратной сторонѣ: въ серединѣ вензель Государя Императора Николая II, а въ углахъ гербы Россійской Имперіи. Знамя это хранится въ музеѣ корпуса съ сентября 1929 года.

Такое же знамя Сумскаго Корпуса, но съ краснымъ приборомъ, помещается въ церкви корпуса, какъ запрестольный образъ. Получено въ такомъ видѣ вмѣстѣ съ церковью отъ Крымскаго Корпуса, при переходѣ корпуса изъ Сараева въ Бѣлую Церковь".

Выписано 27 декабря 1952 г.
 въ городѣ Сантъ Пауло, Бразилія.

Алексѣй Сѣриковъ, 12 выпуска
 Сумскаго Кадетскаго Корпуса.

З Н А М Я .

О, знамя вѣтхое, краса полка родного,
 Ты, бранной славой вѣнчанное въ бою.
 Чье сердце за твои доскутья не готово
 Всѣ блага позабыть и жизнь отдать сво

К.Р.

Объединеніе СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА въ Нью-Йоркѣ.
 счастливо сообщить своимъ однокашникамъ и ихъ друзьямъ, что
 наше родное знамя прибыло изъ Европы и находится съ нами.
 Отнынѣ бывшіе кадеты всѣхъ корпусовъ имѣютъ возможность объ-
 единиться въ своихъ молитвахъ подъ сѣнью подлинной кадетской
 святыни, пожалованной ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ Сумскому Кор-
 пусу въ 1906 году.

Извѣстный нашъ военный писатель Генералъ-отъ-Кавалеріи
 П.Н.Красновъ, а также Французскій военный писатель Полков-
 никъ Дебо такъ говорятъ о знамени:

" — Значеніе знамени громадно. Знамя — эмблема че-
 сти полка, эмблема чести тѣхъ, кто собрался подъ нимъ.
 Знамя поддерживаетъ людей въ исполненіи ихъ дол-
 га и заставляетъ ихъ дѣлать благородныя поступки и
 достойно себя вести.
 Знамя великій символъ безсмертной идеи защиты
 Родины. Знамя — душа арміи.
 Знаменамъ всегда оказывались особая почести.
 Полкъ бралъ "На краулъ", офицеры салатовали, музыка
 играла, барабанщики били "походъ"
 Въ Туркестанскомъ же военномъ округѣ, со времени
 Скобелева, знамя встрѣчали громовыми криками "ура".
 Роль знамени — связать настоящее съ прошлымъ и
 сдѣлать будущее достойнымъ нашей славной исторіи. — "

Можно ли что добавить къ этимъ вдохновеннымъ словамъ?
 Намъ нужно только чаще ихъ вспоминать и стараться имъ слѣ-
 довать.

В. ВЕРАХОВЕЦКІЙ.

- - - 0 0 0 - - -

21:

ОСВЯЩЕНІЕ ЗНАМЕНИ СУМСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Воскресенье, 25 октября 1953г. надолго останется в памяти бывших воспитанников Сумскаго Кадетскаго Корпуса, живущих в Нью Йоркѣ. В этотъ день, по случаю недавно прошедшаго храмоваго праздника корпуса, состоялся молебенъ небесному его покровителю Св. Іоанну Богослову и одновременно совершенно освященіе чудомъ прибывшаго изъ-за "жельзнаго занавѣса" корпуснаго знамени. Несмотря на холодную погоду и проливной дождь, Вознесенскій Кафедральный Соборъ в Бронксѣ былъ полонъ молящимися. Пять архіереевъ, во главѣ съ Митрополитомъ Анастасіемъ, служили литургію. По окончаніи ея, во второмъ часу дня, Преосвященный Никонъ, епископъ Флоридскій, произнесъ слово, в которомъ, сообщивъ о радостномъ событіи — спасеніи знамени — поздравилъ кадетъ Сумскаго Корпуса съ исключительнымъ счастьемъ, выпавшимъ на ихъ долю.

Бывшіе кадеты Р. Харченко и Я. Коробко, взявъ Знамя, стали у праваго боковаго входа въ алтарь, первый в качествѣ знаменщика, второй ассистентомъ. Молебенъ возглавилъ епископъ Никонъ в сослуженіи настоятеля Собора протоіерея о. Сергія Пантелѣева и протоіерея о. Іоанна Легкаго при протодіаконѣ о. Сергіи Мошинѣ. Пълъ полный составъ соборнаго хора подъ управленіемъ регента Д. Орлова. Высокоблаготѣльная служба съ протодіакономъ, могущимъ быть украшеніемъ лучшаго столичнаго храма, заставила всѣхъ пережить незабываемыя минуты.

В серединѣ молебна епископъ Никонъ, подойдя къ знамени, освятилъ его, трижды окропивъ Святой Водой. Было провозглашено многолѣтіе Великому Князю Владиміру Кирилловичу и всѣмъ нынѣ здравствующимъ членамъ Дома Романовыхъ, съ присутствовавшей на молебнѣ дочерью покойнаго Августѣйшаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній, Княжной Вѣрой Константиновной, а также всѣмъ членамъ и кадетамъ Сумскаго Кадетскаго Корпуса и ихъ семьямъ. В теченіе службы дважды поминалось о здоровіи болящаго воина Бориса Скибицкаго, который, находясь в госпиталѣ, не могъ присутствовать на освященіи знамени, в выплскѣ котораго принималъ большое участіе.

При возглашеніи вѣчной памяти убиенному Благовѣрному Государю Императору Николаю Александровичу и его Августѣйшей Семьѣ, знамя было наклонено горизонтально. Помянуты были: Августѣйшій Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Константинъ Константиновичъ, директора, чины корпуса и кадеты, за Вѣру, Царя и Отечество на полѣ брани живеть свой на полѣ брани живеть свой положившіе, в смуть убиенные и в мирѣ скончавшіеся.

Послѣ цѣлованія креста, всѣ шли прикладываться къ знамени. В храмѣ находились и кадеты другихъ корпусовъ, отъ имени которыхъ они поздравили сумцовъ. По окончаніи службъ знамя было покрыто полупрозрачнымъ пластиковымъ чехломъ съ золотыми шнурами и поставлено в специальную стойку у праваго клироса передъ алтаремъ. По благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Анастасія и согласно условій, заключенныхъ съ отцомъ настоятелемъ Вознесенскаго Кафедральнаго Собора, знамя тамъ и будетъ имѣть свое постоянное заграничье мѣстопробываніе, впредь до установленія в Россіи законной императорской власти и воссозданія Сумскаго Кадетскаго Корпуса, коему тогда и будетъ возвращено по принадлежности.

Изъ церкви участники торжества прослѣдовали въ Русскій клубъ, гдѣ въ казачьемъ залѣ былъ сервированъ обѣдъ. Среди приглашенныхъ находились: Дочь Вел.Князя Константина Константиновича, Княжна Евра Константиновна, Начальникъ Нью Йоркскаго Отдѣленія РОСС-а и Предсѣдатель Обще-кадетскаго Объединенія ген.маіоръ А.В.Бордзиловскій съ супругой, Предсѣдатель объединенія кадетъ зарубежныхъ кадетскихъ корпусовъ П.В.Олферьевъ и много другихъ. Трапеза началась пѣніемъ молитвы — "Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ". Еще до принятія пищи была почтена вставаніемъ память Государя и всѣхъ, обѣ упокоеніи коихъ мы молились въ церкви.

Первый тостъ Предсѣдателемъ Сумцовъ былъ обращенъ къ Ея Высочеству, Дочери Вел.Князя, присутствію, которой при вторичномъ полученіи нами знамени явилось какъ бы благословеніемъ съ того свѣта ея покойнаго Отца, изъ рукъ котораго сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ мы получили это знамя впервые. Княжнѣ были поднесены двѣ фотографіи: на одной изображенъ моментъ передачи знамени Великимъ Княземъ директору корпуса — генералу А.М. Саранчову, а на другой снятъ первый парадъ корпуса со знаменемъ.

На молебнѣ и обѣдѣ присутствовала супруга лица, самоотверженно привезшаго знамя и, по предложенію того же предсѣдателя, всѣ Сумцы, подходя къ ней съ привѣтствіемъ, просили передать ея мужу ихъ восхищеніе его поступкомъ и глубочайшую признательность. Тосты чередовались съ чтеніемъ поздравленій, полученныхъ изъ другихъ городовъ и странъ. Было оглашено стихотвореніе "НАШЕ ЗНАМЯ", сочиненное кадетомъ 4-го выпуска Е.Р.Кравченко и посвященное однокашникамъ. (См.стр.18).

По окончаніи официальной части пѣлись кадетскія пѣсни, включая и знаменитую "Звѣриаду". Узжавшимъ дамамъ были поднесены цвѣты и у всѣхъ на груди красовались изящные бѣлые погончики Сумскаго Корпуса, любезно сдѣланные женой одного изъ кадетъ.

Согласно полученныхъ отзывовъ, праздникъ произвелъ на всѣхъ весьма отрадное впечатлѣніе.

В.А.Вержовецкій.

26 сент.

23.

9 окт.

1931г.

С.Ш.А.

Ваше Превосходительство
Дорогой Андрей Михайлович,

Сегодня, празднуя тридцать первую годовщину основанія корпуса, мы, какъ всегда, собрались, чтобы провести этотъ день въ воспоминаніяхъ о минувшихъ кадетскихъ годахъ. Изъ письма "Сумца", помѣщенного въ журналъ "Часовой", мы узнали, что исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня производства Васъ въ офицеры, и о томъ славномъ пути, который пройденъ Вами за этотъ періодъ. Не могутъ быть забытыми свѣтлые и радостные дни нашего дѣтства, проведенные въ стѣнахъ родного корпуса, возглавлявшагося Вами, тѣ дни, когда подъ сѣнью сѣлаго Сумскаго знамени, творилось великое національное дѣло — воспитаніе русскаго офицера. Добрыя смена, постигаемая Вами, не заглохла — въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ мы продолжаемъ хранить дорогіе образы своихъ воспитателей и ихъ завѣтъ, и мы вѣримъ, что не далекъ часъ освобожденія Россіи, которая достойно оценитъ труды людей, отдавшихъ на служеніе ей не только все свое здоровье и силы, но и жизнь своихъ сыновей, какъ это сдѣлали Вы. Пусть хоть нѣкоторымъ удовлетвореніемъ будетъ Вамъ сознаніе, что нѣтъ ни одного кадета Сумскаго корпуса, который не вспоминалъ бы съ благодарностью, уваженіемъ и любовью имя своего дорогого директора. Принося ко дню Вашего юбилея сердечныя поздравленія, мы молимъ Бога даровать Вамъ силъ и здоровья перенести всѣ тяжести и невзгоды, несправедливо выпавшія на Вашу долю, и счастливо дожить до того свѣтлаго времени возрожденія Отечества, въ скоромъ пришествіи котораго мы такъ твердо увѣрены.

Глубоко уважающіе и любящіе Васъ Ваши Сумцы:

Верховоцкій, Есиповъ, Трифоновъ, Орловъ, Венедиктовъ,
Петровъ, Фоминъ, Писанко, Никуличевъ, Гроздовъ,
Бирюковъ, Дмитріевъ.

8/21 ноября 1931г.

Парижъ. Франція.

Дорогіе мои Верховоцкій, Есиповъ, Трифоновъ,
Орловъ, Венедиктовъ, Петровъ, Фоминъ, Писанко, Никуличевъ,
Гроздовъ, Бирюковъ и Дмитріевъ

До глубины души растрогали Вы меня своимъ письмомъ и тѣми добрыми чувствами и словами, съ которыми Вы ко мнѣ обратились. Отъ всего сердца спасибо Вамъ за Ваше поздравленіе и за добрыя пожеланія. Въ нашемъ эмигрантскомъ положеніи, конечно, не до празднествъ, а потому я скрываю даже отъ близкихъ, что въ Августѣ исполнилось 50-лѣтіе моего пребыванія въ офицерскихъ чинахъ, тѣмъ болѣе, что не хотѣлъ никого беспокоить своимъ юбилеемъ. Но 8-го августа здѣсь чествовали съ 50-лѣтіемъ генерала Юданича, и черезъ него открылось, что я его товарищъ по училищу и академіи, а слѣдовательно, что и я юбиляръ. На этомъ собраніи присутствовалъ одинъ изъ нашихъ кадетъ полк. Кравченко (вып. 4-го), и онъ неожиданно для меня помѣстилъ въ "Часовомъ" замѣтку обо мнѣ, весьма и даже слишкомъ лестную. Изъ "Часового" узнали кадеты и начали меня поздравлять. Такъ

пришелъ и Вашъ привѣтъ, глубоко меня растрогавшій. Великое Вамъ спасибо за Вашу слишкомъ высокую оцѣнку моей дѣятельности. Съ своей стороны скажу, что наши кадеты мнѣ эту дѣятельность очень облегчали. Я хорошо знаю кадета другихъ корпусовъ и смѣло могу утверждать, что по сравненію съ ними наши кадеты были гораздо мягче, добрее и послушнее, а потому намъ неизмѣримо легче было справляться, чѣмъ съ другими кадетами. Высокая порядочность и отличный духъ нашихъ кадетъ сказался и въ томъ отношеніи, которое они теперь ко мнѣ проявили. Мнѣ вѣдь семидесятый годъ, нахожусь я не у дѣлъ и потому не могу уже быть кому либо полезнымъ, но тѣмъ не менѣе всѣ кадеты меня вспоминаютъ и благодарятъ за прошлое. А чувство безкорыстной благодарности и признательности свойственно только людямъ съ благороднымъ сердцемъ. Если Вы меня благодарите за прошлыя о Васъ заботы, то и я благодарю Васъ за то, что Вы были славными, добрыми и отзывчивыми юношами, понимавшими, что Вамъ желаютъ только добра. Я сохраняю навсегда самыя лучшія воспоминанія о нашемъ корпусѣ и нашихъ кадетахъ. Могу только душевно скорбѣть, что такъ много отличныхъ юношей погибло за эти годы, но горжусь тѣмъ, что никто изъ нихъ не осрамилъ своей Родины и своего Корпуса. Рѣдкая, впрочемъ, семья не пострадала въ своемъ составѣ за эти годы, и у меня не стало трехъ старшихъ сыновей, что особенно тяжело переносить въ старости. Но если много нашихъ хорошихъ кадетъ погибло, то оставшимся надо сомкнуть ряды и продолжать бодро идти впередъ. Пусть это будутъ не только хорошія слова, но и самая дѣйствительность. Какъ бы ни было плохо, не отчаивайтесь, помогайте другъ другу, потому что "претерпѣвый до конца спасенъ будетъ" и помните, что Ваши силы и знанія еще понадобятся Россіи! Эта минута возвращенія въ Россію настанетъ еще, а потому берегите себя и свою русскую душу для будущей самоотверженной работы на пользу Россіи. А за Вашъ искренній, идущій отъ сердца привѣтъ и добрыя пожеланія я всѣхъ Васъ сердечно благодарю и мысленно всѣхъ крѣпко обнимаю.

Письмо Ваше буду хранить, какъ лучшую награду. Дай же Богъ Вамъ здоровья и счастья.

Любящій Васъ А.Саранчовъ.

Здѣсь на праздникъ были: Ненадкевичъ (2 вып.), Кравченко, Шапошниковъ, Толоконниковъ (4 вып.), Бирюковъ (5 вып.), Алексѣевъ (6 вып.), Култашевъ и Гончаровъ (7 вып.), Антонецко (8 в.) Кречницкій, Мегеровскій и Максимовичъ (9 вып.), Бедосѣевъ (10 вып.), Геруловъ и Кончевъ (II вып.), Игнатовичъ, Артамоновъ и Кобрановъ — послѣдняго выпуска.

КАДЕТУ .
(Сонетъ)

Хоть мальчикъ ты, но сердцемъ сознавая
Родство съ великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не одинъ — орлиная вась стая!

Настанетъ день и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой, —
Вы ринетесь отважно въ смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славныя дѣла
Свершатъ лишь ты, въ комъ доблесть расцвѣла:
Ей нуженъ трудъ, и знанья, и усилья.
Чтобъ могъ и ты, святымъ огнемъ горя,
Стать головой за Русь и за Царя, —
Пускай твои растутъ и крѣпнутъ крылья.

Воронежъ—Вольскъ, II марта 1909г.

К.Р.

Ю Н К Е Р У
(Сонетъ)

Ты — что разсвѣта вѣшняя заря:
Минула ночь, до дня еще далеко,
Какъ утра блескъ твое сіяетъ око
Рѣшимостью и удалью горя.

Миръ тѣсенъ для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,
И радъ сражаться съ недругомъ жестоко
За Родину, за Вѣру, за Царя.

Повѣтъ лѣто за весной прекрасной,
О, встрѣть его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь,
Чтобы съ закатомъ осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Свѣтильникъ правды и добра донести.

Полоцкъ, 6 декабря 1910г.

К.Р.

КАДЕТСКАЯ ПѢСНЯ.

Дружно, кадеты, строимъ сомкнитесь,
Смѣло мы грянемъ пѣсню свою...
Всѣ мы готовимъ себя на служенье
Славной Отчизнѣ, Отчизнѣ родной!
Время наступитъ, — по Царскому слову —
Станемъ подъ сѣнью мы Русскихъ знаменъ
За вѣру, за славу Руси Святой
Биться до смерти мы будемъ съ врагомъ!
Помню, какъ въ Корпусъ, въ путь далекій,
Мать провожала меня...

"Сынъ мой, учись; молись за царя!"
 Горячо повторяла она.
 "Будь Государю ты вѣрнымъ слугой!
 "Твердо за Бѣру, за Родину стой!
 "Смерть за Отчизну — завѣтная доля!..."—
 Такъ говорилъ мнѣ мой старый отецъ.
 Дружнымъ, кадеты, строемъ сомкнитесь,
 Смѣло мы грянемъ пѣсню свою...
 Всѣ мы готовимъ себя на служенье
 Славной Отчизнѣ, Отчизнѣ родной!.

ПѢСНЬ ДВОРЯНСКАГО ПОЛКА.

Братья! Всѣ въ одно моленье
 Души русскія сольемъ,
 Нынѣ день поминовенья
 Павшихъ въ полѣ боевомъ.

Но на вздохами печали
 Память храбрыхъ мы почтимъ:
 На нетлѣнные скрижали
 Имена ихъ начертимъ.

Вотъ такимъ дѣлаемъ
 Царь—Отецъ намъ повелѣлъ
 Сохранять воспоминанья
 Православныхъ ратныхъ дѣлъ.

Вотъ нетлѣнные уроки
 Братья! Мы ли не поймемъ?
 Къ этимъ строкамъ — новы строки
 Мы на всѣ ли принесемъ?

Братья! Всѣ въ одно моленье
 Души русскія сольемъ.
 Нынѣ день поминовенья
 Павшихъ въ полѣ боевомъ.

"Дружнымъ, кадеты, строемъ сомкнитесь

НАШЪ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

Все старое поколѣніе кадетъ и юнкеровъ хранитъ свѣтлую память о своемъ Августѣйшемъ Генераль-Инспекторѣ военно-учебныхъ заведеній Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ.

За время его пребыванія на этомъ посту (1900-1915) дѣло образованія и воспитанія кадетъ и юнкеровъ было поднято на очень высокую степень, ибо Великій Князь окружилъ себя не только выдающимися военными педагогами, какъ въ своемъ Управленіи, такъ и на должностяхъ директоровъ кадетскихъ корпусовъ и начальниковъ военныхъ училищъ, но и самъ всей душой отдался дѣлу воспитанія и образованія военной молодежи. Всѣ мы помнимъ, какъ мы были обставлены во всѣхъ отношеніяхъ въ своихъ корпусахъ и училищахъ, какъ насъ обучали, и какъ о насъ заботились. Результаты этой долготѣльной работы Великаго Князя опредѣляются службой и честнымъ выполненіемъ долга многихъ сотенъ Русскихъ офицеровъ прошедшихъ подъ его руководствомъ подготовку въ корпусахъ и военныхъ училищахъ.

Помимо своего организаторскаго и военно-педагогическаго таланта, Великій Князь, какъ отецъ любилъ свою молодежь и заботился о ней безпрестанно. Его ласковое отношеніе, его доброжелательность и справедливость хорошо извѣстны намъ всѣмъ. Посѣщеніе Великимъ Княземъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ было настоящимъ праздникомъ и радостью для нихъ. Нашъ Августѣйшій Начальникъ обладалъ исключительной памятью и узнавалъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ много лѣтъ спустя по окончаніи ими учебныхъ заведеній. Хорошо извѣстна также его терпимость къ малоуспѣвающимъ, а также и къ тѣмъ, кто отличался "громкимъ поведеніемъ и тихими успѣхами". Только крайнія обстоятельства побуждали Великаго Князя принимать въ отношеніи ихъ рѣшительныя мѣры. Кроме этого, Великій Князь всегда шелъ навстрѣчу неимущимъ, желающимъ опредѣлить своихъ дѣтей на ученіе за казенный счетъ.

Можно совершенно опредѣленно сказать, что Великаго Князя всѣ мы горячо любили. Свою связь съ нами онъ закрѣпилъ еще тѣмъ, что всѣ его сыновья были кадетами разныхъ корпусовъ, а въ дни первой міровой войны и во время смуты, они раздѣлили участь постигшую офицеровъ и военную молодежь: юнкеровъ и кадетъ.

Великій Князь извѣстенъ также своимъ широкимъ образованіемъ и тѣмъ, что онъ былъ большой поэтъ. Его замѣчательное и единственное въ своемъ родѣ произведеніе "Царь Іудейскій" и многія стихотворенія хорошо извѣстны всѣмъ культурнымъ людямъ, не только въ Россіи, но и въ Рубежомъ. Всѣ свои произведенія онъ скромно подписывалъ двумя буквами: "К.Р." — Константинъ Романовъ. Въ своихъ произведеніяхъ Августѣйшій поэтъ затрагивалъ разныя явленія въ жизни, но всюду сквозила его глубокая религиозность, любовь къ Отечеству, къ природѣ, ко всему прекрасно му... Среди этихъ произведеній есть нѣсколько, въ которыхъ Великій Князь выражаетъ свой взглядъ на основы воинскаго воспитанія въ разныхъ его этапахъ: кадетскій корпусъ, военное училище и полкъ. Къ первымъ двумъ относятся его сонеты: "Кадету", "Юнкеру", а къ послѣднему стихотвореніе "Полкъ", которое стало корпусной пѣсней Русскаго, его имени кадетскаго корпуса въ Югославіи. То, что проводилъ въ жизнь Великій Князь, какъ Генералъ-

Инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, было передано въ поэтической формѣ К.Р.

Въ сонетѣ "Кадету" Великій Князь напоминаетъ, что ихъ "орлиная стая", что они будутъ "счастливы пожертвовать собой" "Вы ринетесь отважно въ смертный бой. Завѣтна смерть за честь родного края".

Россійскіе кадеты съ честью выполнили этотъ завѣтъ своего Великаго Князя, какъ въ I-ую мировую войну, такъ и въ дни смуты и послѣдующія войны. Въ этомъ сонетѣ Великій Князь указываетъ и путь, по которому должна "расцвѣсть и доблесть":

"Ей нуженъ трудъ, и знанья и усилья,
"Чтобъ могъ и ты, святымъ огнемъ горя, —
"Стать головой за Русь и за Царя!"

Такимъ образомъ кадету надлежитъ быть вѣрнымъ Царю и Отечеству, постигнуть необходимыя науки и развивать въ себѣ доблесть....

Въ сонетѣ "Юнкеру" — Великій Князь говоритъ уже о "рѣшимости и удали" и повторяетъ главный девизъ, на которомъ держалась Великая Имперія:

"И радъ сражаться съ недругомъ жестоко
"За Родину, за Вѣру, за Царя"...

Дальше онъ наставляетъ юнкера:

".....храня душою ясной —
"Отвагу, доблесть, мужество и честь"

чтобы

"Стезею благородной
"Свѣтильникъ правды и добра донести"...

Какія прекрасныя слова, полныя глубокаго смысла, несказанной красоты и національнаго, чисто Русскаго, проникновеннаго значенія.

Великій Князь и какъ Начальникъ и какъ русскій поэтъ-патріотъ проводитъ въ жизнь однѣ и тѣ же основы.

Интересно отмѣтить, что первый сонетъ написанъ въ 1909г. въ Воронежѣ и Вольскѣ, второй — въ 1910г. въ Полоцкѣ, т.е. въ городахъ, гдѣ были кадетскіе корпуса. Очевидно, что служебная повѣзка вдохновляла Августѣйшаго поэта.

Послѣдній этапъ — полкъ:

"Нашъ полкъ — завѣтное, чарующее слово
"Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю"
Именно: "завѣтное, чарующее слово", и Великій Князь, самъ испытывавшій на себѣ чары родного полка и Измайловцевъ, которыми онъ командовалъ, правильно опредѣляетъ, что полкъ — "знаменуетъ братство и семью".

Далѣе вдохновенный поэтъ говоритъ о знамени, олицетворяющемъ полкъ:

"О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты славой бранною ввѣчанною въ бою,
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Всѣмъ благо позабыть и жизнь отдать свою!?"

Сколько разъ доказали воспитанники кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ — какъ они были готовы

".....и жизнь отдать свою"...

Полкъ, какъ конечная цѣль стремленій кадета и юнкера, по словамъ поэта:

".....учитъ насъ безропотно терпѣть лишенья
и жертвовать собой в пылу святого рванья"

"Все благородное: отвага, доблесть, долг,
 "Лихая удаля, честь, любовь къ Отчизнѣ славной,
 "Къ великому Царю и вѣрѣ православной, -
 "Въ единомѣ словѣ томѣ сливается - нашъ полкъ"

Кто прошелъ всѣ ступени, отъ кадетской скамьи до полка, тотъ знаетъ, что поэтическое творчество Великаго Князя соотвѣтствовало основамъ нашего воспитанія и, какъ теперь принято говорить - нашей идеологии.

Великій Князь - нашъ начальникъ, отецъ кадетъ и юнкоровъ и вдохновенный поэтъ... Да будетъ вѣчна память о немъ и о его дѣяніяхъ на благо нашей Великой Родины.

Невольно вспоминается прїездъ Великаго Князя въ нашъ корпусъ въ 1907 году, когда онъ привезъ намъ Высочайше пожалованное знамя... Это было время, когда родной Корпусъ существовалъ первый годъ со всеми семью классами и готовилъ свой первый выпускъ.

На плацу 1-й и 2-й ротъ состоялась торжественная церемонія прибавки знамени, врученія его Директору Корпуса и прине-сеніе присяги - первой присяги - кадетами... Громко звучали грозныя статьи стараго регламента о наказаніяхъ за важнѣйшія воинскія преступленія, и звонкіе голоса кадетъ четко произносили слова нашей прекрасной воинской присяги...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ...

Послѣ перехода Перваго Русскаго Вел.Кн.Константина Константиновича Кадетскаго Корпуса изъ Сараево въ Бѣлую Церковь, Сумское знамя замѣняетъ "Запрестольный Образъ" въ церкви этого корпуса. Сумскіе кадеты въ САШ прилагаютъ всѣ усилія, чтобы вырвать родное знамя изъ ставшей коммунистической Югославіи. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ это имѣ, съ Божіей помощью, удастся. Наша святыня находится въ САШ, въ рукахъ нашихъ кадетъ. Если многіе Сумскіе кадеты умирали за свое знамя, то нѣкоторые изъ оставшихся въ живыхъ приложили всѣ усилія, чтобы его спасти и достойно хранить.

Нашъ Великій Князь былъ бы доволенъ своими Сумцами. Говоримъ это съ гордостью, потому что нашлись наши кадеты, которые на дѣлѣ доказали свою любовь къ знамени и вѣрность ему.

Мысленно склонимъ наше знамя и помянемъ горячей молитвой нашего Вождя Государя Императора... И так же горячо помолимся о нашемъ незабвенномъ Великомъ Князѣ.

"Братья, всѣ въ одно моленье
 Души Русскія сольемъ..."

Германія.

Е. Кравченко IV вып.

ПАМЯТИ ДОБРАГО ВОСПИТАТЕЛЯ.

Къ началу учебнаго 1902 года третье отдѣленіе второго класса получило воспитателемъ только ^{то} приѣхавшаго изъ Петербурга, по окончаніи педагогическихъ курсовъ, капитана Александра Николаевича Фонт-Зауервейдт. Небольшого роста, слегка прихрамывающій, лысый, съ маленькой "николаевской", уже сѣдѣющей бородкой, онъ обладалъ мягкимъ характеромъ и необыкновенной добротой. Кадетамъ новый воспитатель понравился и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, они сразу же "съли ему на шею". На его дежурствахъ вся рота вела себя особенно шумно и рѣзво, но всѣ продѣлки озорныхъ кадетъ сходили легко, никто наказанъ не бывалъ. Какъ-то разъ Александръ Николаевичъ забылъ свое пальто около конторки, за которой обычно сидѣлъ во время вечернихъ занятій. Минутъ черезъ десять приходитъ въ классъ посланный имъ служитель и громко спрашиваетъ: "Гдѣ тутъ лежитъ пальто капитана Разердѣва?" Неожиданно услышавъ такое невѣроятное искаженіе фамиліи своего воспитателя, классъ на мгновѣніе притихъ, а затѣмъ разразился громовымъ смѣхомъ и дикими воплями одобренія, которые сразу привлекли вниманіе дежурнаго офицера, появившагося въ дверяхъ. Эта новая фамилія была немедленно же записана на классную доску и долгое время поддерживала общее веселое настроеніе. Въ томъ же году капитанъ Фонт-Зауервейдтъ былъ произведенъ въ подполковники, и надо было видѣть восторгъ кадетъ, узрѣвшихъ своего воспитателя въ новенькихъ штаб-офицерскихъ погонахъ, да еще и ^{шпорами}. Едва дождавшись конца занятій, всѣ бросились изъ класса въ залъ и съ криками "ура" стали его качать. Въ суматохѣ у Александра Николаевича оборвалась одна изъ прибитыхъ шпоръ и со звономъ покати-лась по паркету. Началась погоня — каждому хотѣлось завладѣть шпорой, которая подъ ударами ногъ кадетъ, бросившихся ее поднимать, летала отъ стѣны къ стѣнѣ, пока не превратилась въ безформенную фигуру, торжественно возвращенную въ растерявшемуся владѣльцу.

Въ срединѣ 1904 года намъ пришлось расстаться съ Александромъ Николаевичемъ. По семейнымъ обстоятельствамъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ во 2-й кадетскій корпусъ. Безконечныя шалости и проказы дѣтей не поколебали его добраго и сардечнаго къ нимъ отношенія, и вотъ, наканунѣ отъѣзда, онъ роздалъ своей первой ротѣ листки съ напечатаннымъ на нихъ стихотвореніемъ, сочиненнымъ имъ специально къ этому случаю:

Мнѣ грустно съ вами расставаться,
Я васъ такъ искренно любилъ,
Вамъ остается постараться,
Чтобъ память я о васъ хранилъ.

Вы, молодое поколѣнье,
Учитесь вѣрить и терпѣть,
Пройдутъ года, пройдетъ ученье,
На васъ мы будемъ всѣ глядѣть.

Здоровье, честь оберегайте,
Труда не бойтесь никогда,
Всего дурного избѣгайте,
И въ Бога вѣруйте всегда.

Пусть стѣны корпуса Сумского
Изъ васъ героевъ создадутъ,
И для Отчества родного

Въ вѣкъ славы и чести встанутъ

Неизвестна судьба, выпавшая на долю добрейшего подполковника "Разердѣева". Подсчитать лѣтъ говоритъ за то, что его уже нѣтъ среди живыхъ, но свѣтлая память о немъ всегда будетъ жить въ сердцахъ его бывшихъ воспитанниковъ.

Всеволодъ Вержховецкій
III выпуска.

ПОСТАРАЕМСЯ, ГОСПОДИНЪ ПОЛКОВНИКЪ!

Сумскій корпусъ, пожалуй, былъ единственнымъ изъ всѣхъ корпусовъ, который имѣлъ столько земли: пятьдесятъ десятинъ, считая и роскошный паркъ, выходящій на рѣку Пселъ. Однако, въ этотъ паркъ ходить разрешалось рѣдко, да и то лишь подлѣ наблюдениемъ воспитателя, обычно предупреждавшаго о правилахъ, которыя необходимо строго соблюдать при гуляніи. На этотъ разъ передъ построеной для выхода въ паркъ первой ротой появился ея новый ротный командиръ Полковникъ Иванъ Андреевичъ Котроховъ, онъ же и главный математикъ въ корпусѣ. Въ свое время полковникъ Котроховъ окончилъ геодезическое отдѣленіе при Академіи Генеральнаго Штаба и отличался многими странностями, которыя кадеты ему охотно прощали, считая ихъ признакомъ большой учености. Не даромъ же про это геодезическое отдѣленіе говорили, будто обучаются на немъ всего два человѣка въ году, причѣмъ одинъ изъ нихъ обязательно долженъ умереть, а другой сойти съ ума.

Иванъ Андреевичъ остановился передъ строемъ и поздоровался. "Такъ вотъ, господа, началъ онъ, идемъ мы въ паркъ", "Извольте соблюдать правила: по деревьямъ не лазать, цвѣтовъ не рвать, кустовъ не ломать, къ водокачкѣ и къ водѣ близко не подходить и, главное, черезъ чужіе заборы не перелѣзть!" Рота дружно и по правиламъ устава отвѣтила: — "Постараемся, господинъ полковникъ!" Тутъ всѣ обратили вниманіе, что Иванъ Андреевичъ глубокомысленно приложилъ указательный палецъ ко лбу, наклонилъ голову и задумался. Затѣмъ, сдѣлавъ шага четыре вдоль строя, остановился, развелъ руками, хлопнулъ себя по бокамъ, снова приложилъ палецъ ко лбу и раздѣльно по слогамъ произнесъ: — "Не по-ни-маю!" "Вотъ, предположимъ, передъ нами стоитъ заборъ", и онъ взглянулъ на стѣну съ окнами, выходящими на внутренній плацъ, — "понятно! Вотъ подхожу къ этому забору" — и онъ подошелъ къ стѣнѣ, — "тоже понятно! Теперь, подойдя къ забору, я начинаю стараться черезъ него не лѣзть... Вотъ это уже не понятно!" И онъ въ недоумѣніи развелъ руками. — "Я не могу уяснить, какъ это можно стараться не лѣзть черезъ заборъ. Стараться лѣзть — понятно; стараться не лѣзть — не понятно!" Затѣмъ, сдѣлавъ еще нѣсколько неопредѣленныхъ и слегка выражающихъ безнадѣжность движеній руками, онъ снова обратился къ строю: "Ну, ладно, господа, — сказалъ онъ, — какъ въ математикѣ, приметъ на вѣру, что даже невозможное иногда считаемъ возможнымъ. Хочу вѣрить, что вы и въ самомъ дѣлѣ сможете стараться не лѣзть черезъ заборъ". — "Рота, на пра-во! шагомъ —

Вс.В. III выпуска.

КОМИТЕТЪ СЪ БОРОДКОЙ

Большой рекреационный залъ Первой роты съ самаго утра заполненъ родителями и родственниками, которые съ разныхъ концовъ Россіи пріѣхали и привезли своихъ дѣтей, готовящихся стать кадетами и впоследствии офицерами нашей славной арміи. Въ классахъ идутъ безъ перерыва испытанія по разнымъ предметамъ. Поступаютъ малыши, главнымъ образомъ въ первый классъ, и очень рѣдко въ старшіе. Одновременно въ учительской комнатѣ засѣдаетъ комитетъ, окончательно утверждающій судьбу экзаменующагося: "принять" или "непринять". Нѣкоторые посѣтители сидятъ группами и дѣлятся мыслями и впечатлѣніями, другіе, волнуясь, сидѣть не могутъ и ходятъ по длинному залу. Среди публики сразу бросается въ глаза высокая фигура худого старика генерала съ густыми, нависшими на глаза бровями и съ сѣдой клинышкою бородкой. Это — инженерныхъ войскъ генералъ-майоръ Левъ Іосифовичъ Кублицкій-Піотухъ, первый директоръ Сумскаго корпуса. Онъ подходитъ то къ одной группѣ родителей, то къ другой. Однихъ подбадриваетъ, другихъ успокаиваетъ, поздравляетъ выдержавшихъ экзамены. Онъ часто заходитъ въ классы, задаетъ экзаменуемымъ вопросы, участвуетъ въ засѣданіи комитета и контролируетъ его постановленія. Буквально не было мѣста, гдѣ бы его не видѣли безконечное число разъ. Даже лазаретъ многократно посѣщался имъ въ этотъ день, такъ какъ тамъ производился медицинскій осмотръ вновь принимаемыхъ. Но вотъ входитъ въ залъ специально назначенный воспитатель и, среди общаго напряженнаго молчанія, громко читаетъ очередной списокъ только что прошедшихъ испытанія съ резолюціями комитета. Въ числѣ выдержавшихъ называетъ фамилію одного грузинскаго князя, тутъ же присутствующаго, и добавляетъ, что комитетъ рекомендуетъ отцу привезти сына черезъ годъ на вторичное испытаніе, но уже только по русскому языку, такъ какъ изъ-за сильнаго акцента очень трудно разобрать, что говоритъ мальчикъ. Возмущенный князь-отецъ подходитъ къ воспитателю и съ негодованіемъ спрашиваетъ, повышая голосъ: "За чѣмъ я буду брать сына назадъ? Какой-токой акцентъ-макцентъ ему нада? Я сына привезъ, ты должна его взять, тебѣ за это мы деньги даемъ! Наше дворянство платитъ! Понимаешь?" Какъ ни уговаривалъ воспитатель взволнованнаго князя, что это является постановленіемъ комитета, которому нужно подчиниться, — ничто не помогало. Князь горячился, но вдругъ, послѣ длительныхъ пререканій, неожиданно смягчившись, спросилъ: "А послушай, душа мой, скажи пожалуйста, это какой такой комитетъ? — съ бородкой?" И онъ движеніемъ пальцевъ руки изобразилъ клинообразную бородку директора. Послѣдовалъ взрывъ хохота стоявшихъ близко и слышавшихъ разговоръ. Всѣмъ стало ясно, что подъ руководствомъ такого папаши бѣдному сыну и за десять лѣтъ не удастся осилить русскій языкъ. Объ этомъ происшествіи было тотчасъ же сообщено директору, который приказалъ принять княжескаго сына, но съ условіемъ, что если по прошествіи года онъ не исправитъ своего произношенія, то будетъ исключенъ. Всѣ были довольны такимъ рѣшеніемъ "комитета съ бородкой", а радости стараго князя, расцѣловавшаго воспитателя, не было конца".

" П О Л В Ъ К А "
(Къ юбилею родного корпуса)

Друзья Сумцы! Въ день юбилея
Сомкнемся дружною семьей,
Надежду чудную лелѣя,
Что юбилей полвѣковой
Не знаменуетъ, что исчезла
Россія, корпусъ дорогой,
И мы еще всѣ соберемся
Своей кадетскою семьей.
Насъ мало: Многіе погибли
Во славу Родины святой,
Но до послѣдней нашей силы
Готовы мы продолжить бой
За тѣ святыя идеалы,
Что воспитали насъ, кадеты!
Мы вѣримъ — кончится ненастье,
И тьму разсвѣтъ яркій свѣтъ,
Кадеты погибшихъ мы помянемъ
Молитвой пламенной своей,
Живые память ихъ прославятъ,
Сомкнутся крѣпче и тѣснѣй.
Презрѣвъ всѣ будничныя бѣды,
И долгомъ воинскимъ горя,
Мы молимъ Бога о побѣдѣ,
И возвращеніи Царя!

Евгеній Кравченко
ІУ выпуска

"НЕ ПАДАЙ ДУХОМЪ".

Когда судьба зоветъ къ отвѣту
(Она жестока иногда),
Завѣтъ мой младшему кадету —
"Не падать духомъ никогда".

Не вѣдая путей Господнихъ,
Принять смиренно ихъ должны;
Зимой, спускаясь въ преисподню,
Хранить надежды до весны.

Весна придя, тебя обманетъ
Своей улыбкой на устахъ;
Мечты на лѣто, что настанетъ,
Порою обратятся въ прахъ...

Коли и осень золотая
Тебя разстроитъ невзначай,
На всѣ сомнѣнья, улыбаясь,
"Не падай духомъ" отвѣчай.

Евгеній Долинскій
І выпуска.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ КОРПУСНОЙ ЖИЗНИ.

Ч е т в е р т а я   р о т а

Будучи кадетиками въ младшихъ классахъ, мы часто удивлялись, почему это дежурный по ротѣ воспитатель не въ настроеніи, нервничаетъ, а иногда, по нашему мнѣнію, несправедливо поставитъ "на штрафъ" (смирно на часъ у стѣнки). Вотъ, когда я подростъ и былъ уже "важнымъ фельдфебелемъ" первой роты, то, навѣщая своего брата Николая въ четвертой ротѣ, понялъ, насколько тяжель для воспитателя его дежурный день.

Проходя изъ первой роты внизъ по широкой красивой лѣстницѣ и затѣмъ черезъ обширный вестибюль, гдѣ царствовалъ нашъ красавецъ швейцаръ Осадчій — отставной унтеръ-офицеръ — и гдѣ была такая торжественная тишина, что, казалось, услышишь пролетѣвшую муху, распахивалъ большую рѣзную дубовую дверь, ведущую въ залъ четвертой роты.

Сколько разъ это мы продѣлывалъ, всегда былъ ошеломленъ необыкновеннымъ шумомъ-гамомъ голосовъ, пискомъ, крикомъ и общимъ видомъ "проявленія жизни" забавляющихся малышей.

Головъ не было видно — все это или стояло кверху ногами, или кого-то возили по паркету на спинѣ, задрать ему "салазки", или гдѣ-то съ разгону прыгали черезъ столы, гдѣ-то играли въ "пятнашки". Среди этого бушующаго моря по залу ходитъ впередъ и назадъ фигура дежурнаго воспитателя. Особенно ярко вспоминается громадная фигура полковника Петра Петровича князя Шаховского, которому вся мелюзга была по колѣно. Наэлектризованный какофоніей и дѣлая нужныя замѣчанія, князь иногда выходилъ изъ себя и страшнымъ могучимъ басомъ на когонибудь изъ провинившихся кричалъ: "Слушайся! Иначе, каналья, я тебѣ голову оторрррву!" Но никакихъ головъ не летѣло, кадетикъ смущенный отходилъ въ сторону, присмирѣвъ на пять минутъ, съ тѣмъ, чтобы, оправившись отъ испуга, снова начать свои подвиги еще съ большею энергіей.

Я, признаюсь, часто, не будучи въ состояніи вынести шума, сокращалъ свой визитъ къ братишкѣ и возвращался къ себѣ въ роту подъ предлогомъ, что надо учить уроки.

Убранство зала 4-й роты рѣзко отличалось отъ такового въ залахъ старшихъ ротъ. Въ первой (строевой) ротѣ въ залѣ на красивыхъ колоннахъ стояли цвѣты (пальмы). Въ одномъ углу стоялъ рояль, въ другомъ биллиардъ, вдоль стѣнъ шахматныя столики, вѣнскіе стулья. Кадеты ходили, разговаривая вполголоса, чтобы не мѣшать играющимъ или читающимъ, вали себя степенно. Здѣсь уже, конечно, сказывалось полученное за семь лѣтъ воспитаніе, да и возрастъ кончающихъ корпусъ. Въ 4-й ротѣ стульевъ въ залѣ не было. Въмѣсто нихъ вдоль стѣнъ стояли тяжелыя гладкія скамейки садоваго типа. Ножки скамеекъ были при вѣнчаны къ полу, чтобы нельзя было черезъ нихъ прыгать, или чтобы изъ нихъ не сооружали путешествующаго по паркету трамвая. Вдоль нѣкоторыхъ скамеекъ стояли длинныя столы. — Ну, разъ невозможно было прыгать черезъ скамьи, прыгали черезъ столы!.. На перилахъ лѣстницы, которая спускалась къ выходу на плацъ, были привинчены черезъ каждый аршинъ деревянныя шарики, чтобы малыши не устраивали "спуска съ горъ", скользя верхомъ внизъ. Все было предусмотрено и приновлено къ возрасту безпокойныхъ маленькихъ обитателей, полныхъ жизни и энергіи.

Въ 6 часовъ вечера начинались вечернія занятія въ классѣ — приготовленіе уроковъ, — тогда наступала тишина. Въ каждое отдѣленіе приходилъ свой воспитатель, садился позади за свою кафедру-конторку, имѣя всѣхъ передъ собою на виду; просматривалъ отмѣтки, заработанныя на лекціяхъ, кого нужно журилъ, направляя на "путь истинный". Уроки должны были выучены, дисциплина прививалась, молодежь воспитывалась.

Воспитатели и преподаватели.

Составъ ихъ, начиная съ незабвеннаго директора корпуса генерала Андрея Михайловича Саранцова, былъ безусловно первоклассный.

ГЕНЕРАЛЬ САРАНЦОВЪ необыкновенно заботился о воспитаніи кадетъ, объ ихъ бытѣ, вникалъ во все въ корпусѣ, былъ вездѣ-сущъ. Его можно было встрѣтить и въ цейгхаузѣ, и въ кухнѣ и въ лазаретѣ, и въ отдѣльныхъ, дальше расположенныхъ специальныхъ классахъ рисованія, физики, химіи, естественной исторіи; на плацу и даже въ большомъ паркѣ, гдѣ попадали ему въ руки кадеты, устраивавшіе "охоту" за яблоками и грушами.

Зналъ онъ каждого кадета, видѣлъ каждого "насквозь", и столько было замѣчательныхъ случаевъ, что о немъ можно было бы написать цѣлую книгу. Былъ онъ очень подвиженъ, бодръ, суетился, волновался, разносилъ кого нужно, но все это было "съ толкомъ", и воспитаніе молодежи, помимо-офицеровъ-воспитателей отдѣленій, много обязано и ему, какъ общему руководителю. Въ журналѣ О.К.О. "Военная быль" въ статьѣ "Сумцы въ 1918 году", Ген.Саранцовъ очень мѣтко и хорошо охарактеризованъ авторомъ, и я съ наслажденіемъ прочиталъ эти воспоминанія нашего Сумца.

Большимъ уваженіемъ пользовался нашъ корпусный священникъ о.ВАСИЛІЙ ВИНОГРАДОВЪ.

Если воспитатель видѣлъ, что нужно "покрѣпче" пробрать кадета "по хорошему", т.е. повліять не карцеромъ, а на душу юноши, то его направлялъ на "разговоръ" съ о.Василіемъ. Батюшка такъ умѣлъ разговаривать, что каждое его слово западало въ душу не только въ моментъ разговора, но всѣ нравученія оставались въ памяти и исправляли человека.

На общихъ засѣданіяхъ воспитателей и преподавателей, когда рѣшалась судьба какогонибудь кадета, слабого по ученію или по поведенію, батюшка, по добротѣ сердечной, пользуясь своимъ авторитетомъ, вывозилъ, "спасалъ утопающаго", т.к. съ его мнѣніемъ считались, и онъ рѣдко ошибался — кадета, оставшійся въ корпусѣ, поправлялся.

О.Василій, преподавая Законъ Божій кадетамъ отъ перваго до седьмого класса, отлично зналъ каждого своего ученика и часто, бывало, ставилъ хорошія отмѣтки нѣкоторымъ, вообще ихъ не спрашивая въ "четверти". Иногда, пользуясь этимъ довѣріемъ, ученики не были готовы съ заданнымъ урокомъ, закладывая его приготовленіе на слѣдующій разъ. Однажды на урокѣ, спросивъ нѣкоторыхъ учениковъ трудный текстъ изъ катехизиса и получивъ неудовлетворительные отвѣты, Батюшка обратился къ одному отличному ученику, котораго вообще очень рѣдко спрашивалъ, сказавъ: "Ну, юноша, отвѣдь ты, посрами незнающихъ". — Посрамить незнающихъ не удалось, т.к. и этимъ ученикомъ урокъ не былъ приготовленъ. "Ну, юноша", произнесъ Батюшка, "я думалъ, что ты стоишь, а ты просто столбъ! все же я тебя поставлю 12, т.к. завтра ты будешь"

зять хворостину достаточно длинной и довести стихотвореніе до конца передъ расплывшимся отъ удовольствія Тихономъ Михайловичемъ.

— — — — —

Въ старшихъ классахъ русскую литературу преподавалъ г. ЛЕОНИДОВЪ (имени и отчества не помню) — "Русакъ" по прозвищу. Онъ мастерски дѣлалъ разборъ произведеній нашихъ классиковъ, знакомилъ съ сущностью, рассказывая закрывалъ глаза, увлекался, не замѣчалъ звонка при концѣ урока, но увлекалъ и насъ своими образными опредѣленіями всѣхъ героевъ нашей литературы. Его лекціи во многомъ способствовали общему развитію учениковъ.

Математика, физика, химія въ корпусѣ были поставлены отлично. Г-нъ РОДКЕВИЧЪ (имени и отчества не помню) — преподаватель математики и химіи. Большой знатокъ, строгій, требовательный. "Скорѣе черезъ мой трупъ перешагнете, чѣмъ въ слѣдующій классъ перейдете" — было его любимое выраженіе. Кто переходилъ, могъ быть увѣреннымъ, что подготовленъ больше, чѣмъ въ достаточной степени.

Полковникъ "ИВАНЪ КОТРОХОВЪ" (какъ онъ себя называлъ) — математикъ чистѣйшей воды, былъ "не отъ міра сего". Поглощенный разрѣшеніемъ математическихъ проблемъ, онъ, казалось, въ жизни все остальное ставилъ на второй планъ. Увлекался игрою въ шахматы, и рѣдко кому изъ кадетъ удавалось его побѣдить. Кадеты "математики" и сильные въ шахматной игрѣ пользовались его благосклонностью. Въ послѣдніе годы въ программу корпусовъ въ 7 классѣ было введено "начало высшей математики" — понятіе объ исчисленіи безконечно малыхъ величинъ. Иванъ Николаевичъ такъ блестяще объяснялъ и вкладывалъ эти новыя понятія въ голову, что много облегчалъ работу кадетамъ — молодымъ юнкерамъ — поступавшимъ въ Артиллерійскія и Инженерное Училища, гдѣ математика была однимъ изъ главныхъ предметовъ, и гдѣ сразу предъявлялись большія требованія въ этомъ направленіи.

Въ мое время Иванъ Николаевичъ командовалъ нашей первой (строевой) ротой. Отличался большой пунктуальностью, очень любилъ строевыя занятія; на урокъ "Фронта" донималъ насъ "шагистикой" и "равненіемъ". Ходилъ всегда необыкновенно выпрямившись, высоко держа голову, и главныя его замѣчанія при встрѣчѣ съ кадетами были: "не горбиться!"

По вечерамъ, послѣ общей вечерней молитвы, онъ насъ обычно задерживалъ въ строю. Держалъ подъ мышками толстѣйшія книги, изъ которыхъ вычитывалъ намъ разныя историческія событія или, чаще всего, назиданія. Излюбленныя темы — "о воспитаніи характера" и "о вредѣ куренія" (куреніе въ корпусѣ было запрещено) онъ дополнялъ своими разсужденіями съ самыми забавными заключеніями. Напримеръ: "Карандашъ нужно точить аккуратно, не какънибудь. Будешь плохо чинить карандашъ, будетъ у тебя характеръ неровный; съ неровнымъ характеромъ попадешь въ полкъ, будешь неуравновѣшеннымъ, товарищи любить не будутъ, плохой будешь служака и изъ полка вылетишь!" — Или: "Генералъ Ютессель Портъ-Артуръ сдалъ, потому что былъ курильщикъ!"

МАНСВѢТОВЪ (кажется, Иванъ Матвѣевичъ). Кто не помнитъ учителя "Физика Мансвѣтова" — серьезнаго, обильнаго по содержанію труда? По этой книгѣ мы не проходили курса физики (учили по Кра

евичу), т.к. она была обширна для нашей программы, но сам-то автор в физическом классе был на лице. Обладая большими познаниями, подробно и добросовестно трактуя этот серьезный предмет, он особенно ясно нам объяснял все физические законы и демонстрировал разные поясняющие опыты. Физический класс был богато обставлен, и лекции были занимательны. Немного утомительным был своеобразный язык лектора с выцветшими сложными старинными выражениями, к которым нужно было привыкнуть. Например, можно было услышать: "Если ключ бросить в воду, то он подвергнется тонутію"... Кадеты, конечно, придумали веселую вариацию, изображая лектора на уроке по электричеству: "Если дотронуться до Лейденской банки, то она подвергнется расколотию, а человека постигнет чрезвычайный смертельный исход!"

У Мансветова в физическом классе был помощник-лаборант из семинаристов-неудачников. Держал он при корпусе несколько раз "экстернат" экзамены за 7 классов, но так ни разу и не выдержал. Проваливался чаще всего по русскому языку. Например, в диктовке в одном только слове умудрился сделать три ошибки: слово "объядки" - написал "объетки". Был он атлетического сложения и с такими "нежными" руками, что часто "случайно" давил стеклянные приборы и пробирки.

На одном из уроков, в самый нужный момент при физическом опыте был такой диалог между Мансветовым и помогавшим ему лаборантом:

Мансветов: "Иван Григорьевич, дайте скоренько пробирку и пипетку!"

Ив. Григ.: "Какую пипетку?"

Мансветов: "Ну ту, что вы в руках держите!"

Ив. Григ.: "Она уже раздавилась".

Мансветов: "Иван Григорьевич, опять вы пипетку раздавили?!"

Конечно, общий хохот и веселья примечания аудитории. Прозвище Ивана Григорьевича было: "Пипетка".

У Мансветова случайно при одном физическом опыте произошел взрыв. После этого, когда на урок выносили на показ какуюнибудь самую безобидную машину, кадеты балагана, как будто в ужасе, отскакивали к задним партам и кричали: "А взрыва не будет?" - "Да ведь это машина "Атвуда", при чем тут взрыв?" - возмущался лектор.

ПОСЕЛЬСКИЙ - учитель пения, за свой громадный рост прозванный "каланча", приходил в класс со скрипкой, которой он "задавал тон" и под которую пробовал слушать и голоса для выбора в пение. При этом выбор вызывал кадета к себе по очереди. Желая быть свободными от пения, многие нарочно воспроизводили звук далеко не в тон, заданному скрипкой. Невозмутимый Посельский (всегда один и тот же жест) поворачивал скрипку кверху спинкой, хлопал по ней смычком и нераспев говорил: "начнейте". Так было в состоянии повторять и до десяти раз пока, наконец, не вытягивал правильный тон у победившего. Трудно описать, что в это время делалось в классе, и как остальные "аккомпанировали" на перышках, вставленных острием в парту, производя разные дребезжащие звуки...

ПОДПОЛКОВНИК ГОРСКИЙ - Осип Титович (восемь тысяч, по прозвищу), преподаватель естественной истории, ботаники, минералогии. В свое время окончил университет и так и остался, несмотря на военную форму, глубоко штатским. Был добрейшей души

и очень спокойного характера. "Естественный класс" помещался в глубинѣ помещенія третьей роты, дежурный воспитатель былъ далеко, и тутъ разыгрывались веселыя сцены.

При входѣ Горскаго въ классъ, ему хоромъ пѣли: "Росемь тысячъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте". — "Ну а гдѣ же рапортъ?" заявлялъ будто бы гаввно Горскій. "Росемь тысячъ сердятся, сердятся, сердятся" — продолжалъ хоръ. — "Э! да я же буду принужденъ пожаловаться инспектору классовъ!" — Успокоивъ публику, Горскій читалъ лекцію или спрашивалъ заданное. Иногда спрашивалъ, есть ли у когонибудь вопросы и все ли понятно. А здѣсь уже каждый изощрялся, какъ могъ. Напр., съ наивнымъ видомъ преподносили ему кусокъ сахара, выкрашенный черниломъ и спрашивали: "что это за минеральная разновидность?" Горскій разсматривалъ и совершенно спокойно отвѣчалъ: "Э! да это же сахаръ".

Любили мы съ нимъ вечерней выхаживать въ кадетскій паркъ, гдѣ онъ насъ знакомилъ съ флорой. Сервомъ доходили только до воротъ парка, а затѣмъ разбѣгались во все стороны, и до конца урока трудно ему было когонибудь поймать. Къ концу урока собирались вокругъ него, оправдываясь тѣмъ, что искали "лѣтики", но вмѣстѣ лѣтиковъ, показывали ему сорную крапиву, рипяхи и самый невѣроятный бурьянъ.

На переходныхъ экзаменахъ въ слѣдующій классъ Осипа Титовича назначали ассистентомъ по географіи. Каждому изъ слабо отвѣчающихъ (плавающему) онъ всегда приходилъ на помощь. Подзывалъ бѣднягу къ нѣмой картѣ, развѣщенной на стѣнѣ, и тихо спрашивалъ, показывая рукой: "Не правда ли, это рѣка Кама?" — "Такъ точно, госп. Полковникъ" — "А неправда ли, это городъ Симбирскъ? а это Уральскій хребетъ?" — "Такъ точно, госп. Полковникъ!" — "Ну, вотъ и хорошо" — и появлялась спасительная шестерка.

Конечно, не всѣ воспитатели и преподаватели были "звѣздами", были и несправедливыя и скучныя со своими "от и до" по книжкѣ, но общій уровень былъ высокъ.

"Всякъ куликъ свое болото хвалитъ"... но нельзя безъ чувства благодарности и похвалы ко всѣмъ воспитателямъ и преподавателямъ вспомнить о своемъ родномъ "молодомъ" корпусѣ, который за короткій срокъ своего существованія успѣхами своихъ кадетъ въ военныхъ училищахъ успѣлъ завоевать себѣ видное мѣсто среди другихъ старыхъ корпусовъ Россійской Имперіи.

Парижъ. Франція.
Окт. 1953г.

Александръ Ляницкій
вице-фельдфебель УИ выпуска

СУМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ
(1903 - 1910)
(Глава изъ воспоминаній)

Сумскій кадетскій Корпусъ въ 1903 году состоялъ изъ 4-хъ классовъ: 1-й и 2-й - 2-ая рота, 3-й и 4-й - 1-ая рота и принадлежалъ къ числу "молодыхъ", вновь открытыхъ.

Корпусъ былъ расположенъ въ громадной усадьбѣ, подаренной корпусу мѣстнымъ богачемъ Иваномъ Герасимовичемъ Харитоненко, пожертвовавшимъ еще деньги на постройку великолѣпнаго зданія; все это было сдѣлано съ условіемъ, что корпусъ будетъ всесословный, т.е. не для однихъ дворянскихъ дѣтей, но и для другихъ сословій, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Надо отмѣтить, что И.Г.Харитоненко много сдѣлалъ для благоустройства г.Сумъ, благодарные жители котораго воздвигли ему на главной, Соборной площади памятникъ, конечно, разрушенный въ дни революціи.

Первымъ директоромъ былъ ген.Кублицкій-Піотухъ, переведенный впоследствии (1905г.) на ту же должность въ Кіевскій Владимірскій Корпусъ.

На его мѣсто вступилъ и оставался до конца существованія корпуса Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ (впоследствии Генераль-Лейтенантъ) Андрей Михайловичъ САРАНЧОВЪ, б.командиръ 81-го Апшеронскаго Императрицы Екатерины II полка. Онъ окончилъ Фельдфебелемъ Кіевскій Корпусъ и вышелъ въ Михайловское Артил.училище, но по дорогѣ, прельстившись Первопрестольной, остался въ Александровскомъ военномъ училищѣ, которое окончилъ Фельдфебелемъ и вышелъ въ Лейб-Гвардіи Павловскій полкъ.

Ген.Саранчовъ былъ выдающійся военный педагогъ и воспитатель, высоко поставившій въ корпусѣ ученіе и воспитаніе кадетъ; тщательно подбирая воспитательскій и педагогическій персоналъ. Глубококорелигіозный, высокообразованный и нравственный, онъ требовалъ того же и отъ всего состава Корпуса. Надо отмѣтить, что составъ воспитателей и преподавателей былъ подобранъ очень удачно, и Сумскій корпусъ считался на второмъ, послѣ Кіевскаго, мѣстѣ по постановкѣ образованія и воспитанія. Сумскіе кадеты кончали въ большинствѣ хорошо военныя училища, преимущественно спеціальныя, а выходяшіе "на сторону" попадали успѣшно по конкурсу въ высшія гражданскія учебныя заведенія. Все предметы, кромѣ иностранныхъ языковъ, преподавались очень хорошо, какъ по объѣму, такъ и по содержанію.

Одѣвали кадетъ отлично, но не баловали. Зимой, подъ лѣтнюю шинель, подшивалась на груди и спинѣ тонкая байка; никакихъ фуфаякъ, теплыхъ носковъ и пр. мы не носили. Ежедневно утромъ насъ выгоняли, не взирая на погоду, на получасовую прогулку въ однихъ бушлатахъ. Въ спальняхъ, несмотря на наличие парового отопленія, было не больше 12 градусовъ, и спали мы подъ однимъ одѣяломъ, на правомъ боку, положивъ руки подъ голову.

Гимнастикъ и спорту удѣлялось тоже не мало вниманія. Ежемѣсячно производился медицинскій осмотръ. Бдительно также слѣдили за зубами кадетъ, которыхъ зубной врачъ вызывалъ періодически на осмотръ. Въ Корпусѣ былъ отличный лазаретъ. Бѣлье мѣнялось два раза въ недѣлю, а носки и носовые платки можно было мѣнять каждый день. Наконецъ, еженедѣльная баня, а лѣтомъ купальня, спеціально построенная на р.Пселѣ. Питали кадетъ замѣчательно. Утромъ чай съ бѣлой булкой и масломъ; завтракъ изъ одного блюда, чая и полъ бѣлой булки; обѣдъ изъ трехъ блюдъ съ отличнымъ квасомъ; и вечерній чай: бѣлая булка съ масломъ, или котлеты, или

полстакана молока. Ржаного хлѣба давалось вволю: сколько стѣшь.

Отличныя высокія и свѣтлыя помѣщенія; частыя прогулки и экскурсіи дополняли картину нашего прекраснаго существованія въ Корпусѣ.

У насъ была замѣчательная двухсвѣтная церковь и чудный Батюшка, настоящій отецъ духовный, священникъ-академикъ РАСИЛІЙ ВІНОГРАДОВЪ, впослѣдствіи послѣдній духовникъ ген.Врангеля.

Въ церкви пѣлъ замѣчательный хоръ подѣ управленіемъ г-на Посельскаго, прозваннаго за свой ростъ "каланчей". Былъ и свѣтскій хоръ; духовой, струнный и симфоническій оркестры. Послѣднимъ управлялъ еврей Лившицъ. Былъ драматическій кружокъ, часто ставившій серьезныя спектакли (напр., "Ревизоръ" Гоголя). Ставились и музыкальныя пьесы: "Запорожецъ за Дунаемъ", "Наталка Полтавка", "Невольники" и даже часть "Аскольдовой Могилы". Кадеты отпускались и въ городѣ на спектакли и концерты, когда пріѣзжали знаменитости: Михайлова, Собиновъ, капелла Славянскаго и др. Нерѣдко у насъ читались лекціи и доклады, а въ строевой ротѣ Директоръ читалъ прекрасныя лекціи по исторіи Русской Арміи.

Въ дни тезоименитствъ Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, въ день Корпуснаго Праздника (26 сентября, Іоанна Богослова) и въ день Георгіевскихъ Кавалеровъ устраивались парадъ, обѣдъ и вечеромъ — концертъ, послѣ котораго балъ. Особенно торжественно отмѣчался Корпусной праздникъ. Всѣ эти развлечения носили полезный характеръ.

День въ Корпусѣ начинался въ 6 часовъ: будили насъ барабаны или рожокъ горниста. Быстро одѣвались, чистили сапоги, обмундированіе, пуговицы, умывались и строились на чай. Утренняя молитва. Въ младшихъ ротѣхъ дѣлали осмотръ. Послѣ чая прогулка на плацу: I-я рота со 2-й; 3-ья съ 4-й. Затѣмъ часъ "повторенія уроковъ" и уроки: до завтрака три, послѣ завтрака — въ младшихъ ротѣхъ два, въ старшихъ — три. Обѣдали въ 3½ часа, затѣмъ "свободное время", два часа съ перемѣной "подготовки уроковъ", вечерняя молитва и чай, послѣ котораго желающіе въ I-й и 2-й ротѣхъ доучивали уроки до 10-ти часовъ.

Время въ корпусѣ летѣло незамѣтно: мы были очень заняты. Въ старшихъ классахъ помимо шести уроковъ, бывали седьмые какъ напримѣръ, практическія занятія въ химической лабораторіи и т.п.

Воспитывали насъ на священномъ въ тѣ времена девизѣ: "БЕРА, ЦАРЬ И ОТЕЧЕСТВО". Приходится только пожалѣть, что въ старшихъ классахъ и въ военномъ училищѣ насъ не познакомили съ противными Царскому режиму политическими ученіями.

Въ корпусѣ строго преслѣдовались ругань, неряшество, драки, доносы, ложь и, конечно, воровство. Насъ дѣйствительно воспитывали и готовили будущихъ офицеровъ Императорской Арміи.

Баллы за поведеніе ставились такъ: въ I-мъ классѣ высшій баллъ 6, во второмъ — 7 и т.д., и только въ 7-мъ можно было имѣть 12 балловъ.

Матерная ругань и рукоприкладство карались, особенно въ старшихъ классахъ строго: виновныхъ исключали изъ корпуса съ "волчьимъ билетомъ".

Сумскій корпусъ былъ молодой, въ немъ не было закваски старшихъ корпусовъ, но товарищество было въ своемъ родѣ культомъ. Ябедничество, доносы и подлизываніе жестоко карались самими кадетами, вплоть до "темной", когда "виновнаго" накрывали шинелью и... избивали.

Былъ здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

Мы такъ сживались въ отдѣленіяхъ, что къ концу каникулъ, къ огорченію родителей, начинали скучать по своимъ товарищамъ. Какое священное было для насъ это слово "товарищъ", ополченное въ послѣдствіи революціей...

Пребываніе въ корпусѣ ознаменовалось въ май 1907г. (когда корпусъ имѣлъ полныхъ семь классовъ) — посѣщеніемъ прибывшаго изъ С.Петербурга съ Высочайше пожалованнымъ знаменемъ Генералъ-Инспектора Военно-учебныхъ заведеній Великаго Князя Константиновича.

Происшедшій по этому случаю торжества: парадъ съ первой присягой и прибавкой знамени, концертъ-балъ — оставили неизгладимое впечатлѣніе въ душахъ кадетъ, укрѣпивъ еще болѣе ихъ въ республиканскія чувства.

Великій Князь былъ обаятеленъ въ своей простотѣ и заботѣ о своихъ людинахъ-кадетахъ. Онъ обладалъ исключительной памятью и узнавалъ многихъ позже, когда она были уже юнкерами и даже офицерами..

Незамѣтно, не оставивъ ни одного темнаго воспоминанія, промелькнули семь лѣтъ пребыванія въ корпусѣ. Наступили тяжелые выпускные экзамены; ихъ было — устныхъ и письменныхъ — до 24-хъ. Постановка обученія и расписание занятий способствовали тому, что пройденное мало забывалось. Были у насъ такъ называемыя "летучки", когда преподаватель, занявъ полчаса на объясненіе урока, неожиданно вынималъ бумагу для письменной работы на только что объясненное. Переходные экзамены изъ классовъ въ классъ играли также важную роль въ этомъ отношеніи. Изъ жизни корпуса можно было бы привести массу примѣровъ, показывающихъ, какъ воспитывали кадетъ.

За рѣдкими исключеніями, воспитатели никогда не ругали и не "умучивали" кадетъ наказаніями, которыя сводились къ слѣдующимъ: для малышей — безъ сладкаго блюда, постановка "на штрафъ" для всѣхъ: безъ отпуска; а для старшихъ еще карцеръ. Самымъ суровымъ наказаніемъ было — сѣзаніе погоня и трапеза за отдѣльнымъ столомъ. Конечно, примѣняли и сниженіе балловъ за поведеніе. Большую роль играли выговоры — персональные и передъ строемъ. Надо сказать, что на "разночинный корпусъ" не клалъ никакой грани между дѣтьми дворянъ и другихъ сословій. Объ этомъ доразумѣнія на "національнныя" темы съ довольно многочисленными въ корпусѣ болгарами и грузинами, но это носило дѣтскій характеръ. При переходѣ въ 4-й классъ всѣ воспитатели заявляли намъ, что мы уже "взрослые" и что они будутъ говорить намъ "вы" вмѣсто "ты". Если воспитатель былъ любимъ, то отдѣленіе заявляло "протестъ" и просило говорить "ты". Такъ продолжалось до 7-го кл.!

Приведу нѣсколько эпизодовъ изъ жизни корпуса.

26 ноября 1909г. Корпусъ выстроены для парада по случаю Праздника Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ залѣ семьи персонала и делегация отъ 10-го Драгунскаго Новгородскаго Короля Вюртембергскаго полка.

Входитъ директоръ. Строевая рота беретъ "на караулъ", оркестръ играетъ "Встрѣчу"... Прекрасное слово Директора о Георгіевскихъ Кавалерахъ и здравіца за Государя Императора. Величественные звуки гимна и громкое "ура" присутствующихъ... Генералъ дѣдаетъ знакъ рукой, все стихаетъ.

"Въ ознаменованіе дня Храбрыхъ" говоритъ онъ, "я вызову нѣкоторыхъ кадетъ для производства въ вице-унтеръ-офицеры".

Кадетъ К. имѣвшій всего 9 балловъ за поведеніе, неожидан но слышитъ свое имя и замечая, тогда какъ другіе вышли впередъ на средину фронта Корпуса.

"Выходите!" - зоветъ Генералъ, "я знаю, что вы не ожидаете производства, но вы его заслужили за свой воинскій духъ!"

Скандальный кадетъ выходитъ и становится передъ строемъ. Гремить дружное "ура!" за новый "унтеррот"... К. принужденъ вести себя такъ, чтобы имѣть унтеръ-офицерскій баллъ за поведеніе.

Другой эпизодъ. Кара, идутъ выпускные экзамены. "Запретный плодъ сладокъ" и группа кадетъ съ "унтеррот" К. удираетъ купаться, несмотря на запрещеніе, на соседнюю дачу Богатыревыхъ. Куданья это было обнаружено Инспекторомъ Элеидъ, который прохаживалъ со своими кадетами на прогулку черезъ эту дачу и обнаружилъ некоторыя части кадетскаго туалета на берегу, тогда какъ "кадетосы" испрыгались въ воду, кто въ кусты... Клеймо на забытомъ височкѣхъ было ясно указывало, что купальщики изъ I-й роты...

На другой день, послѣ утренней молитвы, въ роту вошелъ Генералъ Саранцовъ. Поздоровавшись съ кадетами, онъ обратился къ нимъ со словами:

"Вчера нѣсколько кадетъ удирали купаться на дачу Богатыревыхъ. Кто это сдѣлалъ - три шага впередъ, шагомъ марш!"

Все, не сговариваясь предварительно, "отпечатали" три шага и остановились. Въ числѣ купальщиковъ былъ одинъ вице-унтеръ-офицеръ, а среди кадетъ два, Маккавейскій и Сергій Ивановъ, имѣвшіе по 7-ми балловъ за поведеніе. Всякое пониженіе балловъ приводило къ "волчьему билету".

"Нехорошо, - сказалъ Генералъ, - что вы нарушаете мой приказъ, особенно вы, вице-унтеръ-офицеръ! Но за то, что у васъ есть мужество и вы сознались, - я ограничиваюсь арестомъ, а Маккавейскому и Иванову прибавлю по два балла за поведеніе. К! ведите всѣхъ въ карцеръ".

К. скомандовала и повела "команду" въ карцеръ. Пришлось размѣститься по 4-5 человекъ въ карцеръ, но вскорѣ появился Директоръ и, пожуривъ еще разъ провинившихся, отпустилъ ихъ съ миромъ... Елестяшіе приемы воспитанія!

Не могу не упомянуть объ одномъ анекдотическомъ случаѣ. Шли выпускные экзамены. Уже чувствовалась усталость отъ "зубрежки". Въ I-мъ отдѣленіи экзаменъ по "сугубой" химіи. Преподаватель строгій "чистый" математикъ инженеръ М.С. Родкевичъ. Предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи Директоръ Корпуса, который "спасаетъ утопающихъ", слабѣе по математикѣ и химіи кадетъ. Изъ сосѣднихъ отдѣленій пришли кадеты "послушать, какъ спрашиваютъ". Отвѣчаетъ князь Ч. старый кадетъ, переведенный изъ Воронежскаго Корпуса, пробывшій въ двухъ корпусахъ 10 лѣтъ и не стличавшійся способностями, но страшно старательный и чрезвычайный "зубрила". Попался билетъ о гремучемъ газѣ. И, о чудо! Ч. отвѣчаетъ его вполне прилично. Директоръ обращается къ преподавателю: "Михаилъ Федоровичъ? Онъ отвѣчаетъ хорошо, давайте его посадимъ. Выходитъ онъ въ пѣхотное училище и большіе знанія ему по химіи не надо".

"Слушаясь, ваше превосходительство, но разрешите задать кадету кн. Ч. еще одинъ вопросъ?"

"Пожалуйста!"

"Скажите, кадетъ Ч. какое вы, помимо гремучаго газа, знаете..."

те еще гремучее соединеніе?"

Маленькая заминка и... слышится твердый отвѣтъ: — "Гремучая змѣя, г-нъ преподаватель?"

Взрывъ смѣха... Директоръ машетъ рукой... Смѣется даже и когда при насъ не смѣявшійся Родкевичъ.

Въ заключительныхъ строкахъ о милomъ родномъ Корпусѣ хочется сказать о нѣкоторыхъ лицахъ изъ его персонала. О Директорѣ, всѣми уважаемomъ и любимomъ, уже говорилось въ очеркѣ. Революція его выбросила за рубежъ; онъ отдалъ Родинѣ трехъ сыновей; павшихъ смертью храбрыхъ на полѣ чести. Послѣдніе годы, въ сильной нуждѣ, генералъ проживалъ въ Парижѣ, куда приходили къ нему его кадеты, по мѣрѣ ихъ "рабочихъ" возможностей. Генералъ никогда не принималъ ничьей помощи. Тяжелый недугъ, ракъ желудка, унесъ горячо любимого Директора въ могилу. Какъ стойчески, чисто по христіански переносилъ онъ незаслуженныя муки и умеръ, какъ истинный Русскій Генералъ. Его похоронили на Русскомъ кладбищѣ, подъ Парижемъ, скромно, какъ онъ завѣщалъ.

Россія и Армія должны чтить память Генералъ-Лейтенанта Сранчова, давшаго имъ многихъ офицеровъ.

Большую роль въ жизни корпуса игралъ законоучитель и настоятель храма о.Василій Еиноградовъ. Его благолѣпное богослуженіе съ прекраснымъ хоромъ — производило всегда сильное впечатлѣніе. По молодости лѣтъ кадеты, конечно, "умничали" и вели съ Батюшкой "скользкіе" разговоры на религіозныя и другія темы. Батюшка зналъ, что его "заговаривали" и не умучивалъ кадета своими предметами, особенно зубрежкой текстовъ изъ Катехизиса. Онъ терпѣливо выслушивалъ своихъ "еретиковъ" и неизмѣнно посрамлялъ ихъ своей культурностью и логикой. Кадеты отлично знали, какъ о.Василій заступался за нихъ на педагогическомъ совѣщаніи и нерѣдко отстаивалъ кадета, когда онъ былъ одинъ противъ всѣхъ членовъ совѣщанія. Очень часто онъ звалъ кого нибудь и, неожиданно для него говорилъ о совершенномъ имѣ, но неоткрытомъ поступкѣ. Съ большимъ терпѣніемъ и успѣхомъ онъ возился со своими духовными дѣтьми. Особенно памяты его слова: "вотъ вы нѣкоторые думаете, что нѣтъ Бога и не вѣрите въ Него. Подождите, не дай Богъ, свиснетъ первая пуля или случится бѣда, — тогда обратитесь къ Нему и повѣрите..." О.Василій скончался вскорѣ послѣ смерти ген.Врангеля, духовникомъ котораго онъ былъ, и похороненъ въ Брюсселѣ.

Не могу не вспомнить, естественно, своего офицера-воспитателя Полковника Евгенія Михайловича Ростовцева: блестящій офицеръ и воспитатель, воплощеніе корректности и справедливости, гармонирующіхъ съ его элегантною и изящною "пистолетъ", т.е. "тсняга", — на кадетскомъ языкѣ самое лестное прозвище. Любимецъ Корпуса и, конечно, отдѣленія! Дорого ему и его нервы дались 27 характеровъ (по числу кадета въ отдѣленіи) за семь тяжелыхъ лѣтъ... По окончаніи нами корпуса, онъ перевелся въ 32-й Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ (Канскъ, Енисейской губ.) Въ 1920г. онъ былъ еще живъ и проживалъ въ Гор.Таганрогѣ. — Зналъ онъ своихъ кадета "насквозь" и индивидуально работалъ надъ каждымъ изъ нихъ, сглаживая и искореняя недостатки. Увѣренъ, что кадеты его "Лейб-2го" (какъ они сами себя называли) съ глубокимъ уваженіемъ и любовью вспоминаютъ своего воспитателя и учителя.

По воскресеньямъ полагался часъ "общаго чтенія". Съ ка-
кимъ умѣніемъ Евгеній Михайловичъ подбиралъ книги для чтенія,
преследуя двѣ цѣли: развить любовь къ родной литературѣ и вос-
питать своихъ кадетъ на высокихъ проявленіяхъ Русскаго духа и
самопожертвованія...

Кончились тяжелые экзамены. Скромный выпускной обѣдъ въ
ротномъ залѣ. Простые задушевныя рѣчи... Вакансіи въ училища
разобраны. Впереди предстояла уже служба!

Прощай родной и незабвенный Корпусъ! Здравствуй, Славная
Гвардейская Школа!

Е.Кравченко. IV вып.

Германія.

П Р И З Н А Н І Е .

Въ "Колонномъ" залѣ вальсъ старинный,
На томъ балу, гдѣ въ первый разъ
Сидѣли дѣвицы такъ чинно;
Гдѣ чистъ былъ смѣхъ лукавыхъ глазъ,
У входа въ залъ, подъ аркой обѣлой,
Среди веселой суеты,
Стоялъ кадетъ, глядя насмѣло
На силуэтъ своей "мечты".

"Тебѣ одной пою я славу,
Ты для меня и жизнь и свѣтъ,
И этотъ балъ — твоя оправа..."
Такъ думалъ скромный нашъ кадетъ.

"Стою я на порогъ счастья,
Но никогда бы я не смогъ
Безъ милой нѣжнаго участья
Перешагнуть его порогъ"

"Одинъ среди толпы жестокой,
Одинъ среди пошлости людской
Стою, какъ странникъ одинокій,
Съ больной, измученной душой...."

А скрипки темныя все пѣли,
Вторила имъ віолончель,
И вальса звукъ вливался смѣло
Въ любви восторженной купель.

Какъ все нарядно въ обломъ залъ!
Невольникомъ волшебныхъ чаръ
Все тотъ же съ "ней" кружится въ парѣ
Блестящій "Гродненскій" гусаръ.

"Молился я всей силой страсти:
"Взгляни, родная, пожалѣй..."
И чудо: свѣтлый взглядъ участья
Разсвѣялъ мракъ души моей".

Затѣмъ на выходѣ "случайно"
Къ ногамъ моимъ упалъ цвѣтокъ...
Его "живымъ" храню я тайно
Средь пожелтѣвшихъ старыхъ строкъ".

"Когда звучитъ тотъ вальсъ старинный,
Видѣнья оживаютъ вновь:

И рядъ дѣвицъ, сидящихъ чинно,
И вѣчно-юная любовь.

"Съ годами все уноситъ Лета,
Но вдругъ причудится мнѣ даль...
Хоть пѣсня лебедя пропѣта,
Жива уснувшая печаль!"

Евгеній Долинскій
I выпуска.

Франція
1953.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО И НЕРОЗВРАТНАГО ПРОШЛАГО.

Послѣднія Рождественскія каникулы въ 1914 году я проводилъ въ семьѣ, кадетомъ Сумскаго Кадетскаго корпуса. Уже пятый мѣсяцъ на фронтѣ гремѣли пушки, лилась кровь, и ряды арміи таяли отъ потерь. Ожидался ускоренный выпускъ въ корпусахъ:

На очередь становился вопросъ: куда выходить, т.е. родъ оружія, въ которомъ собирался служить въ дальнѣйшемъ. У меня въ душѣ этотъ вопросъ давно былъ рѣшенъ: въ кавалерію, а затѣмъ въ Павлоградскіе Лейбт-Гусары.

Полкъ былъ мнѣ хорошо знакомъ; я зналъ большинство офицеровъ, имъ еще сравнительно недавно командовалъ мой отецъ, и я ребенкомъ жилъ въ казармахъ полка. Павлоградцы, столь красиво воспѣтые Л.Н.Толстымъ въ "Войнѣ и Мирѣ" — Ростовы, Денисовы — вышли изъ его рядовъ, и я мальчикомъ мечталъ надѣть его гусарскую форму.

Но это были лишь мечты; для осуществленія ихъ требовалось — для выхода въ кавалерію — письменное согласіе родителей, т.к. жизнь въ кавалерійскихъ училищахъ и дальнѣйшая служба въ конницы, накладывали матеріальныя обязательства на семью.

Въ Кіевѣ въ это время лечился только что пріѣхавшій съ фронта и сдавшій свою II-ую Кавалерійскую дивизію мой отецъ. Послѣднее слово въ моей судьбѣ было за родителями. Мнѣ легко удалось получить ихъ согласіе на выходъ въ кавалерію, но съ нѣкоторыми оговорками. Отецъ былъ противъ выхода въ Николаевское Кавалерійское училище, которымъ онъ всего четыре года назадъ командовалъ, и весь составъ котораго былъ прежній, что повлекло бы всевозможныя снисхожденія ко мнѣ.

Отецъ мой, какъ строгій, принципиальный человекъ и начальникъ, на все смотрѣлъ серьезно и считалъ, что въ жизни все покупается только упорнымъ трудомъ и знаніемъ, а не протакціей.

Онъ мнѣ предложилъ на выборъ: Пажескій Его Величества Корпусъ, въ которомъ мы всѣ братья со дня своего рожденія числились "пажами-кандидатами", по дѣду нашему, или же Елисаветградское Кавалерійское училище, которымъ онъ, правда, въ свое время тоже командовалъ, но около десяти лѣтъ назадъ, и въ училищѣ за это время все успѣло измѣниться.

На выходъ въ дальнѣйшемъ, въ Павлоградскій полкъ, который отецъ очень любилъ, и офицеры котораго много лѣтъ спустя бывали у насъ въ семьѣ, отецъ тоже не соглашался, говоря: "Чудный полкъ, но пьяный, и живя въ провинціи ты легко можешь спиться. Ты выйдешь, если будешь хорошо учиться, въ Лейбт-Гусары".

Гвардіи Драгунскій полкъ; столичная жизнь имѣетъ свои прелести и отвлечётъ тебя отъ Собранія... Разъ въ Гвардіи я могу содержать двухъ твоихъ братьевъ, то нѣтъ основанія, что я не сдѣлаю этого и для тебя..."

Итакъ, вопросъ о выходѣ въ конницу былъ рѣшенъ. Радостнымъ съ письменнымъ разрѣшеніемъ отца, я вернулся въ Корпусъ и вручилъ отцовское разрѣшеніе своему Ротному Командиру. Разъ мнѣ предоставлялся выборъ: Пажескій корпусъ или Елисаветградское Кавалерійское Училище; я рѣшилъ выбрать Училище, тѣмъ болѣе, что туда выходили мои друзья, и училище было очень популярно среди Сумскихъ кадетъ. Пажескій-же корпусъ, какъ привилегированное учебное заведеніе, не пользовался любовью провинціальныхъ кадетскихъ корпусовъ.

У насъ, въ Сумскомъ корпусѣ, какъ впрочемъ всюду, кадеты мечтали о кавалеріи: форма красивая, жизнь широкая, старыя традиціи — все это искренно привлекало дѣтскія сердца, въ большинствѣ сыновей военныхъ.

Кромѣ того, 10-й Драгунскій Новгородскій полкъ, стоявшій въ нашемъ городѣ Сумахъ, по сосѣдству съ корпусомъ, съ которымъ мы имѣли постоянный контактъ, ибо въ немъ служило не мало бывшихъ нашихъ кадетъ; его парады, смотры, и вообще вся служба въ этомъ полку развивали и подогрѣвали молодежь, и каждый кадетъ чуть не съ младшихъ классовъ видѣлъ себя на рыжей лошади, въ бѣло-малиновой кирасирской фуражкѣ.

Мечты, въ большинствѣ случаевъ, уступаютъ мѣсто реальностямъ. Не много счастливицовъ обладало средствами, и въ массѣ кадеты, сыновья скромныхъ армейскихъ офицеровъ, живущихъ на жалованье, и удѣлъ большинства былъ одно изъ пѣхотныхъ училищъ. Наиболѣе способные и хорошо окончившіе курсы, выходили въ артилерійскія и инженерное училища.

Занятія въ этомъ году шли ускореннымъ темпомъ, были отменены выпускные экзамены, мы разбирали вакансіи по среднему годовому баллу. Въ концѣ апрѣля мы должны были уже покинуть родныя стѣны корпуса, распрощаться съ друзьями, со многими уже навсегда, и въ маѣ мѣсяцѣ явиться въ свои выбранныя Училища.

Мнѣ не повезло: въ февралѣ мѣсяцѣ я заболѣлъ въ очень тяжелой формѣ дифтеритомъ и скарлатиной одновременно. Въ корпусѣ въ томъ же году имѣло мѣсто уже нѣсколько заболѣваній и одно смертельнымъ исходомъ. Начальство перепугалось, телеграммой вызвали срочно мою мать изъ Кіева. Болѣзнь протекала бурно, и я нѣсколько дней пролежалъ въ жару безъ сознанія, и появленіе въ стѣнахъ заразнаго лазарета моей матери было для меня неожиданнымъ и радостнымъ. Вскорѣ въ мою палату положили кадета моей роты, но годомъ моложе меня по выпуску, кн. Волконскаго, впослѣдствіи Лейбъ-Гусара, убитаго въ Югославіи.

Когда прошелъ у насъ обоихъ кризисъ, то моя мать и прибывшая княгиня, по очереди днемъ и ночью ухаживали за нами. По нѣсколько разъ въ день насъ навѣщали доктора, и даже какая-то знаменитость была корпусомъ вызвана для консультаціи изъ Харькова. Но молодость, сильный организмъ и прекрасный уходъ сказались быстро. Мы стали оба поправляться, и за мѣсяцъ до разбора вакансій я уже былъ въ своей ротѣ, зубрилъ, нагоняя по наукамъ потерянное время.

Въ первыхъ числахъ мая мы покинули нашъ любимый Корпусъ, гдѣ дружба, товарищество, взаимная выручка — были основой на-

шей жизни. Мы всё были равны, мы были всё по формѣ одинаково одѣты въ казенное платье. Въ корпусной жизни не имѣло значенія ни происхожденіе, ни матеріальная сторона жизни, мы были почти всё были дѣти Русскаго Офицера, будь то генерала или скромнаго пѣхотнаго штабсъ-капитана, что и подчеркивалось и начальствомъ и товарищами — насъ всѣхъ объединялъ "бѣлый погонъ", и мы имъ гордились....

Съ грустью въ сердцѣ мы покидали Корпусъ, съ которымъ сжились, и въ то же время радуясь, что первый этапъ нами пройденъ впереди Училища, "Дѣйствительная служба", а затѣмъ и завѣтные офицерскіе погоны, война, фронтъ, подвиги — мы вѣдь тогда торопились жить и боялись опоздать....

Ротмистръ Де Виттъ
IX выпуска.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ "СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ"

"С о н е т ы "

Стократъ священный союзъ
меча и лиры...

Пушкинъ:

О, муза, дай мнѣ вдохновенье
Пугливой рифмою своею
Воспѣть, что было сердцу мило,
Что было жизнью моею...
Быть можетъ, я и ошибаюсь, —
Что въ бездну катится весь міръ...
Но — дай прославить — чѣмъ мы жили:
Родной намъ воинскій мундиръ.

Мелькаютъ дни... Уходятъ въ вѣчность
Искони намъ родная быль...
И день настанетъ, и покроетъ
Ее врементъ минувшихъ пыль.
Въ нашъ вѣкъ великихъ потрясеній, —
Міръ, захлебнувшійся въ крови, —
Забывъ о Богѣ и о правдѣ, —
Бредетъ по скользкому пути...
И знаетъ только Провидѣнье,
Что ждетъ заблудшихся людей, —
А боль о прошломъ, невозвратномъ
Сжимаетъ сердце всё сильнѣй.
Быть можетъ, міръ вернется снова
Къ основамъ вѣчной красоты,
И пышной краской развернутся
Какъ прежде, яркіе цвѣты?
Тогда трепашущей рукою
Стряхнутъ съ былого пыль вѣковъ,
И міръ очнется отъ проказы
И мощь вернетъ своихъ основъ.

Глава II.

Сбылись заветныя желанья.
 Былъ въ Корпусѣ я опредѣленъ
 И за стремленье быть кадетомъ
 Судьбою щедро награжденъ.
 Въ средѣ товарищей-кадетовъ
 Промчались чудные года.
 Основы братства, крѣпкой спайки
 У насъ остались навсегда.
 Доносчикъ, чѣбда, подлиза
 Карались нашею рукой...
 Зачѣмъ скрывать? Была расправа
 Жестокон, яростной порой...
 Но Корпусъ такъ мы полюбилъ,
 Что на каникулахъ съ тоской
 О немъ не рѣдко вспоминали,
 И возвращались — какъ домой.
 ...Основы долга, дисциплины
 Внушались твердою рукой,
 И былъ всѣмъ дорогъ безконечно
 Кадетскій Корпусъ нашъ Сумской.
 ...Трескучей дробью барабана
 Нашъ начинался каждый день.
 Вставать ужасно не хотѣлось:
 Сковала утренняя лѣнь...
 День начинали мы съ молитвы;
 Затѣмъ въ столовую — чай пить;
 Потомъ уроковъ повторенье,
 Прилежнымъ счастье — зубрить.
 Предметовъ масса. Приходилось
 Ихъ изучать намъ каждый день,
 Пока надъ Сумами спускалась
 Ко сну зовущая насъ сѣнь...
 Конечно, спортомъ увлекались
 Не безъ азарта межъ собой, —
 Недурно всѣ мы фектовались,
 И былъ жестоко рапирный бой...
 — Намъ закаляли духъ и тѣло,
 Внушали прелесть красоты:
 Театръ, концерты и прогулки,
 А также чудные балы.
 Кормили сытно и обильно.
 Не распускали теплотой,
 И въ спальняхъ намъ подъ одеяломъ
 Было прохладно, а зимой
 Ходили мы въ шинеляхъ легкихъ,
 Хотя и былъ жестоко морозъ...
 И теръ перчаткой шерстяною
 Кадетъ съ стараньемъ уши, носъ...
 Надѣтъ башлыкъ или наушникъ
 Считалось стыдно и смѣшно...
 И растворяли мы зимою
 Заиндевѣвшее окно...
 Посты и службы выполняли,

И въ церкви строгій былъ укладъ.
 Ахъ, что тайтъ? — не понимали,
 Какой намъ жизнь давала кладъ.
 Намъ говорилъ отецъ Василиій:
 "Теперь вамъ всёми всё нипочемъ,
 "Когда же плохо вамъ придется,—
 "Вы въ горѣ вспомните своею,
 "Что только жаркою молитвой
 "Себя вы можете спасти,
 "И въ верѣ чистой, православной
 "Души спасеніе найти..."
 Мы часто, позже, вспоминали,
 Какъ правъ духовный былъ отецъ,
 Когда спокойнымъ днямъ и годамъ
 Пришелъ нежданный вдругъ конецъ...
 — А нашъ директоръ! Нѣтъ кадета,
 Чтобы не вспомнилъ бы о немъ
 Съ любовью, истымъ уваженьемъ,
 Какъ объ отцѣ своемъ родномъ.
 Онъ былъ начальникъ—воспитатель
 Вникалъ повсюду и вездѣ,
 Каралъ, — и миловалъ съ охотой,
 Въ кадетской былъ любимъ средѣ.
 Нашъ Генералъ былъ патриотомъ
 И въ духъ этомъ воспиталъ
 Немало нашихъ поколѣній,
 И все возможное намъ далъ.
 Былъ онъ достойный подражанья,
 Для насъ — незыблемый примѣръ:
 Считали мы — такимъ быть должны,
 Какъ идеальный, — офицеръ.
 — А воспитатель нашъ любимый,
 Семь лѣтъ кумиръ своихъ кадетъ!
 Недаромъ прозвище носилъ онъ —
 "Полковникъ тонный", "Пистолетъ"...
 — Великій Князь, любимый всеми...
 Счастливой юности пора, —
 Насъ посѣщалъ и, не смолкая,
 Гремѣло радостно — "ура!"...
 При немъ впервые, присягали
 Предъ новымъ знаменемъ своимъ!...
 — А годы мчались... И разстались
 Навѣки съ Корпусомъ роднымъ...
 Прошли экзамены, а съ ними —
 Лѣтъ незабвенная пора...
 "Ура, мы больше не кадеты,
 "А славной Школы юнкера".

Германія.
 1953.

Е. Кравченко
 IV выпуска.

СВЕТЛО ПАМЯТИ М. П А Р А Ф А .

Въ 1915 или 1916 году къ намъ въ Корпусъ пріѣхалъ съ острова Мартиники на мѣсто преподавателя французскаго языка М. Парафъ, бородатый, черный и ни слова не знавшій по русски, былъ онъ назначенъ преподавателемъ въ 3-й и 4-й классы. Когда онъ первый разъ вошелъ въ классъ, то кадеты, знавшіе его безпомощность въ языкѣ и порядкѣ, подшутили надъ нимъ такъ: Дежурный поднялъ отдѣленіе и подошелъ къ нему съ рапортомъ, какъ полагалось, по французски, а послѣ сталъ читать молитву передъ учениемъ, дальше "Отче нашъ" и еще нѣсколько молитвъ, и такъ растянулъ минутъ на 15-20. Парафъ стоялъ на вытяжку передъ образомъ, кадеты "смиренно" молились, давась отъ приглушеннаго смѣха; такимъ образомъ урокъ былъ изрядно сокращенъ. Немедленно было сообщено во всѣ остальные классы и отдѣленія, гдѣ М. Парафъ принялъ преподаваніе, и тамъ было продѣлано то же съ полнымъ успѣхомъ. Черезъ нѣсколько дней инсп. классовъ полк. генералъ Коншинъ, по прозвищу "шипучій" спросилъ француза, какъ у него идетъ дѣло. "Отлично! Дѣти очень милы, вѣжливы и послушны, но вотъ только не знаю, какъ сумѣю провести полностью курсъ "Что? почему??" — "Да вотъ видите ли, изъ 45 минутъ, данныхъ мнѣ на урокъ, для выполненія программы мнѣ остается мало времени, потому что религіозность, свойственная русскому народу, отвлечетъ мало времени для прохождения программы". "Какъ? что? Ну мы посмотримъ" — отвѣтилъ сразу же догадавшійся инспекторъ, и мы немедленно были уличены! Результатъ: все попавшееся отдѣленіе двѣ недѣли безъ сладкаго, а М. Парафъ, еще не понимавшій молитву, прерывалъ ее черезъ минуту и рѣшительно садился за кафедру.

Послѣсловіе: Горячо любилъ М. Парафъ кадета и Россію, и, очутившись у себя во Франціи, всюду, гдѣ только можно, во всемъ помогалъ искренно и жертвенно попавшимъ за-границу воспитателямъ и кадетамъ его любимаго Сумскаго Корпуса. Спасибо великое ему!

Америка.

Павелъ Измайловъ
Кадетъ 4 класса См.К.

" КОРПУСНЫЙ ПРАЗДНИКЪ "

Въ дымкѣ далекаго сорокадѣтняго прошлаго особенно хорошо помню Корпусный праздникъ въ 1913 году. Въ канунъ праздника въ 1-й ротѣ, послѣ завтрака, классныя занятія были отменены и на плацу шла репетиція предстоящаго парада. Командиръ роты полк. Котроховъ, со своими ужимками и причудами, безпрерывно равнял роту, провѣрялъ ружейныя приемы, подъ барабанъ регулировалъ нашъ шагъ и въ заключеніе нѣсколько разъ пропустилъ мимо себя роту подъ "Старо-Егерскій" маршъ нашего оркестра... Какъ вдругъ издали мы услышали звуки приближающихся трубачей возвращающагося, послѣ лагернаго сбора и маневровъ, по дорогѣ вдоль корпуса, на свои зимнія квартиры нашихъ Новгородскихъ драгунъ. Рота наша была подведена къ внѣшней аллеѣ и повернута лицомъ къ проходящему полку. "Рота смирно, господа офицеры!" — раздалась команда Котрохова, и рота кадетъ замерла, держа винтовку у ноги. Красиво, съ пѣсенниками въ головѣ эскадроновъ, проходили мимо

драгуны. Вотъ приближается Штандартный эскадронъ, везя въ похлѣ свою полковую святыню. По командѣ командира, рота наша, рѣзко отбивая приемы, беретъ "на караулъ", и нашъ оркестръ заигралъ драгунскій маршъ... да, это было почти день въ день сорокъ лѣтъ тому назадъ, и мы, молодежь тогда, словно наэлектризованные стояли въ строю, гордились корпусомъ и драгунами. Мы все были дѣти Великой Родины и Могучей Арміи...

На слѣдующій день, 26 сентября, былъ нашъ праздникъ. Стоялъ чудный солнечный осенній день. Для "церемониальнаго марша" на лѣвомъ флангѣ I взвода, подъ фѣнью нашего знамени встали вновь въ строй бывшіе кадеты — теперь офицеры, стѣхавшіеся къ этому дню въ корпусъ, ихъ было человекъ 8-10, все были въ парадной формѣ мирнаго времени: малькаль бѣлый ментикъ Елисаветградскаго гусара (кажется, Солянку, II выпуска), развѣвались на вѣгру бѣлье султанн уланъ, билъ яркимъ пятномъ желтый лацканъ "варшавской" пѣшей гвардіи, въ перемежку со скромной формой нашей пѣхоты — все было торжественно и нарядно... Звучалъ нашъ чудный гимнъ и наслоось могучее кадетское "ура" Державному Вождю... Вспоминая прошлое, я въсвь все пережилъ... Я дописалъ и ставлю точку. Больно сжимается сердце отъ мысли, что все это было, но никогда не повторится!...

Дмитрій Де-Виттъ
IX выпуска

ПОДПОЛКОВНИКЪ В. В. АЙВАЗОВЪ.

Почти сорокъ лѣтъ прошло, какъ я покинулъ стѣны родного Корпуса. Многое за это время было пережито, многое стало забываться, но свѣтлый обликъ моего офицера-воспитателя, подполковника Василія Васильевича Айвазова, навсегда останется у меня въ памяти.

Василій Васильевичъ прибылъ въ корпусъ молодымъ сравнительно сотникомъ Донскаго Казачьяго полка, страдая острымъ ревматизмомъ, простудившись во время подавленія революціонныхъ беспорядковъ 1904-5 гг. Онъ искренно любилъ свой полкъ и часто скорѣе, что здоровье заставило его покинуть строй.

Василій Васильевичъ былъ широко образованный и культурный человекъ, успѣвшій до вступленія въ военное училище, окончить университетъ, значекъ котораго всегда носилъ на правой сторонѣ. По натурѣ своей онъ былъ глубоко религіозный, скромный, мало замѣтный труженникъ-офицеръ. Онъ былъ строгъ, и мы его побаивались; временами нервный, но всегда справедливый. Своими примѣрами, бесѣдами, онъ сумѣлъ внѣдрить въ насъ съ младшихъ классовъ глубокую любовь и преданность Царю и Родинѣ. Онъ восторгался, наэлектризовывалъ дѣтей историческими примѣрами подвига и жертвенности. Съ большимъ тактомъ незамѣтно поддерживалъ слабыхъ и шатающихся кадета, направляя ихъ на правильный путь, развивая въ нихъ сознание долга. Вас. Вас. не допускалъ и считалъ почти оскорбленіемъ себя и черствой неблагодарностью со стороны кадета, пробовашаго 7 лѣтъ въ корпусъ на казенный счетъ и помышлявшаго выйти "на сторону"; онъ его полушутя, но съ долей презрѣнія, зачислялъ въ разрядъ "внутреннихъ враговъ" и "вольнодумцевъ"... Въ итогъ онъ къ выпуску торжествовалъ и заслуженно былъ гордъ — плоды его семилѣтней упорной работы сказались — его 2-ое отдѣленіе IX выпуска не дало ни одного, вышедшаго "на сторону", въ то время какъ въ параллельномъ классѣ

имѣли мѣсто 2 или 3 случая.

Стъ первыхъ дней Гражданской войны онъ былъ въ рядахъ Донской Арміи (на югѣ Россіи), сражался противъ большевиковъ и, какъ я слышалъ, въ 1919 году умеръ отъ тифа, на должности помощника командира полка.

Заканчивая на ээсмѣ свое повѣствованіе, я могу пожалѣть лишь о томъ, что я такъ блѣдно и неумѣло очертилъ обликъ этого достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка и моего перваго начальника. Хочу вѣрить, что прочитавъ эти строки, старый Сумскій кадетъ, въ коѣмъ еще бьется сердце русскаго офицера, помянетъ его добрымъ словомъ и увидитъ вновь передъ собою нашего скромнаго "сотника", прекраснаго воспитателя молодежи, горячаго патриота и вѣрнаго служителя Престолу и Родинѣ.

Дмитрій Де Виттъ
IX выпуска.

УРОКЪ ХИМІИ ВЪ 7 КЛАССѢ, ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Конечно, никто ничего не готовилъ. Тѣ, кого Родкевичъ вызывалъ въ прошлый разъ, не готовили ничего, а коѣго не вызывалъ положились на волю Божию. У насъ былъ 6-й часъ химіи, а во второмъ отдѣленіи 5-й. Во время перемены второе отдѣленіе ворвалось къ намъ съ крикомъ: Поголовный опросъ. Родкевичъ колотъ, наставлялъ! Мало кто получилъ хорошія отмѣтки. Что дѣлать? Гдѣ искать спасенія? И вотъ рѣшили удрать съ урока, кто куда можетъ. Кто въ лазаретъ, кто въ ватеръ, кто на метеорологическую станцію, а часть, въ томъ числѣ и я, за шкапы въ отдѣленіи. У насъ вдоль стѣны стояли длинныя шкапы. Отодвинувъ ихъ немного от стѣны, шеренга въ 4-5 человѣкъ стала между стѣной и шкапами. Входитъ Родкевичъ въ отдѣленіе. Смотритъ: половина отсутству-етъ. Спрашиваетъ дежурнаго, почему мало народу. Тотъ рапортуетъ, что такой-то тамъ-то, а такой-то тамъ-то. Родкевичъ сталъ объяснять задание на слѣдующій разъ. Спроса не было. Нужно же было такъ случиться, что я стоялъ противъ шкапчика кадета, ко-торый держалъ тамъ табакъ какой-то особой марки "Бурасъ". Я не курилъ въ это время, и чувствую, что у меня начинается першить въ горлѣ. Чувствую, что вотъ-вотъ чихну. Закрывать ротъ рукой не могу, т.к. шкапы придвинуты очень плотно и нельзя пошевелиться. И случилось то, что я чихнулъ, и очень громко. Кадеты, чтобы замаскировать мой "чих", сразу вдругъ зашумѣли, задвигали партами. Родкевичъ поваль носомъ, и что-то ему показался подозрительнымъ этотъ внезапный шумъ. Онъ отошелъ отъ доски и подошелъ къ послѣдней партѣ, и оттуда сталъ давать объясненія. Проклятый "Бурасъ" не оставилъ меня въ покоѣ, и я "ахнулъ" еще разъ во всю глотку. Родкевичъ подошелъ вплотную, приподнял географическую карту, которою былъ закрытъ простѣнокъ, и увидѣлъ шеренгу кадета, человѣкъ пять, дрожащихъ отъ страха. Влетѣло мнѣ тогда же от товарищей здорово. Ругали они меня страшно. Я оправдывался тѣмъ, что проклятый "Бурасъ" подвелъ всѣхъ, а не я. Конечно, всѣ тѣ, кто отсутствовалъ на этомъ урокъ, получили по колу.

Сергій Часовниковъ.

III выпуска.

Парижъ.
Франція.

СУМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ.

Таково было имя корпуса, основаннаго въ 1900 году въ уѣздномъ городѣ Сумы, Харьковской губернии, на берегу рѣки Пселъ. Воспитанники его кратко назывались — Сумцы.

Корпусъ получилъ наименованіе по мѣсту своего нахождения, а потому и всѣ производныя отъ его наименованія были точно въ соотвѣтствіи съ нимъ и грамматически, и фонетически, и былъ онъ Сумскій, а не Сумской, какъ съ давнихъ поръ повелось его неправильно называть. Въ день его пятидесятилѣтія хочется возстановить его правильное имя. Городъ "Сумы" — почему и откуда это имя? Всѣ Сумцы хорошо помнятъ тѣ пріятныя минуты, когда отпущенные на праздники или лѣтнія каникулы, мы съ шумомъ и радостью выходили черезъ главный входъ корпуса, прощаясь со своимъ красавцемъ-швейцаромъ Силиппомъ, разсаживались на ожидавшихъ насъ, ранѣе заказанныхъ извозчиковъ, чтобы, переѣхавъ городъ, добраться до вокзала, а оттуда въ разные концы домой. Сидя на извозикѣ каждый изъ насъ видѣлъ на облучкѣ пролетки его номеръ съ гербомъ города, изображавшемъ расположенные въ треугольникъ три "сумы", а не "суммы". Тогда еще заинтересовавшись, почему городъ имѣетъ этотъ гербъ, я при любезномъ содѣйствіи г. Троицкаго, читавшаго намъ законвѣдніе, получилъ объясненіе, что городъ Сумы возикъ по преданію, волею невѣдомаго запорожскаго казака, везшаго со своими товарищами въ Запорожскую Сѣчь, или изъ Сѣчи, какія то сумы, т.е. мѣшки, притороченныя къ сѣдлу коня. Спускаясь съ крутого берега къ рѣкѣ Пселу, его конь упалъ, "сумы" оборвались, и всѣ онѣ утонули въ рѣкѣ. Не имѣя возможности двигаться дальше безъ этихъ утонувшихъ сумъ, казаки, боясь ответственности, остались на берегу, сначала временно, а потомъ часть изъ нихъ пошла дальше, а часть, основавъ становище, поселилась здѣсь. Такъ возникъ въ послѣдствіи городъ, получившій по этому случаю имя "Сумы". Отсюда и грамматически, и фонетически надо произносить "Сумы" и Сумскій, а не Сумской, такъ какъ въ этомъ случаѣ городъ носилъ бы названіе "Суммы", съ двумя "м", что мѣняло бы написаніе и врядъ ли имѣло бы смыслъ. Поэтому такъ хотѣлось бы, чтобы и теперь, и въ будущемъ, если родному Корпусу суждено будетъ возродиться, его исторически правильное во всѣхъ отношеніяхъ имя сохранилось бы безъ измѣненія, и онъ продолжалъ бы носить имя: Сумскій Кадетскій Корпусъ, а его воспитанниковъ называли бы Сумскій, а не Сумской Кадетъ.

Александръ Колтановскій,

IX выпуска.

Аргентина

КЪ ЮБИЛЕЮ.

Прошло полъ вѣка, и хочется сказать,
 Что прожитая жизнь на свѣтѣ
 Была довольно тяжка,
 И много новаго дала познать.

Однако, и былое было
 Не сказка, и не сонъ.
 Мы были молоды душою,
 Мы не задумаясь шли въ бой.

Настъ воспитали въ облыхъ стѣнахъ
 Родного Корпуса въ Сумахъ,
 Намъ преподали послушанье
 И вѣру въ правду и въ свой стягъ.
 И по сей часъ остались вѣрны
 Заветамъ славной старини
 И чувствуемъ мы на себѣ, какъ раньше,
 Погоню бѣлыя свои.

ОТВѢТЬ.

Спѣшу послать тебѣ отвѣтъ
 На твой вопросъ лукавый —
 Пашу ли я стихи? — Не знаю...
 Мнѣ кажется, что нѣтъ,
 Но ридмы все же плестъ умѣю,
 Какъ плелъ ихъ раньше нашъ кадетъ.
 И вотъ хочу я, по старинкѣ,
 Сказать вамъ, братья, пошлавъ привѣтъ:
 Не забывайте, что среди кадетъ
 Не должно быть вражды и злобы.
 Въ изгнаніи подайте руку другу
 И помогите при нуждѣ.

Розовый конвертикъ пришелъ по почтѣ,
 И былъ надушенъ онъ слегка,
 Но воспитатель сказалъ грозно:
 "Всѣ эти бредни надо бросить,
 А взяться лучше за дѣла".

И все же далъ онъ мнѣ конвертикъ;
 Затрепетала вся душа,
 И миръ былъ такъ прекрасенъ...
 Когда вторично — розовый конвертикъ
 Пришелъ по почтѣ, но тогда
 Судьба его, увы, была иная,
 И мой надушенный конвертъ ушелъ обратно.
 На этотъ разъ не дали мнѣ его.

Но время шло. Прошло и лѣто.
 Я возвратился въ старшій класст.
 Пришелъ конвертъ опять и, посмѣясь,
 Его мнѣ далъ мой воспитатель.

Аргентина.

А. Колтановскій
IX выпуска.

СЧАСТЬЕ "СОВ-ПАТРИОТА".

Если хочешь быть "счастливымъ",
 Вкусно ѣсть и сладко пить,
 Быть любовникомъ красивымъ,
 Шегольски ходить,
 На машинѣ ѣздить всюду,
 Посѣщать кафѣ,
 Имѣть денегъ уйму-грудю,
 И сидѣть въ бюфѣ;

Если хочешь жизни легкой,
 Потрудиться для себя,
 Оторвать отъ жизни крошкой
 Полкусочка пирога, —
 То ты долженъ стыдъ оставить,
 Позабыть "лицо" свое;
 Не краснѣть и все лукавить;
 Не жалѣть ничто,
 Долженъ быть подлецъ изрядный,
 Франтомъ долженъ быть,
 И костюмчикомъ наряднымъ
 Все себѣ добыть;
 Все использовать ты долженъ,
 Про Христа — забыть,
 И въ компартію быть вхожимъ,
 Стъ М.В.Д. — дружить.
 Такъ училъ о "счастьи"
 Большевицкій бай,
 Соблазняя слабыхъ
 Въ социальный "рай".
 Дни пройдутъ въ весельи,
 Не увидишь ты бѣды,
 Какъ однажды сядешь
 Въ лагерь "М.В.Д-н"
 Постарѣешь сразу,
 Ослабѣешь ты,
 А въ душѣ настанутъ
 Черненькіе дни.
 Совѣсть грызть возмется,
 Тѣло изсушитъ,
 И раскаяніе поздно
 Мяръ твой посѣтитъ.
 Вѣры ты не сыщешь,
 Любви — у тебя нѣтъ,
 И умрешь ты глупо,
 Точно пустоцвѣтъ.

Н.С.

УШ выпуска.

Февраль 1937.
 Югославія.

"ПОСВЯЩЕНІЕ"
 (Моему дорогому Никитушкѣ)

"Живи" и жизнью наслаждайся!
 По мѣрѣ силъ своихъ — служи,
 Будь добрымъ другомъ и чуждайся
 Всѣхъ темныхъ силъ, отъ нихъ бѣги,
 Будь то отъ лѣва или справа,
 Держись пути изъ "вѣчной жизни",
 И знай, что долгъ твой — выше права,
 И что мѣняется лицо у жизни.

За это ты получишь счастья:
 Освободишься от привычек,
 И всё тѣ силы изъ "нѣнастья" —
 Твой миръ души ободрятъ "безъ кавычекъ".
 Любовь вселится въ твое сердце,
 Терпѣнье и надежда окружаютъ тебя,
 И силы Духа, силы Сердца
 Въ самоотверженной любви спасутъ меня.
 Итакъ: меня — тебя, и мнѣ — тебѣ;
 Забытъ про "грозы" и "нѣнастья",
 Мы закужимся въ колесѣ,
 Создавъ невиданной счастья.

1936.
 Югославія.

Н. С.
 УШ вып.

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ КАДЕТЪ САГАТОВСКІЙ ПРИШЕМИЛЪ ФАЛДУ ФРАКА ПРЕПОДАТЕЛЯ ИНЖЕНЕРА РОДКЕВИЧА

Было это въ золотую пору юности, когда всякое нарушение заведенныхъ правилъ и уставовъ закрытаго заведенія считались нами за лихость и отвагу и на чемъ мы учились развивать "волю", "мужество" и "храбрость". Надо сказать, что кадетъ Сагатовскій (кажется, Павлуша, если память мнѣ не измѣняетъ) былъ хорошій товарищъ, т. е. никогда никого не выдавалъ и не отставалъ въ нашихъ продѣлкахъ, а, наоборотъ, принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Такъ и въ данномъ случаѣ. Придумали мы какъ-то прятаться отъ уроковъ въ шкапахъ, расположенныхъ вдоль задней стѣны класса, съ двигающимися дверьми и двумя полками внутри, служащими для нашихъ личныхъ вещей: книгъ, корзинъ, постелокъ и т. п. Туда "мастерами" было проведено электричество, т. е. освѣщеніе свѣчами было и опасно и жарко. На этотъ разъ спрятались туда Сагатовскій. Онъ, кстати, не выучилъ урока. Учился онъ слабовато и настолько, что въ одномъ изъ старшихъ классовъ отсталъ отъ насъ. И вотъ, нашъ Сагатовскій беретъ книжку для чтенія, кладетъ въ шкафъ думку и шинель, чтобы мягче было лежать, и лѣзетъ въ шкафъ, чтобы пролежать тамъ урокъ геометріи. Преподавалъ геометрію инженеръ Родкевичъ. Надо сказать, что всѣ преподаватели числились чиновниками по военно-учебному вѣдомству и поэтому носили установленную форму. Онъ же былъ гражданскій инженеръ-электрикъ, и кромѣ преподаванія математики, завѣдывалъ нашей электрической станціей, поэтому, какъ несостоящій по вѣдомству, онъ всегда присутствовалъ на урокахъ по уставу во фракѣ съ техническимъ значкомъ на груди. Человѣкъ былъ хорошій, немного картавилъ и любилъ, чтобы всѣ понимали его объясненія. Если же не понимали, онъ волновался, обгалъ по классу отъ доски къ шкапамъ и обратно, бросалъ мѣломъ въ доску въ сильной ажитации; но объясненія не прекращалъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ становилось понятно. Такъ было и въ этотъ разъ. Вызывать онъ никого не вызывалъ, а все время объяснял. Дежурный по классу кадетъ отпраповалъ ему, указавъ больныхъ и отсутствующихъ, въ томъ числѣ и Сагатовскаго, но Родкевичъ никого не отмѣтилъ въ журналѣ и, удовлетворившись рапортомъ, приступилъ къ объясненію какой-то сложной теоремы. Все шло по шаблону. Когда дѣло дошло до пониманія, то оказалось, что нѣкоторые кадеты все же не схватываютъ разжеванной имъ рѣшенія теоремы. Родкевичъ началъ волноваться, забгалъ по классу взадъ

и впередъ. Сагатовскому стало душно лежать въ закрытомъ шкапу и онъ пріоткрылъ дверцу; въ это время Родкевичъ съ развѣвающимися фалдами фрака быстрыми шагами направлялся къ шкапу, что-то картавя. Подойдя къ нему, онъ круто повернулся лицомъ къ доскѣ, облокотился на шкафъ, продолжая говорить взволнованнымъ голосомъ, и вдругъ олять рванулся къ доскѣ. Сагатовскому показалось, что онъ замѣтилъ его лежащимъ въ шкапу, и потому быстрыми движеніямъ ноги задвинулъ дверцу, но такъ неудачно, что прищемилъ фалду фрака Родкевича. Тотъ, рванувшись впередъ къ доскѣ, вдругъ почувствовалъ, что его что-то не пускаетъ. Онъ поворачивается, и — о ужасъ!... — видитъ, какъ конецъ фалды его фрака плотно зажатъ дверцей шкапа. Родкевичъ попытался ее вытащить, сначала думая, что онъ только зацѣпился, но Сагатовскій держалъ дверцу крѣпко. Наконецъ, Родкевичу удалось вырвать фалду изъ щели, и тогда стало ясно, что ее кто-то прищемилъ. Онъ подбѣжалъ къ преподавательскому столу, схватилъ журналъ, нервно его открылъ, заглянулъ туда, подумалъ, обвелъ глазами классъ захлопнулъ журналъ и, вскочивъ со стула, молча направился къ выходу, опустивъ голову, не дожидаясь звонка. Классъ замеръ. Что же теперь будетъ?... На наше счастье, нашъ воспитатель, — Царство ему Небесное, — Станиславъ Фердинандовичъ Отоцкій, прозванный "баринотъ", былъ холостякъ и свое свободное время проводилъ въ зданіи корпуса, иногда играя на билліардѣ съ тѣмъ же Родкевичемъ. Они были пріятели. И вотъ Родкевичъ, найдя его, рассказалъ ему о случившемся. Черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ и въ это время появился подполк. Отоцкій. Сагатовскій оставался въ шкапу, т.к. не зналъ, былъ ли онъ отмѣченъ Родкевичемъ въ журналъ, или нѣтъ. Станиславъ Фердинандовичъ вошелъ въ классъ, всѣхъ насъ удалилъ, а самъ подошелъ къ шкапу, сѣлъ за свою конторку и спокойнымъ голосомъ произнесъ: "Сагатовскій, выходи!" Но Сагатовскій плотно закрылъ дверь, упершись въ нее ногами, и не слышалъ, что ему говорятъ воспитатель. Станиславъ Фердинандовичъ выждалъ немного, крякнулъ и вставъ, опять громко, съ разстановкой, какъ онъ всегда говорилъ, повторилъ требованіе, прибавивъ: "ну, что же, долго я еще буду ждать?" И вотъ, несчастный Сагатовскій, весь красный, какъ варенный ракъ, съ крупными каплями пота на лицѣ, вывалился изъ шкапа на полъ, къ ногамъ Станислава Фердинандовича, быстро вскочилъ и замеръ передъ нимъ, опустивъ голову на грудь и руки по швамъ, походя на мокрую курицу. Мы же столпились передъ отежклыми дверьми класса, устроивъ многоэтажный амфитئاتръ, — кто кому сѣлъ на спину, кто подставилъ скамейку, — пріоткрыли дверь и въ щелку начали дружно, сдержанными голосами, чтобы не привлечь вниманія дежурнаго воспитателя, выговаривать: "Простите его, простите, онъ больше не будетъ, мы беремъ его на поруки" — и такъ нѣсколько разъ. И что же Вы бы думали?... Станиславъ Фердинандовичъ вдругъ приказалъ намъ войти въ классъ и сѣсть по мѣстамъ. А самъ вышелъ впередъ къ преподавательскому столу и спокойнымъ голосомъ сказалъ: "Ну что же, Сагатовскій, это послѣдній разъ я тебя прощаю, классъ беретъ тебя "на поруки", если не выдержишь до конца года и нарушишь общаніе, будешь плохимъ товарищемъ и поѣдешь совсѣмъ домой. А вы — обращаясь къ классу, — если повторите то, что онъ сдѣлалъ, потеряете довѣріе!" Выходите на перемьну!"

Мы дружно закричали "ура!" и вынеслись вонъ изъ класса.

Стъ тѣхъ поръ мы держали сами Сагатовскаго въ "ажовыхъ рукавицахъ" и наблюдали за его поведеніемъ, не позволяя ему выходить изъ рамокъ устава и не приглашая его участвовать въ нашихъ продѣлкахъ. Прятаніе въ шкапу было забыто. Кончилъ онъ ст 9-мъ въ пускомъ, былъ произведенъ въ офицеры и, доблестно сражаясь "за Вѣру, Царя и Отечество", сложилъ свою буйную голову на полѣ части.

Вѣчная память тебѣ, дорогой и вѣрный другъ и соучастникъ въ нашихъ кадетскихъ продѣлкахъ. Ты былъ вѣрнымъ сыномъ своей Родины.

Николай Сенькевичъ
УШ выпуска.

ФАТАЛИЗМЪ ВЛАДИМИРА АКУЛОВА.

Это происходило еще въ хорошія времена у себя, на Родинѣ въ началѣ первой міровой войны, когда мы, окончившіе кадеты, были вдругъ вызваны телеграммами срочно по мобилизаціи въ юнкерскія училища, такъ неожиданно прервавшими наши радостныя каникулы, послѣ окончанія корпуса, и разбившими всѣ наши дальнѣйшія мечты и надежды.

Долженъ сказать, что Владиміръ Акуловъ имѣлъ двухъ старшихъ братьевъ, уже окончившихъ корпусъ и вышедшихъ въ артиллерию. Оба были вице-унтерт-офицерами. Владиміръ Акуловъ также прекрасно учился, но... поведеніе его не позволяло стать въ ряды вице-унтерт-офицеровъ. Это-то легкомысліе и фантазіи, какъ напимѣръ, увлеченіе "фатализмомъ" и "хладнокровіемъ" (по нашимъ тогдашнимъ понятіямъ: развитіемъ силы воли) привели къ тому, что онъ, по окончаніи корпуса, имѣя прекрасныя отмѣтки, записалъ нарочно, сначала Александровское Пѣхотное училище, а послѣ Михайловское и Константиновское Артиллерійскія Училища. Онъ говорилъ, что если судьба, то его все равно вызовутъ въ одно изъ этихъ артиллерійскихъ училищъ. Но вышло наоборотъ: какъ разъ это и была - судьба. Не то спѣшка при мобилизаціи, не то недосмотрѣніе инспектора, не то отсутствіе старыхъ опытныхъ служащихъ въ канцеляріи корпуса, но его вызвали въ Александровское пѣхотное училище въ Москву, какъ онъ записалъ его по порядку. Конечно, и отецъ-артиллеристъ и братья, тоже артиллеристы, запротестовали, но приказъ написанъ, документы отправлены, мобилизація идетъ и нарушать ее нельзя. Скрѣпя сердце, мой Владиміръ Акуловъ отправился въ Москву и попалъ на Ходынку, въ лагерь Пѣхотнаго Александровскаго Училища, гдѣ оно въ то время находилось.

Теперь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и рассказать кое что о себѣ, такъ какъ оказался косвеннымъ виновникомъ того, что Влад. Акуловъ окончательно взбѣленился и поднялъ тамъ бунтъ, который при счастливыхъ для него обстоятельствахъ и помогъ ему выбраться изъ Александровскаго Училища. Дѣло въ томъ, что у меня въ Елисаветградскомъ училищѣ, куда я попалъ, вышла "исторія" съ юнкеромъ старшаго курса, такъ называемымъ корнетомъ, которая должна была кончиться дуэлью, но въ виду военнаго времени и выпускныхъ экзаменовъ старшихъ юнкеровъ, дуэль моя откладывалась на послѣ войны, а мнѣ, какъ младшему, "сугубому", "корнетскій комитетъ" предложилъ пропустить этотъ выпускъ, чтобы не поднимать "исторіи" и не задержатъ съ производ-

ствомъ въ офицеры этого "корнета". Но такъ какъ изъ кавалерійскаго училища можно было уйти только въ полкъ, а я этого не хотѣлъ, то пришлось подать о переводѣ въ Пѣхотное училище, откуда я могъ, какъ не принявшій еще присяги и несовершеннолѣтній (мнѣ было тогда 17 лѣтъ) уйти на время домой, что я и сдѣлалъ. Отецъ наказалъ всѣ пружины, и я былъ переведенъ въ Александровское Пѣхотное училище съ тѣмъ, что я немедленно подаю рапортъ объ уходѣ домой по домашнимъ обстоятельствамъ и т.д., и 2-го февраля 1915г. я снова возвращаюсь въ Елисаветградское Кав.Училище. Такъ я и сдѣлалъ. Вотъ тутъ-то мы и встрѣтились, "старые друзья" и "фаталисты". По случайности я попалъ въ ту же роту, гдѣ былъ и Влад.Акуловъ. Конечно, я ходилъ въ собственныхъ сапогахъ со шпорами, синихъ бриджахъ, въ гимнастеркѣ съ некрашеннымъ поясомъ и...Елисаветградскими алыми погонами. Ходилъ въ строю на лѣвомъ флангѣ, и то только на вѣду, переключку или въ Церковь. Остальное время меня никто не трогалъ, т.к. я немедленно, на другой же день по прибытіи, подаю рапортъ объ уходѣ домой, представивъ соответствующее прошеніе и бумаги отъ моихъ родителей, и дѣло пошло "въ производство". Я былъ свободенъ, и своей формой выдѣлялся среди пѣхотныхъ юнкеровъ, поэтому я старался или сидѣть въ лагерномъ буфетѣ, или лежалъ, "набивъ температуру", въ лагерномъ лазаретѣ или бродилъ по парку Ходынки, или же просто исчезалъ въ Москву. Командиръ батальона, принимая отъ меня рапортъ и бумаги, гнѣвно сказалъ мнѣ: "Что это, юнкеръ, Александровское Военное Училище для васъ проходной дворъ, что ли?" Но...этимъ дѣло и кончилось, т.к. все было предусмотрено. И дѣйствительно, это старое и достойное училище для меня послужило "проходнымъ дворомъ". Съ Влад.Акуловымъ было хуже. Его заставили нести службу, дневалить, дежурить, а последнее время и выходить на занятія, которыя онъ всячески старался избѣгать подѣ разными благовидными предлогами, чтобы быть со мною. У него не хватало какихъ-то бумагъ при прошеніи, и вообще его дѣло затягивалось, т.к. отецъ его, командуя батареей, былъ уже на фронтѣ, а это осложняло хлопоты. Однажды онъ, узнавъ, что я уже черезъ недѣлю покидаю предѣлы гостепріимнаго училища и вѣду домой, рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ просто заявилъ своему курсовому офицеру, что не будетъ больше выходить на занятія, т.к. не желаетъ оставаться въ этомъ училищѣ, а желаетъ или ѣхать къ отцу въ батарею на фронтѣ, или быть переведеннымъ въ одно изъ Артиллерійскихъ училищъ, и что онъ уже подастъ рапортъ объ этомъ съ прошеніемъ его матери. Курсовой офицеръ на такую дерзость и недисциплинированность отвѣтилъ — послать его подѣ арестъ; но Акулова "занесло", и онъ отказался идти подѣ арестъ. Тогда курсовой офицеръ сообщилъ объ этомъ дежурному офицеру по батальону и командиру батальона. Акулова вызвали въ дежурную комнату. Я по своему дѣлу случайно въ это время находился тамъ-же, и вотъ моими глазами представилась картина, которую я никогда не забуду. За столомъ дежурнаго офицера сидитъ командиръ батальона, а дежурный офицеръ вводитъ Акулова въ комнату. Командиръ батальона обращается къ Акулову съ рѣзкимъ выговоромъ и въ концѣ рѣчи, желая воздѣйствовать на честь и достоинство его, заявляетъ: "Юнкеръ Акуловъ, какъ вамъ не стыдно, посмотрите въ зеркало, чьи погоны вы носите". Акуловъ, видимо, вспомнилъ наши кадѣтскіе годы и наше братство "фатали-

стовъ" и "хладнокровныхъ", подошелъ спокойно къ зеркалу, поправилъ проробъ и, повернувшись къ командиру батальона, такъ же спокойно сказала: "Къ сожалѣнію, г. Полковникъ, погоня Александровскаго Пѣхотнаго училища". — Этого было довольно. Командиръ батальона поперхнулся, поблѣднѣлъ и, наконецъ, съ трудомъ выбросилъ: "Вонъ, сейчасъ же вонъ, подѣ строгій арестъ! Позвать барабанщиковъ и подѣ конвоемъ отправить въ карцеръ". Я, видя такой исходъ дѣла, немедленно вышелъ изъ дежурки, стараясь не попадаться на глаза офицерамъ. Все училище уже знало о происходящемъ, и любопытные юнкера, у которыхъ, кстати сказать, уже кончились занятія, стали группами собираться невдалекѣ отъ дежурки. Въ это время Влад. Акулова вывели, но онъ воспротивился и категорически заявилъ, что дальше самъ онъ не сдѣлаетъ ни шагу подѣ арестъ. Произошло замѣшательство, т.к. барабанщики и горнисты не знали, что съ нимъ дѣлать. Тогда дежурный офицеръ приказалъ: "связать". Горнисты и барабанщики, ихъ было 4 человека, подошли къ нему и стали ради проформы, связывать его руки ремнями, но онъ распуталъ ремни и бросилъ ихъ вонъ отъ себя. Въ концѣ концовъ вышелъ командиръ батальона и приказалъ по настоящему связать ему руки и ноги, и четыре здоровыхъ унтер-офицера понесли отчаянно брыкающагося Акулова подѣ громкіе выкрики бѣжавшихъ вокругъ этой группы юнкеровъ и команды надрывающихся офицеровъ: "разойтись!" — въ лагерный карцеръ. Черезъ часъ послѣ этого Акуловъ получилъ то, что хотѣлъ, и прямо изъ карцера былъ на другой день отправленъ съ сопровождающимъ къ отцу и братьямъ на фронтъ въ батарею. Я и сейчасъ храню фотографію Владиміра Акулова, присланную имъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже въ Елисаветградское Кав. Училище, на которой онъ изображенъ съ "Георгіемъ" на груди и тремя лычками на артиллерійскихъ погонахъ "батареяца". Его бѣспокойный характеръ такъ и не далъ ему стать офицеромъ. Вскорѣ онъ получилъ еще 2 или 3 "Георгія" и послѣднюю награду — "деревянный крестъ", погибнувъ какъ герой за Вѣру, Царя и Отечество, въ одномъ изъ страшныхъ боевъ на Западномъ фронтѣ. Вѣчная память тебѣ, дорогой другъ и вѣрный товарищъ въ нашихъ кадетскихъ продѣлкахъ.

Нью-Хевент, Конн.США.
январь.1955.

Николай Синькевичъ
III выпуска.

ВОСПОМИНАНІЯ О СУМСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ
СВЯЗАННЫЯ СЪ ЛИЧНОСТІЮ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ ПРОТОІЕРЕЯ
ОТЦА ВАСИЛІЯ ВІНОГРАДОВА.

Въ 1902 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я вышла замужъ за преподавателя 3-й Харьковской мужской гимназіи Василія Васильевича Виноградова, который, между прочимъ, преподавалъ тамъ и Законъ Божій, будучи штатскимъ. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ былъ рукоположенъ во священника и получилъ назначеніе быть вторымъ священникомъ на городскомъ кладбищѣ гор. Харькова. Мѣсто это было одно изъ самыхъ завидныхъ для харьковскихъ священниковъ, т.к. кромѣ очень хорошаго содержанія, была чудная квартира, прислуга; два выѣзда, но, какъ часто бываетъ "но" — это мѣсто было, конечно, не для такого молодого священника, одареннаго педагогическими способностями, прекраснымъ голосомъ, и очень скоро онъ

сталъ тяготиться и построянными панихидами, способомъ оплаты труда и полною бездѣятельностью для его широкаго кругозора. Должна сказать, что о.Василій принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя никогда не искали мѣста, а мѣсто искало ихъ. Помню я, однажды лѣтомъ того же года, какъ онъ занялъ мѣсто на калдобищѣ, пришелъ къ намъ одинъ изъ его сослуживцевъ по гимназiи и, заявивъ, что у него есть порученiе къ О.Василiю отъ директора Сумскаго Кадетскаго Корпуса ген.Піотухъ-Кублицкаго, который, познакомившись съ нимъ случайно, обратился къ нему съ просьбой, указать ему священника г.Харькова, который могъ бы согласиться быть законоучителемъ и настоятелемъ Церкви корпуса, — необходимое условiе: быть съ академическимъ образованiемъ. Этотъ преподаватель, не задумываясь ни минуты, назвалъ о.Василiя, послѣ чего ген.Кублицкiй просилъ его передать о.Василiю просьбу прiѣхать для переговоровъ. Черезъ недѣлю послѣ этого визита судьба о.Василiя была рѣшена, и онъ согласился принять это предложенiе. Принялъ онъ это мѣсто, могу сказать, съ радостью; т.к. онъ былъ природный педагогъ, отличный психологъ, педагогическая дѣятельность его всегда привлекала. Въ августѣ мѣсяцѣ мы переехали въ гор.Сумы, попали въ чудную живописную часть города. Корпусъ былъ расположенъ на огромномъ участкѣ земли, кажется, 75 десятинъ, огромный паркъ по склону горы, у подножья которой протекала рѣка Пселъ. Главное зданiе корпуса было расположено на большомъ плацу, вокругъ котораго размѣщены были дома съ квартирами для персонала, воспитателей, преподавателей и всѣхъ служащихъ. Главное зданiе къ этому времени уже было закончено, а квартиры служащихъ заканчивались уже въ то время, когда въ нихъ жили.

Сейчасъ же по прiѣздѣ въ корпусъ, о.Василiй съ огромнымъ рвенiемъ отдался своимъ занятiямъ: знакомству съ учениками, съ персоналомъ, устройству церкви, которая совсѣмъ еще не была устроена и должна была быть закончена ко дню ея освященiя, которое состоялось въ сентябрѣ того же года.

За все время своего служенiя въ корпусѣ, гдѣ онъ оставался до эвакуацiи 1920 года, могу смѣло сказать, что о.Василiй пользовался необыкновенной любовью какъ со стороны учениковъ, такъ и со стороны всѣхъ служащихъ корпуса. Для воспитанiя учениковъ онъ вкладывалъ всю душу и переживалъ съ ними всѣ ихъ горести и радости; съ его словъ извѣстно, какъ во время перемѣнъ между уроками, когда каждый преподаватель имѣлъ возможность спокойно посадить въ удобное кресло въ учительской и почитать газету, о.Василiй въ это время находилъ очередь учениковъ, желающихъ побесѣдовать съ нимъ и разъяснить имъ какое нибудь недоразумѣнiе или горе, или спросить совѣта. Какъ я говорила выше, онъ былъ необыкновенный психологъ, человѣкъ очень свѣтлаго ума, необыкновенно добраго сердца, и каждый "юноша" зналъ, что въ немъ онъ найдетъ всегда и добраго совѣтника и защитника. Онъ никогда не терялъ равновѣсiя, никогда не выходилъ изъ себя и спокойно рѣшалъ всевозможные вопросы. Я увѣрена, что его "юноши" никогда не видѣли его сердитымъ, хотя однажды, какъ онъ самъ рассказывалъ, онъ разсердился на учениковъ, но ничего изъ этого не вышло. Дѣло было въ послѣднiе дни передъ отпускомъ, и такъ какъ программа уже была закончена, то урока давать не было надобности, и онъ рѣшилъ имъ что-то почитать, но они въ это время стали разговаривать и мѣшать, и его это такъ разсердило,

что онъ съ сердцемъ сказалъ имъ: "ну и свиньи же вы!" — и вдругъ съ задней парты голосъ: "Батюшка, разрешите слово?" — "Что ты, юноша, хочешь?" — "Батюшка, въ Писаніи сказано: "блаженъ, иже и скоты милуетъ". Конечно, о.Василій не можетъ ударжать своей улыбки, и конфликтъ улаженъ.

Авторитетъ о.Василія стоялъ необыкновенно высоко и у директора корпуса ген.Саранчова, который, смѣло могу сказать, ни чего не предпринималъ, не посовѣтовалъ съ Батюшкой, и ни одно рѣшеніе не было вынесено безъ его совѣта. Очень его цѣнилъ и считался съ его мнѣніемъ Вел.Кн.Константинъ Константиновичъ, и однажды былъ такой случай: послѣ экзаменовъ былъ уволенъ одинъ мальчикъ, который былъ уже два года въ томъ же классѣ, и по правиламъ нельзя было оставаться на третій годъ. Мальчикъ уѣхалъ домой, но мать его, бѣдная вдова, рѣшила, что она, не имѣя возможности держать его у себя, принуждена от-править его обратно. Однажды у насъ звонокъ; прислуга говоритъ Батюшкѣ: "Васъ просятъ кадетикъ". Стоитъ мальчикъ и плачетъ. Что съ нимъ дѣлать? Корпусъ закрытъ, воспитатели въ отпуску; ген.Саранчовъ говоритъ, что онъ не имѣетъ права оставить его на третій годъ! Отецъ Василій пользуется обстоятельствомъ, что онъ отсутствовалъ на засѣданіи совѣта, когда рѣшалась судьба этого мальчика и проситъ разрѣшенія директора обратиться лично къ Великому Князю съ просьбой оставить мальчика на третій годъ. Просьба была удовлетворена, и мальчикъ каникулы провелъ у насъ, съ нимъ занимались лѣтомъ мои сестры, которыя гостили у насъ.

Было что-то въ натурѣ о.Василія, что притягивало къ нему какъ къ магниту. Очень многіе изъ его сослуживцевъ любили бесѣдовать съ нимъ на всевозможныя темы. Обычно такія бесѣды происходили во время его прогулокъ вокругъ плаца послѣ обѣда. О.Василій присаживался на скамейку, и въ этотъ моментъ со всѣхъ сторонъ стекались къ нему, были тутъ часто и ген.Саранчовъ, докторъ Вейднеръ, полк.Ильинъ, полк.Вояровский, полк.Длужновскій, преподав.Тих.Мих.Воробьевъ и многіе другіе, и тутъ рѣшались самыя разнообразныя вопросы.

Большимъ достоинствомъ о.Василія была его красивая служба съ его необыкновенно красивымъ теноромъ, и прислужники его безконечно любили, особенно помню Во-ва, который потомъ принялъ санъ монашескій, и умеръ въ санѣ архимандрита съ именемъ Зосимы. Служилъ о.Василій, очевидно, настолько красиво, что вотъ уже 21 годъ, какъ онъ скончался, и послѣ каждой заутрени ко мнѣ обращается одинъ изъ очень заслуженныхъ генераловъ, съ которымъ о.Василій служилъ при штабѣ ген.Врангеля, и каждый разъ мнѣ говоритъ, что заутрени о.Василія забыть нельзя; также недавно ко мнѣ обратилась во время всенощной одна изъ прихожанокъ о.Василія по церкви въ Брюссель и сказала, что до сихъ поръ, когда слышитъ пѣніе "Величїе душа моя Господа", она не можетъ забыть, какъ пѣлъ это о.Василій.

Очень отраднo и часто приходилось слышать много хорошаго о нашемъ дорогомъ Сумскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, который пользовался очень хорошей репутаціей. Какъ вспоминаю теперь, какое это было дивное мѣсторасположеніе, какое роскошное зданіе со своими чудными залами и другими помѣщеніями, съ красивой церковью, съ огромнымъ персоналомъ и преподавателей и воспитателей, безконечное количество всякой прислуги; свои конюшни,

своя електрическа станція, пекарни, бани. Сколько возможно-стей для развлеченія кадетъ, какъ-то: купанье въ рѣкѣ, зимой катокъ, катанье съ горъ на салазкахъ, балы, необыкновенно красиво организованные, и, думаю, каждыи, окончившій Сумскій кадетскій корпусъ смѣло можетъ гордиться тѣмъ, что онъ окончилъ именно этотъ корпусъ.

Бельгія.

А.Виноградова
(вдова о.Василія)

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ О.ВАСИЛІЯ ВИНОГРАДОВА
Законоучителя Сумскаго Кадетскаго Корпуса.

Вамъ, конечно, каждому памятенъ нашъ дорогой о.Василій. Всѣ мы помнимъ, какъ онъ любилъ нашего брата кадета, зналъ всѣхъ насъ по имени и защищалъ на педагогическихъ и дисциплинарныхъ совѣтахъ. Но и онъ рѣшилъ, однажды, насъ наказать, и что изъ этого вышло — иллюстрируетъ слѣдующій эпизодъ, происшедшій въ нашемъ I-мъ отдѣленіи 3 класса въ 1913 году.

Дѣло подходитъ къ отпуску на Рождественскія каникулы, но уже за недѣлю мы ничего не учили, а въ особенности по Закону Божьему. Отецъ Василій, возмущенный этимъ, сказалъ, что онъ на послѣднемъ урокъ читать намъ не будетъ, а спроситъ пройденные тексты, и если мы не будемъ ихъ знать, то онъ все отдѣленіе оставитъ на одинъ повѣздъ. А что это за наказаніе — знаетъ каждый кадетъ, въ особенности кто ѣхалъ далеко, да еще съ пересадками. Послѣдній урокъ. Батюшка начинаетъ опросъ, но, конечно, никто не выучилъ, а зубрили должны были равняться на всѣхъ. Отецъ Василій вызываетъ одного, другого, — ни гу-гу. Тогда онъ обращается къ отдѣленію и говоритъ: "Вы свиньи, да еще и большія. Останетесь всѣ на одинъ повѣздъ". Въ это время поднимается на "камчаткѣ" старый "камчадалъ" второгодникъ Акуловъ и говоритъ: "Батюшка, разрѣшите мнѣ сказать". — "Говори", разрѣшаетъ о.Василій. "Батюшка, а въ Писаніи сказано: "блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ". Въ классѣ молчаніе. Отецъ Василій засмѣялся и говоритъ: "Ахъ вы, паршивцы! Ну, повѣжайте". Радости не было конца. Послѣ урока все отдѣленіе качало Акулова, который, кстати сказать, на Рождественскія каникулы не увѣзжалъ.

Бразилія
Сан Пауло
26 декабря 1952г.

Алексѣй Сѣриковъ
XII выпуска.

СТАРОМУ КАДЕТУ

Ты старъ, кадетъ, и волосы сѣдые
Покрыли голову твою,
Изгнанникъ ты, но не забылъ былые
Ты въ корпусѣ года, кадетскую семью.
Твой корпусъ былъ отцомъ, а матерью — Россія
И ей служить училъ пріемный твой отецъ;
Ты выполнилъ завѣтъ, и не твоей виною
Насталъ для Родины печальный, злой конецъ.
Стъ оружіемъ въ рукахъ ты вышелъ на чужбину,
И хоть враги его отняли у тебя,
Бороться словомъ сталъ и имъ служить Россіи,
Былъ вѣренъ ей и не продалъ себя.

Сынайтъ своимъ ты передалъ завѣты
 Россійскихъ корпусовъ — служить ей до конца,
 И въ Русскомъ Корпусѣ РОА ты выполнилъ обѣты,
 Хоть не судилъ Господь пріять побѣды вѣнца.
 И снова штатскій ты, и снова межъ чужими.
 Неся свой долгъ, ты долженъ крѣпкимъ быть
 И помнить свой завѣтъ: отъ службы для Россіи
 Тебя могла бѣ лишь смерть освободить.

9 октября 1950г.
 С.Пауло. Бразилія.

Алексѣй Сѣриковъ

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ТОРЖЕСТВАХЪ 1912 и 1913 гг. ВЪ НАШЕМЪ КОРПУСѢ.

Прошло 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда я кадетомъ 2-го класса принималъ участіе въ тѣхъ великихъ торжествахъ Императорской Россіи. Почти полстолѣтія — да какихъ лѣтъ! I-я война, Революція, Гражданская война, Галлиполи, пограничная стража въ Сербіи, 2-я война, Русскій Корпусъ, Дамокловъ мечъ въ лагеряхъ Ди-Пи, трагедія въ Церкви лагеря Кемптенъ и, наконецъ, Бразилія. Казалось, послѣ всего этого — что могла сохранить память о быломъ величіи и торжествѣ моей Родины? И когда я получилъ просьбу описать эти торжества, мнѣ казалось, что все прошедшее въ какомъ то дымѣ отъ горящихъ селъ моей Родины, взрывовъ аэропланныхъ бомбъ, покрывающихъ коврами мое новое прибѣжище Сербію, и что врядъ ли мнѣ удастся возстановить далекое, красивое прошлое, кажущееся теперь какой-то сказкой. Но днями напрягая память, мнѣ удалось вызвать картины тѣхъ дней. Наступилъ 1912/13 учебный годъ, какъ всегда, начинавшійся 15 августа. Но уже 26 августа, день Бородинскаго сраженія, нарушилъ размеренную жизнь нашего корпуса большимъ торжествомъ.

Въ 7 час. утра раздались звуки "зари", исполняемой нашимъ оркестромъ. Мы, малыши 4-й роты, живѣе обычного вскакивали изъ своихъ постелей. А первоклассники съ благоговѣніемъ разсматривали свои парадные мундиры съ золотыми галунами на воротникахъ; разложенные на тумбочкахъ около каждой кровати, и которые имѣ сегодня впервые придется надѣть на парадъ. И для насъ "старыхъ кадетъ", второклассниковъ, тоже все было необычайно. Во первыхъ, не будетъ обычной литургіи въ Церкви, а во вторыхъ, парадъ будетъ не на плацу первой роты, или, какъ бывало въ дурную погоду, въ торжественномъ и гимнастическомъ залахъ, а въ городѣ, на большомъ полѣ, между винокуреннымъ заводомъ и городскимъ кладбищемъ. И на парадъ будетъ не только нашъ корпусъ, но и Новгородскій Драгунскій полкъ и даже конвойная команда. Въ общемъ, весь военный гарнизонъ гор.Суммъ. Принимать парадъ будетъ нашъ директоръ корпуса, генераль-майоръ Саранчовъ, какъ старшій въ чинѣ. Корпусъ, т.е. всѣ 4 роты, былъ выстроены въ карѣ по плацу I-й роты, а почетный взводъ съ оркестромъ передъ главнымъ входомъ въ корпусъ для встрѣчи нашего знамени. Вотъ раздается громкая команда полк.Котрохова, командира I-й роты: "Батальонъ, смирно! Первая рота подъ знамя. Слушай! На к-рауль!" И наше развернутое "Бѣлое знамя" подъ звуки "Старога Егерьскаго марша и въ сопровожденіи почетнаго взвода и при ассистентахъ самыхъ тогда красивыхъ и представитель-

ныхъ воспитателяхъ нашего корпуса: кап. Пожидаева и кап. Айвазова (на груди котораго переливается всѣми цвѣтами радуги звѣзда, пожалованная Персидскимъ шахомъ) вступаетъ въ каре и пристраивается къ правому флангу первой роты. Оркестръ смолкъ. И снова слышна отчетливая команда командира I-й роты и временно командующаго батальономъ: "Къ ногъ! Роты на право! Ряды вздой. Первая рота на плечо! Шагомъ—аршт!" Грянули всѣ четыре барабана нашихъ штатныхъ барабанщиковъ солдатъ, и роты, заходя плечами, потянулись колоннами въ главныя ворота корпуса. Немного недоходя кладбища, мы были поражены видомъ необычнаго обоза, который обгоняла наша колонна. Всѣ линейки (упряжной экипажъ) и "катафалки" (закрытый большой тарантасъ съ двумя боковыми сидѣніями, который привозилъ преподавателей, живущихъ въ городѣ, на уроки въ корпусъ) были мобилизованы. Въ нихъ возсѣдали члены семействъ воспитателей, ихъ жены и дочери. Но это интересовало, конечно, строевую роту. Наше же вниманіе привлекли двѣ послѣднія линейки; на одной изъ которыхъ важно возсѣдалъ "Колба", преподаватель химіи Мансвѣтовъ съ какими-то ящиками, а за линейками, болтаясь во всѣ стороны, катились привязанныя, старинныя Петровскія пушки (участницы Полтавской побѣды), стоящія обѣкновенно въ вестибюль нашего корпуса. "Колба" будетъ салютовать изъ этихъ орудій — пронеслось по колоннѣ. "Вотъ такъ штука", думали мы, малыши, съ завистью посматривая на кадета 2-й роты, прикомандированныхъ на этотъ случай къ "Колбѣ" — нашихъ артиллеристовъ. Но вотъ колонна прошла кладбище. Раздалась команда: "Смирно! равненіе направо", и нашъ батальонъ, поравнявшись съ правымъ флангомъ Новгородскихъ драгунъ, отдавалъ честь старшей строевой части. Батальонъ проходитъ дальше и выстраивается развернутымъ фронтомъ, имѣя правый флангъ къ винокуренному заводу. Къ лѣвому нашему флангу пристроилась конвойная команда. Конечно, на такое невиданное въ Сумахъ зрѣлище, какъ парадъ всего гарнизона, собрались смотрѣть чуть ли не всѣ жители города. А гражданскія учебныя заведенія инкорпоре стояли лицомъ къ кладбищу, около виннаго завода. Въ центрѣ этой стороны стоялъ нашъ директоръ, ген.майоръ Саранчовъ, въ полной парадной формѣ съ киверомъ на головѣ. Около него расположился штабъ: всѣ свободные отъ строя гг. офицеры и преподаватели корпуса и представители властей города. Когда всѣ строевыя части выстроились, ординарецъ отъ Новгородскаго Драгунскаго полка подвелъ директору красиваго рыжего коня. По плацу пронеслись громкія команды: "Батальонъ смирно! Первая рота слушай на к-раулъ!" "Шашки вонъ, пики въ руку" "Слушай! На к-раулъ!" Нашъ оркестръ заигралъ вѣтчный маршъ и директоръ началъ объѣзжать фронтъ корпуса, здороваясь и поздравляя съ праздникомъ каждую роту отдѣльно. Какъ только онъ прошелъ конвойную команду, нашъ оркестръ умолкъ, и по полю поплыли мелодичныя звуки хора трубачей Новгородскаго Драгунскаго полка. Директоръ, переведя коня въ галопъ, проскакалъ на середину фронта драгунъ и поздравился съ цѣлымъ полкомъ. А въ это время на серединѣ квадрата уже устанавливались аналой, и Викарный Архіерей съ сонмомъ городского духовенства и нашимъ о. Василиемъ облачались къ молебну. "Полкъ, слѣзай!" — раздалось слѣва. "Знамена и штандарты впередъ!" — и наше бѣлое знамя, колыхаясь и блистая на солнцѣ поплыло къ мѣсту молебна. "На молитву, шапки долой!"

Надо сказать правду, что самого молебна мы не слышали, так как квадрат был настолько велик, что середина его была от нас шагах в двухстах. А потом мы, малыши, все время старались незаметно обернуться, чтобы увидеть приготовления к салюту нашего "Колона" и его артиллеристов. Но вот раздалась команда "Накройсь!", "Знамена и штандарты на свои места!", "Парадъ смирно! Слушай на к-рауль!" "За здоровье Его Императорскаго Величества, Ура!" С первыми же звуками гимна раздался первый выстрѣлъ, потомъ каждыя 20 секундъ слѣдующій. Салютъ въ 101 выстрѣлъ былъ исполненъ нашими новоиспеченными артиллеристами изъ Петровскихъ пушекъ классически, ни одинъ интервалъ между выстрѣлами не былъ задержанъ. Но вотъ смолкъ послѣдній выстрѣлъ. "Къ ногѣ! Батальонъ, направо!" "Роты во взводную колонну!" Начались перестроенія къ церемониальному маршу. Видно наше строевое начальство, боясь ударить лицомъ въ грязь, не рискнуло сдѣлать захожденіе плечомъ развернутаго фронта роты, и прибѣгло къ перестроеніямъ. Сдѣлавъ захожденіе правымъ плечомъ во взводной колоннѣ, батальонъ, выйдя на линію колоннорота, снова выстроилъ развернутый фронтъ роты. "Къ церемониальному маршу поротно на одного линейнаго дистанцію" — пронеслось въ воздухѣ. Раздались звуки столь знакомаго "Егерскаго марша", и первая рота, блистая штыками, отдѣлилась отъ линейнаго и стройно подплыла мимо шпалеръ гимназистовъ и горожанъ. Не доходя на одного линейнаго до группы начальниковъ, принимающихъ парадъ, раздалась команда "На руку", сблеснули штыки, и въ первый, но и въ послѣдній въ исторіи корпуса разъ, I-ая рота прешла церемониальнымъ маршемъ съ винтовками "на руку". Маршъ, которымъ проходилъ на парадахъ только Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ. Пройдя одного линейнаго за группой начальниковъ, снова блеснули штыки, и рота отчетливо какъ одна взяла на плечо. Перестроились во взводную колонну и, зайдя правымъ плечомъ, пошла по направленію кладбища. "Боже, не допусти испортить равеніе" — мелькаетъ въ головѣ у второклассниковъ. Грудь четвертаго челоука, считая себя первымъ. Нѣтъ, первоклассники навѣрно подведутъ, вѣдь они всего нѣсколько недѣль въ строю. Неужели наша четвертая рота оскандалится? Навѣрное эти же мысли были и у нашего ротнаго командира Петра Петровича кн. Шаховскаго, когда онъ, поднявъ и опустивъ шашку, командовалъ "прямо". Сердце замерло. Группа начальниковъ приближается съ необычайной быстротой. Пока фронтъ какъ линейка. Неужели испортятъ? "Отлично, четвертая!" — прозвенѣло въ ухахъ. Два шага пропущено. "Рады стараться, Ваше Превосходительство!" — несется звонкій отвѣтъ. "Слава Богу!" — рота прошла дѣйствительно отлично, какъ говорилъ намъ нашъ строгій инспекторъ полк. Каншинъ, стоявшій на парадѣ около директора. Части прямо съ церемониальнаго марша разошлись по своимъ квартирамъ. Послѣ возвращенія въ корпусъ насъ ждалъ праздничный обѣдъ, на которомъ, какъ и въ царскіе дни, мы получили по коробкѣ конфектъ. Вечеромъ въ гимнастическомъ залѣ, гдѣ у насъ была постоянная сцена, снова собрались всѣ роты въ парадной формѣ и приглашенные гости. Не помню сейчасъ, кѣмъ именно изъ преподавателей былъ прочитанъ докладъ о кампаніи 1812 года и въ частности Бородинскаго боя. Потомъ была вокально-литературная программа, изъ которой въ моей памяти сохранились: "Басня Крылова "Волкъ на псарнѣ", прочитанная кадетомъ 3-й роты, и баллада "Два Великана" Лермонтова, которую

исполнилъ обладающій хорошимъ басомъ кадетъ I-й роты Дидебу-лидзе. По окончаніи программы кадетскій оркестръ подъ управленіемъ полк. Ярмашта исполнилъ увертюру "1812-й годъ" Чайковскаго.

Апофеозомъ программы была живая картина "Наполеонъ въ Кремль — Пожаръ Москвы", реконструкція картины художника Рершагина, перенесшая всѣхъ насъ своими чудными декораціями и костюмами участвующихъ въ горящую Москву 1812 года, а въ особенности свѣтовымъ эффектомъ пожара, отражающагося на Кремлевской стѣнѣ и лицахъ Наполеона и свиты. Этимъ и закончилось празднованіе этого дня. Бала не было, такъ какъ приближался день корпуснаго праздника, Ап.Іоанна Богослова (26 сент.), когда и былъ традиціонный балъ. Финаломъ юбилея 1812 года явился парадъ въ день корпуснаго праздника. Долженъ сказать, что какъ только мы вернулись съ каникулъ, намъ было дано распоряженіе, запросить своихъ родителей, кто изъ нашихъ дѣдовъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, въ доказательство чего должны были представить въ корпусъ ихъ послужные списки или документы, подтверждающіе ихъ участіе; въ результатъ всѣ мы, подавшіе такіе документы, послѣ провѣрки ихъ, въ день корпуснаго праздника были предупреждены, что будемъ вызваны изъ строя, — но для чего, намъ тогда еще не было извѣстно. Начальство предусмотрительно поставило насъ въ первую шеренгу. Въ томъ году, какъ обычно въ дурную погоду, парадъ былъ не на плацу, а въ торжественномъ залѣ. Корпусъ, послѣ отслуженной Божественной Литургіи и молебна въ нашей домовоѣ церкви, былъ выстроентъ въ карѣ въ торжественномъ залѣ. Послѣ привѣтствія директора корпуса, раздалась команда: "Внуки участниковъ Бородинскаго сраженія, пять шаговъ впередъ". Изъ каждой роты выступило 5-6 челоѣкъ. Въ это время къ директору корпуса подошелъ инспекторъ классовъ полк. Каншинъ, за которымъ шелъ въ парадномъ мундирѣ капитанармусъ I-й роты, неся подносъ съ коробочками цвѣта бордо, подъ каждой изъ нихъ видѣлся листъ бѣлой бумаги. Директоръ началъ обходить вышедшихъ кадетъ, бралъ коробочку и дипломъ, открывалъ ее и вынималъ оттуда золотую медаль, которую прикалывалъ къ мундиру, поздравляя съ Монаршей милостью. Рѣдкими внуками и правнуками участниковъ Бородинскаго боя были получены золотыя медали на Владимирской лентѣ (темнокрасная-черная-темнокрасная съ чернымъ кантомъ), на одной сторонѣ (лицевой) голова Государя Императора Александра I Благословеннаго, а на другой надпись: "Не нам, не намъ, а имени Твоему" 1812 годъ и №.... Я помню, какой гордостью исполнились наши, малышей, сердца! Мы чувствовали себя почти героями Бородинскаго боя. А какая зависть была у другихъ, не имѣвшихъ счастья имѣть такихъ дѣдовъ! Ну, теперь кадеты Полтавскаго корпуса, мои сверстники, сыновья сослуживцевъ моего отца, пусть не задаются на каникулахъ своей бронзовой медалью на синей лентѣ въ память Полтавскихъ торжествъ, которую получили всѣ кадеты Полтавскаго корпуса. У меня теперь золотая, съ личнымъ номеромъ на Владимирской лентѣ, это для каждаго военнаго что-то да значитъ. Вечеромъ на балу мы, "козероги" ходили пѣтухами, стараясь выставить на видѣ блестящую на груди медаль. Этимъ и былъ законченъ юбилей 1812 года.

Налетѣли воспоминанія и теперь пишутся, какъ четки, одно за другимъ. Не буду описывать традиціонныхъ парадовъ и баловъ

корпусного праздника и вт день Ордена Св.Георгія; они бывали каждый годъ и различались только въ умѣнїи того или иного выпуска: красивѣе украсить парадную лѣстницу и создать красивыя декорации, фантастическія павильоны и бесѣдки въ торжественномъ и гимнастическомъ залахъ. Надо отдать справедливость: кадетамъ I-й роты 1912 года. На корпусномъ балу ими была создана голубая бесѣдка, вся покрытая живыми розами, которыя спускались гирляндами въ пролетахъ между рѣшетчатыми стѣнами. Тамъ засѣдали директоръ и приглашенные важные гости: директрисы гимназій, командиръ и штабъ-офицеры Новгородскаго Драгунскаго полка, чей хоръ трубачей игралъ во время танцевъ въ торжественномъ залѣ. Нашъ же кадетскій оркестръ игралъ въ гимнастическомъ залѣ до II час., когда 4-ая и 3-ья рота отправлялись на покой и оставались только старшія роты и гости.

Въ этомъ же учебномъ году было празднованіе "300-лѣтія Дома Романовыхъ (если не ошибаюсь, въ Февраль мѣсяцъ). Сразу же послѣ возвращенія съ Рождественскихъ каникулъ началась подготовка къ этому юбилею, а именно: вмѣсто обыкновенныхъ чтеній по воскресеньямъ, наши воспитатели начали читать намъ произведенія и историческія труды, связанные съ этимъ юбилеемъ. Точной даты празднованія не могу вспомнить и, долженъ признаться, что все торжество не оставило такого впечатлѣнія, какъ парадъ въ день Бородина. Была Литургія и молебентъ въ церкви; на молебнѣ была провозглашена "вѣчная память" всѣмъ Государямъ и Государынямъ изъ Дома Романовыхъ, начиная съ царя Михаила Феодоровича. Потомъ, изъ-за стоящихъ холодовъ и большого снѣга на плацу, парадъ былъ въ торжественномъ залѣ. Эти парады изъ-за отсутствия мѣста были менѣе эффектны, чѣмъ парады на плацу I-й роты. Проходили церемониальнымъ маршемъ: повзводно, а не развернутымъ фронтомъ роты. Но для насъ, второклассниковъ, командовавшихъ 2-мъ отдѣленіемъ взводовъ, было большой гордостью, что и мы подавали на парадъ команду, каждый старался сдѣлать это какъ можно громче, чтобы всѣ его слышали, а не только его отдѣленія, а команда эта была всего на-всего сначала: "пол-оборота направо", а зайдя за первое отдѣленіе и выстроивъ колонну по отдѣленіямъ, "пол-оборота на лѣво?" Это перестроеніе приходилось обыкновенно въ углу, около Рисовальнаго класса, т.к. иначе не хватало мѣста для прохода. Окончивъ церемониальный маршъ, роты разошлись по своимъ помѣщеніямъ. Потомъ былъ праздничный обѣдъ, на которомъ играла музыка Новгородскихъ Драгунъ. Вечеромъ силами самихъ кадетъ и членовъ семействъ воспитателей была поставлена опера "Жизнь за Царя". Роль Вани исполняла одна изъ дочерей воспитателя, но фамилію ея вспомнить не могу. Последней шла сцена у фонтана изъ "Бориса Годунова", декорация которой осталась на балу, какъ одна изъ бесѣдокъ. Фонтанъ былъ настоящий и попеременно освѣщался разными цвѣтами отъ скрытыхъ лампочекъ. Зрѣлище было действительно эффектное. Въ торжественномъ же залѣ, вмѣсто бесѣдокъ, была устроена часть кремлевской стѣны, идущая во всю сторону зала, между рисовальнымъ и музыкальными классами. Было три башни, а между ними, за зубцами стѣны, сидѣли наше начальство и гости. Балъ, какъ всегда по традиціи, былъ открытъ полонезомъ, въ первой парѣ котораго шелъ нашъ директоръ А.А.Саранцовъ съ одной изъ директрисъ женской городской гимназіи. Въ II часовъ настъ, какъ и на корпусномъ балу, отправили спать. Надо сказать, что для

насъ, 4-й роты, балъ представлялъ интересъ только тѣмъ, что безъ конца можно было пить клюквенный квасъ и миндальное молоко, что же касается танцевъ, то, кажется, къ тому времени мы знали только полоназъ, вальсерку и польку, а вальсъ знали только тѣ, кто умѣлъ его танцевать еще до поступленія въ корпусъ. Надо опять отдать дань нашимъ выпускнымъ кадетамъ: лѣстница, а въ особенности входъ въ торжественный залъ были декорированы очень красиво. Какъ сейчасъ передо мною стоитъ въ вѣнкѣ цифра "300" и вензеля "М.Ф." и "Н.А.", очень красиво составленные. Надо сказать, что въ этотъ день всѣми кадетами была получена книга очень красиваго изданія "Трехсотлѣтїе царствованія Дома Романовыхъ" съ обозначенїемъ даты торжества и корпуса. Всѣ же офицеры получили юбилейную медаль въ память 300-лѣтїя Дома Романовыхъ на лентѣ Романовскихъ цвѣтовъ — бѣлая, оранжевая, черная. Этимъ и закончились торжества.

Бразилїя
Сан Пауло.
1952.

Алексѣй Сѣриковъ.
XII выпуска.

ДАЛЕКОЕ, НО БЛИЗКОЕ СЕРДЦУ.

Широкія двери столоваго зала пропускаютъ строй кадетъ второй роты. Только что оконченъ вечерній чай, и кадеты черной лентой, въ строй по два, спускаются по широкой гранитной лѣстницѣ внизъ въ свой ротный залъ. Четко отбивается шагъ. Раздается команда и рота застыла на мѣстѣ. Еще подается команда направо, и рота повернулась лицомъ къ большому образу Святителя Николая. Теплится передъ образомъ большая лампада, освѣщая ликъ Святителя. Кроткія глаза его льютъ тепло на вытянувшихся юношей, затянутыхъ въ черныя бушлаты съ красными воротниками и бѣлыми погонями на плечахъ. Да, юношей, ибо о.Василій, нашъ батюшка, строго велъ различїе: кадеты четвертой и третьей роты, т.е. 1-й, 2-й и 3-й классы прозывались у него отроками, а старшія роты, т.е. 2-ая и 1-ая, съ 4-го по 7-ой классъ, величались юношами. Особенно гордились этимъ мальчики 4-го класса, которые, вступивъ въ ряды 2-й роты, подтягивались и тянулись изображать взрослыхъ и считали себя уже кавалерами, и въ играхъ уже нельзя было замѣтить стремленія поиграть въ казаки и разбойники, въ солдатики и вообще — похулиганить немного. Забывшихся и взявшихся за такія дѣла, останавливали обычно товарищи замѣчанїемъ: "Э, да мабѣ оказывается еще рановата вторая рота!" — что имѣло воздѣйствїе лучше всякаго иного замѣчанія.

Итакъ, стоятъ юноши, уже послѣ раздавшейся команды "на молитву?" и выжидая въ чтенїе съ дѣтства знакомыхъ молитвъ, и при чтенїи "Оче нашъ" всѣ станowią на колѣни.

Среди юношей этихъ стоя на колѣняхъ и я, тогда уже кадетъ 5-го класса. Черезъ четверть часа молитва закончена, и послѣ команды разойтись, разсѣивается строй на всѣ стороны. Съ этого момента мы свободны и поэтому каждому представлено двѣ возможности: или идти на полчаса въ классъ и подготавливать уроки, читать книги, писать письма и т.п., или идти спать. Въ 10 час. всѣ должны быть уже въ кроватяхъ. Заключается послѣдній вечерній туалетъ и развязывается стянутое вокругъ талии полотенце и вѣшается подъ образкомъ кровати, надъ головой. Громаднѣйшій

спальный залъ начинаетъ понемногу затихать; гасятся лампы и вспыхиваютъ зеленые ночники, и пріятнымъ спокойнымъ свѣтомъ полумрака освѣщаютъ ряды мягкихъ кроватей, гдѣ юноши уложили свои буйныя головушки на бѣлоснѣжныя мягкія пуховыя подушки. Послѣдній разъ обходитъ дежурный офицеръ спальнй залъ, мягко позванивая шпорами, ибо онъ въ чинѣ подполковника, и удаляется къ себѣ въ дежурную комнату, тоже на покой. Немного времени спустя на смѣну ему появляется фигура дежурнаго ночного служителя въ козловыхъ сапогахъ, тихо обходящаго спящихъ кадетъ и наворачивающаю въ одномъ углу спальнй тихонько свои часы особымъ ключикомъ, наворачивая число своихъ круговыхъ обходовъ. Тихо, спокойно и пріятно съ высоты потолка льетъ свою мягкую зеленъ свѣтъ ночниковъ. Потихоньку смыкаются глаза, и сладкій крѣпкій сонъ сковываетъ счи...

Вдругъ среди что ни на есть сладкаго сна раздается въ моихъ ухахъ съ перерывами: "топ, топ, топ", — потомъ опять: "топ-топ-топ-топ-топ..." Съ досадою приподнимаюсь съ постели. Топотъ чьихъ-то ногъ ясно слышенъ невдалекѣ. Сразу въ сонномъ еще мозгу врѣзывается догадка: это новый ночной служитель, "чтобъ ему тамъ..." — не соизволилъ переодѣть своихъ грубыхъ сапогъ на мягкіе козловые, — и вижу, что и мои сосѣди начинаютъ пошевеливаться.

Съ понятнымъ для себя возмущеніемъ и сознаниемъ кадета старшаго класса, я прямо заоралъ: "Экая каналья! чтобъ тебя чертъ пожралъ, не видишь что-ли, тупая свинья, что всѣ спятъ.. изволь моментально переодѣть свои солдатскія колоды на козловые сапоги..." и, не сдержась, закрѣпилъ свое краснорѣчіе російскимъ.... (извините, стыдно вспомнить). Раскрылъ было ротъ, чтобы усилить еще покрѣпче свое наставленіе и — ротъ застылъ открытымъ, и я, какъ снапъ подкошенный упалъ снова на свою подушку и мгновенно прикинулся крѣпко спящимъ. Мои глаза увидѣли изъ-за широчайшей колонны быстро стучащую сапогами фигуру "Андрюши", т.е. директора Сумскаго Кадетскаго корпуса, глубокоуважаемаго и любимаго нами кадетами генералъ-лейтенанта Андрея Михайловича Саранцова. Не успѣлъ я сомкнуть какъ слѣдуетъ глаза, какъ увидѣлъ черезъ рѣсницы фигуру генерала надъ моей головой, читавшаго мою фамилію на дощечкѣ кровати.

"Ну вотъ, ну вотъ, конечно, Татариновъ, какъ не стыдно! Я изъ-за васъ ночи не сплю, я за вами всѣми бѣгаю! я не могу успѣть переодѣть своихъ сапогъ, такъ какъ изъ-за васъ всѣхъ къ часу ночи заканчиваю свой день"... и пошелъ, и пошелъ... Накричался, нашумѣлъ сдержаннымъ до шопота голосомъ, повернулся и тихо уже поспѣшно оставилъ спальнй залъ.

Да! этого я не ожидалъ, и больно, стыдно стало мнѣ. Обложилъ руганью нашего "Андрюшу". Плохо дѣло. Приоткрылъ глаза, и вижу, сосѣди мои приподнялись на локтѣ и зашептали..."Охо! Татариновъ, твои-то дѣла оказались дрянъ-а? Какъ ты думаешь, обложилъ "Андрюшу" да, — ну пиши ему отходную. Экъ вѣдь мастерски обработалъ!" Роковой шепотъ кругомъ еще болѣе заставилъ забиться мое сердце, но... молодость есть все же молодость, не прошло и 10 минутъ, какъ коварный сонъ сомкнулъ по настоящему мои вѣки и погрузилъ меня снова въ небытіе.

Сигналъ пробужденія прорѣзалъ ухо. Начался новый день. Открывъ глаза и освобождаясь отъ послѣднихъ остатковъ сна, я вспомнилъ вдругъ происшествіе минувшей ночи. Меня сразу охва-

тило чувство какого-то унынія и тоски. Слева и справа поднимаются кадеты и я слышу разговоры: "А ты слышалъ ночью, какъ Татариновъ обрабѣталъ Андрея?" — "Какъ же не слыжать! Ну да его дѣло дряннѣе, экъ откаривитъ его какъ!" — "А вотъ и самъ Татариновъ поднимается. Ну, Татариновъ, плохи твои дѣла..." Да, но вставать все равно надо. Единственнае рѣшеніе, кторое я могъ принять въ своемъ безнадѣжномъ состояніи, это — не говорить никому ни слова, просто сердечно извиниться передъ Андреемъ Михайловичемъ за вторичній мой поступокъ, а тамъ уже мнѣ все равно, — что будетъ, то будетъ. И вотъ, не откладывая долго, сегодня утромъ надо это сдѣлать. Душой, конечно, страдалъ, т.к. мы, кадеты, безъ исключенія, съ душою и естественнымъ уваженіемъ относились къ самому директору корпуса. Директоръ корпуса имѣлъ обыквеніе каждый день на утреннихъ занятіяхъ, до начала уроковъ обойти все классы (а ихъ было 21) и поздороваться со всеми кадетами. Съ разрѣшенія воспитателя, мы совершенно свободно могли обратиться къ директору по своимъ дѣламъ. Этимъ я и рѣшилъ воспользоваться.

Послѣ чая и молитвы начались утреннія занятія по подготовкѣ уроковъ. Вдругъ слышу стройное: "Здравія желаю, Ваше Превосходительство!" Это доносилось изъ 5-го класса I-го отдѣленія. Я былъ во второмъ. Ну, думаю, сейчасъ войдетъ директоръ и, поздоровавшись съ нами, вызоветъ меня.

Какъ одинъ съ шумомъ выскакиваетъ съ парты и вытягиваются кадеты. Дверь раскрыта, и въ ней стоитъ директоръ. "Здравствуйте, господа!" — "Здравія желаюте, Ваше Превосходительство". Директоръ обвелъ глазами классъ, — повернулся круто и пошелъ по направленію 3-го отдѣленія пятого класса. Я моментально подлѣтѣлъ къ отдѣленному воспитателю и попросилъ разрѣшенія обратиться къ директору. Зачѣмъ? — спрашиваетъ онъ. "По частному дѣлу, господинъ капитанъ". — "Иди".

Выскочивъ изъ класса въ ротный залъ, вижу, директоръ уже взялся за ручку двери 5-го Ш-го. "Ваше Превосходительство, разрѣшите обратиться къ вамъ!" — "Что?" — спрашиваетъ, обернувшись ко мнѣ директоръ. Переведа духъ, вытянувшись въ струнку, я сокрушеннымъ голосомъ выпаливаю: "Извините меня, Ваше Превосходительство, сегодня ночью, когда я спалъ, я думалъ, это служитель..." — "Что? сегодня ночью?" — переспрашиваетъ директоръ, "ничего не помню!" — и поворачивается отъ меня, открывая дверь класса и... слышу стройное: "Здравія желаюте Вашему Превосходительству!" — и такъ даже не далъ мнѣ высказать своихъ извиненій... Да, навѣрное покаятно безъ всякихъ объясненій, почему кадеты Сумскаго Кадетскаго Корпуса обожали и по сыновнему любили своего директора Андрея Михайловича Саранцова.

Да будетъ тебѣ легка земля Франціи, гдѣ ты почиваешь вѣчнымъ сномъ.

Сумецъ Всеволодъ Татариновъ.

Сан Пауло
Бразилія
1953.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ ВЪ СТѢНАХЪ РОДНОГО КОРПУСА.

Конецъ іюня, начало іюля 1919 года. Добровольческая армія наступаетъ, послѣ занятія Харькова, все дальше, къ Москвѣ. Я въ это время служилъ старшимъ унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся въ Черноморскомъ Конномъ полку, во 2-мъ эскадронѣ, подѣ командой нашего бывшаго Сумскаго кадета подп. Александра Подольскаго. Взята станція Басы, Откуда рукой подать до родного корпуса и Сумъ. Но намъ было извѣстно, что корпусъ превращенъ въ красные командные курсы, которые навѣрное дадутъ большій отпоръ, чѣмъ обыкновенные красноармейцы. Одинъ баталіонъ Дроздовцевъ наступаетъ на Сумы по желѣзной дорогѣ. Нашему жидкому эскадрону (всего 40 сабель!) приказано взять корпусъ. Подольскій вызываетъ меня и говоритъ: "Тебѣ, какъ Сумскому кадету, предоставляю честь первому войти въ нашъ корпусъ. Бери съ собою шесть всадниковъ и сдѣлай все, чтобы мы раньше пѣхоты были въ корпусѣ и въ Сумахъ".

Вспомнились мнѣ въ тотъ моментъ наши военныя прогулки, и въ душѣ поблагодарилъ своего воспитателя, полк. Потемкина, который однажды устроилъ развѣдку подступовъ къ Корпусу со стороны ст. Басы. Не думалъ я, тогда 12-лѣтній мальчикъ, что мнѣ придется повторить эту развѣдку въ боевой обстановкѣ. Подступы и всѣ мосты на рукавахъ рѣки Пселъ я зналъ отлично. Считаю, что красные курсанты насъ будутъ ждать въ лобъ, т.е. со стороны кадетскаго парка, направленіе на Басы, я съ разтѣдомъ отклонился по оврагамъ за экономію Альтшулера и, подойдя оврагомъ почти вплотную къ плацу 3-й роты и лазарету, галопомъ бросился въ сторону парка, откуда слышались одиночныя выстрѣлы. Поровнявшись съ угломъ корпуса спальни 4-й роты, я почти въ упоръ налетѣлъ на группу красныхъ курсантовъ, державшихъ винтовки у ноги, и при нашемъ появленіи прижавшихся къ стѣнѣ. "Сдавайтесь!" кричали мы, размахивая шашками. "Не рубите, мы бѣлые кадеты" — раздался голосъ челоѵка въ старомъ офицерскомъ кителѣ, съ бакенбардами. Я взглянулъ на него. "Полковникъ Эрмерштетъ, это вы?" — крикнулъ я. "Да, я", отвѣтилъ онъ. "А вы кто?" — спросилъ онъ меня. "Сѣриковъ, кадетъ отдѣленія Потемкина", отвѣчаю я. "Ну, слава Богу, мы спасены", говоритъ онъ. "Кто въ паркѣ? Гдѣ курсанты?" — спрашиваю я. "Я съ ятимъ отдѣленіемъ нарочно принялъ задачу прикрывать отходъ курсовъ. Курсанты сейчасть навѣрное занимаютъ валъ кладбища. Всѣ мы, находящіеся здѣсь, хотимъ служить въ Добровольческой Арміи. Что намъ дѣлать?" спрашиваетъ полковникъ. "Слушать мою команду, и все будетъ хорошо", отвѣчаю я. Послалъ одного всадника съ донесеніемъ къ командиру эскадрона. Двумъ другимъ съ пятью новыми добровольцами приказалъ выдвинуться въ сторону кладбища и вести наблюденіе. Въ это время со стороны бани и кухни появилась фигура въ старой защитной офицерской фуражкѣ безъ кокарды, въ офицерской пелеринѣ (плащѣ). Всмотриваюсь: полк. Бояровскій, мой бывший преподаватель математики. Я отдаю ему честь. Полк. Эрмерштетъ говоритъ, кто я. Онъ дѣлаетъ кислую улыбку и говоритъ: "Что, наступаете?" — Пораженный такой встрѣчей я отвѣчаю: "Какъ видите". Какъ я потомъ, уже находясь въ Крыму, и узнавъ многое, пожалѣлъ, что не разспросилъ его, что онъ собою представляетъ, и не вывелъ изъ сего нужнаго заключенія и дѣйствія.

Меня потянуло скорее войти снова въ столь родныя мнѣ стѣны. Войдя въ подгвѣздѣ, я отправился въ болѣе родную мнѣ 4-ую роту. Но, Боже, что за ужасъ! Наши широкія колонны заклеены всевозможными крикливыми плакатами съ изображеніемъ Троцкаго, Денина и друг., и каррикатурными изображеніями нашей Добр. Арміи и нашихъ вождей. Кругомъ грязь; гадость, слѣды поспѣшно удиравшихъ хозяевъ. Невольно всталъ передъ глазами старый чистый залъ съ иконой преп. Сергія Радонежскаго въ углу, съ портретами Государя, Вел. Кн. Константина Константиновича, Наслѣдника Цесаревича. Нѣтъ черныхъ рамокъ съ текстами "Коль Славянъ" — все уничтожено, все испоганено. Но дальше мнѣ не удалось пройти. Отъ кладбища затрещалъ пулеметъ. "По конямъ",скомандовалъ я, снялъ фуражку, перекрестился, — и въ послѣдній разъ сошелъ со ступенекъ родного корпуса. Больше мнѣ въ него заглянуть не удалось.

Сантъ Пауло
Бразилія.

Алексѣй Сѣриковъ
12 выпуска.

КАКЪ Я УЧИЛСЯ ИГРАТЬ НА ВІОЛОНЧЕЛИ.

Было это въ бытность мою въ 4-мъ классѣ корпуса. Мои родители рѣшили, что пришло время мнѣ серьезно заняться музыкой и предложили мнѣ выбрать инструментъ. При чемъ мнѣнія раздѣлились: Мамаша, какъ сама играющая на роялѣ и въ свое время учившая меня играть на немъ, склонялась къ тому, чтобы я продолжалъ заниматься игрой на этомъ инструментѣ; папаша предлагалъ скрипку; ну а я почему-то выбралъ виолончель. Долго и много переписывались, въ концѣ концовъ "моя взяла", и я получилъ благословеніе. Всю процедуру приѣма я прошелъ благополучно и получилъ ноты и новенькую виолончель въ футлярѣ, которую должны были хранить въ гимнастическомъ залѣ, въ дѣловомъ помѣщеніи отъ сцены, въ шкапу. Все шло нормально, и я посѣщалъ вечернія занятія по музыкѣ исправно. Были и анекдоты во время занятій.

Былъ такой очень живой и шаловливый кадетъ IX выпуска, отдѣленія сотника Айвазова, — Писанко младшій. Даровитый мальш и съ прекраснымъ слухомъ, учился играть на скрипкѣ, но его живой характеръ не давалъ ему спокойно сидѣть и методически выводить раздѣльно одну ноту за другой. Освоившись съ этимъ инструментомъ достаточно, по его мнѣнію, онъ началъ подбирать и разыгрывать различныя пѣсенки. Это, конечно, страшно не нравилось нашему преподавателю-еврею; очень скромному, терпѣливому и прекрасно знающему свое дѣло. Онъ, конечно, дѣлалъ Писанко замѣчанія, но "мѣртъ воздѣйствія" примѣнять не могъ, для этого былъ присутствующій всегда дежурный по корпусу ротный командиръ. И вотъ однажды, когда былъ дежурнымъ полкъ Катасоновъ, Писанко опять взялся за свою музыку; ему, конечно, преподаватель сдѣлалъ замѣчаніе прекратить это, но увлекшійся Писанко не обращалъ ни на кого вниманія и продолжалъ свое дѣло. Тогда оскорбленный преподаватель обратился къ полк. Катасонову со слѣдующими словами: "Г-нтъ Полковникъ, пожалуйста, прикажите Писанкѣ не связывать ноты, я ему сколько разъ говорилъ это, но онъ не слушаетъ меня". Полк. Катасоновъ былъ

вспыльчивый и не, особенно компотечный въ музыкѣ человекъ и сейчасъ же резгировавъ слѣдующимъ приказаніемъ: "Писанко, что ты тамъ дѣлаешь? Почему не слушаешь, зачѣмъ связываешь ноты, тебѣ говорятъ, развѣжи сейчасъ же и стань на шарафъ".

Теперь вернемся вѣтнѣ. Тамъ шло время. Я былъ малый любознательный, и вотъ однажды, въ значіть занятій, все вниманіе привлекъ хорошо начитанный, лежащій на огромномъ столѣ для нотъ трамбонъ. Никого не было въ комнатѣ; и я рѣшилъ полюбобовать поиграть на немъ. Прислонилъ свободноручь къ столу, положилъ смычекъ и взялся за трамбонъ. Резонансъ въ комнатѣ музыкальных инструментовъ былъ очевъ хорошій; голыя стѣны, паркетный полъ и обширное помещеніе. И вотъ, надувъ щеки, я что было мочи началъ дуть въ трамбонъ и выдвигать и вдвигать его нижнюю часть; вдругъ онъ издалъ невѣроятнѣ громкіе звуки и... о ужасъ! — я увидалъ, какъ моя віолончель, задрожавъ на своей длинной ножкѣ, вдругъ всаобстрѣе и обстрѣе посунулась на бокъ и со страшнымъ трескомъ ударила въ паркетный полъ и... разлетѣлась на мелкіе кусочки. Я такъ и сомѣрѣ съ трамбономъ въ рукахъ. Что же теперь будетъ? Что дѣлать? Немедленно придя въ себя, я положила трамбонъ на это мѣсто, а остатки моей новенькой віолончели аккуратно сложила въ футляръ, закрыла его и поставилъ въ шкапъ на мѣсто, а замъ убралъ въ роту, въ классъ и сѣлъ за парту, взялъ книгу и сдѣлалъ видъ, что страшно занятъ изученіемъ этого предмета. Но у насъ въ корпусѣ не такъ то легко было нарушить заведенныя правила. Не прошло и четверти часа; какъ ко мнѣ въ классъ явился дежурный по корпусу старшей роты кадетъ и потребовалъ отъ имени директора ген. Саранцова явиться немедленно наверхъ на занятія музыкой. Я конечно оправдывался, что не пошелъ туда потому, что не успѣваю по предмету, и рѣшилъ свободное время употребить на подготовку, но... приказаніе есть приказаніе, и я съ поникшей головой и со страхомъ въ сердцѣ, последовалъ за вице-унтеръ-офицеромъ. Нашему директору вездѣ было дѣло, и безъ него, какъ говорится "вода не освятится". Онъ уже ждалъ меня въ комнатѣ музыкальных инструментовъ. Я явился ему и повторила свои оправданія въ надеждѣ, что онъ отпуститъ меня, но онъ, видно, по моему угнетенному виду, замодѣривъ что-то другое и приказалъ все же достать инструментъ и идти играть. Я медлил; онъ ждалъ. Въ концѣ концовъ онъ повелъ голосъ и приказалъ сейчасъ же открыть футляръ и приступать къ занятію. Я досталъ футляръ, подумалъ немного, онъ на меня пристально смотрѣлъ, тогда я набрался рѣшимости, сказалъ себѣ, что "двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать". Сталъ напротивъ директора, поставилъ футляръ парадъ собой и быстро открыла крышку къ нему, наклонивъ футляръ. Вдругъ раздался какой-то шуршащій шумъ, и изъ футляра посыпались въ составныя части віолончели на полъ прямо къ ногамъ директора. Онъ обомлѣлъ и сначала не могъ выговорить ни слова, потомъ круто повернулся, взметнувъ фалдами своего сюртука и истерически закричалъ: "Бонъ, бонъ стсюда сейчасъ же, и больше не смѣй приходитъ сюда. Доложи воспитателю объ этомъ". Что было потомъ — лучше не вспоминать. Этимъ кончилась моя музыкальная карьера. Родители, погоревавъ и заплативъ за инструментъ, все же не унимались, и нѣтъ-нѣтъ, да напоминали мнѣ то музыкѣ. Останавливались, конечно, всегда на роялѣ; мсль, я его не слмаю да и надо же молодому чело-

вѣку надо же умѣть играть на чемъ нибудь. И вотъ я рѣшилъ продолжить и выбралъ духовой оркестръ. Полковникъ Ярмерштедтъ, милѣйшій человекъ и любимецъ кадетъ, сразу принялъ меня и далъ для начала "трубу" В. Я написалъ родителямъ, они успокоились, затаивъ горечь въ себѣ, а я сталъ регулярно посѣщать уроки и дулъ себѣ въ трубу. Но вотъ, вѣрный себѣ ген. Саранчовъ прилетѣлъ однажды къ намъ на урокъ въ парадный актовый залъ, гдѣ происходили занятія, и, увидѣвъ меня, играющаго на трубѣ, неистово замахалъ руками и закричалъ: "Вонъ, вонъ! вонъ! вонъ!" И такъ, послѣдняя моя попытка приобщиться музыкѣ окончилась скандаломъ. Впослѣдствіи я игралъ на гитарѣ, и всю первую войну, будучи въ одномъ кавалерійскомъ полку, проводилъ ее съ собою и не сломалъ, а мой денщикъ сталъ извѣстнымъ на всю дивизію, благодаря черному клеенчатому футляру, съ которымъ онъ никогда и нигдѣ не разставался.

Гаррисбургъ, Па, США.
1953.

Н. Синькевичъ
УШ выпуска.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ (Изъ личныхъ воспоминаній)

"Для встрѣчи справа!... Шай!.. на к-раулъ!"

Два короткихъ взмаха рукъ. Блеснули штыки и грозно замерли стальной щетиной.

Въ Бѣлый залъ Сумскаго Кадетскаго корпуса входилъ Августѣйшій Ген.-Инспекторъ военно-учебныхъ заведеній Вел.Кн. Константинъ Константиновичъ. 500 паръ молодыхъ глазъ съ восторгомъ и съ обожаніемъ впились въ высокую, статную "романовскую" фигуру Вел.Князя. Оркестръ заигралъ ветрѣчный маршъ и сразу умолкъ.

"Здоргово, самцы!" — замѣтно картавя и по случайности перепутавъ "у" на "а", громко здоровался Вел.Князь.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество! — дружно гаркнули въ отвѣтъ 500 молодыхъ "самцовъ", ничуть не обидѣвшись за ошибку. И только лукавыя улыбки дамъ-гостей, собравшихся противъ строя кадетъ, говорили о томъ, что достанется сумцамъ на орѣхи отъ прекраснаго пола за случайную ошибку ихъ Августѣйшаго начальника.

Урокъ математики въ шестомъ классѣ. Къ доскѣ вызванъ кадетъ Лазаревъ. Вдругъ открывається дверь и входитъ Вел.Князь, одинъ, безъ свиты. Принявъ отъ дежурнаго рапортъ, онъ садится на свободное мѣсто вызваннаго къ доскѣ кадета. Урокъ продолжается. Вел.Князь внимательно слушаетъ. Потомъ, какъ бы машинально, онъ приподымаетъ крышку парты и заглядываетъ туда. На глаза ему попадается увѣсистая пачка нотъ съ модными тогда романсами. Заинтересовавшись, Вел.Князь начинаетъ ее перелистывать, а вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаясь, начинаетъ пѣть вполголоса. Весь классъ замеръ, затаивъ дыханіе. Кадетъ Лазаревъ остановился у доски съ мѣломъ въ поднятой рукѣ. Нашъ математикъ С.В.Лачиновъ раскрылъ ротъ отъ удивленія и тоже превратился въ статую. Вел.Князь закончилъ пѣть

романсъ, поднялъ глаза и тогда только замѣтилъ гробовую тишину въ классѣ. Слегка смутившись, онъ быстро захлопнулъ парту и громко произнесъ: "Продолжайте, продолжайте... я слушаю".

Спальня 4-ой роты, самыхъ маленькихъ кадетъ. Они укладываются спать, оживленно переговариваясь о впечатлѣніяхъ дня — посвященіи корпуса В.Кн.Константиномъ Константиновичемъ. И вдругъ входитъ онъ самъ, какъ всегда, безъ свиты. Медленно обходитъ онъ ряды кроватей и шутитъ съ кадетами. Тутъ онъ замѣтилъ одного малыша, который старательно стелетъ свою постель Вел.Князь, взявъ подушку, тихонько подкрадывается и бросаетъ въ него подушкой. Раздосадованный маленькій кадетъ, не сообщая, что онъ дѣлаетъ, бросаетъ эту подушку обратно. Великій Князь ловитъ ее на лету и бросаетъ въ другого кадету. Это было какъ бы сигналомъ къ общей битвѣ. Полетѣли подушки въ разные стороны, а главнымъ образомъ въ Вел.Князя. Шутя отбивается Вел.Князь и, наконецъ, схватываетъ двухъ ближайшихъ кадетъ, опрокидываетъ ихъ на кровать, а сзади на него наваливается уже дѣлая куча малышей. Прибѣжали испуганный ротный командиръ и воспитатель и, чтобы привести въ порядокъ распалившихся кадетъ, пришлось имъ прибѣгнуть къ магической командѣ. "Смирно!" Въ помятомъ кателѣ, смѣюшійся В.Князь поднимается съ кровати и притворно грозитъ пальцемъ.

— Ваше Императорское Высочество, дайте что нибудь на память! — кричатъ хоромъ кадеты.

В.Князь вынимаетъ платокъ и бросаетъ его. Онъ подхватывается и разрывается на сотню кусочковъ, и каждый кадетъ спѣшитъ запрятать на всю жизнь драгоценный кусочекъ, какъ память о любимомъ Августѣйшемъ Начальникѣ, такомъ дорогомъ, такомъ близкомъ нашей кадетской душѣ.

Викторъ Клепацкій
II выпуска.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО

Сумскій Кадетскій Корпусъ... Какъ много говорятъ эти слова, сколько дорогихъ воспоминаній вносятъ, и тѣни прошлаго встаютъ, какъ живыя...

Нашъ Корпусъ былъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ старой Императорской Россіи, успѣвшій до революціи дать всего одиннадцать полныхъ выпусковъ. Корпусъ былъ громадный, всѣ классы имѣли по два, а часто и по три параллельныхъ отдѣленія. Свѣтлые, большіе ротные залы, украшенные вдоль стѣнъ живыми пальмами въ зеленыхъ кадкахъ. Десятки полотеровъ ежедневно по утрамъ натирали паркетъ, затоптанный за день кадетскими ногами. По стѣнамъ висѣли картины и гравюры изъ военной жизни и изреченія великихъ русскихъ людей и полководцевъ. Нарядная ст. колоннами, столовая, свободно вмѣщающая одновременно всѣ четыре роты, гдѣ въ Царскіе дни и въ день корпуснаго праздника, во время обѣда, игралъ оркестръ корпусной музыки или трубачи 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка — нашихъ сосѣдей. Громадная портретная бѣлая зала, гдѣ зимой, въ плохую погоду, для парадовъ выстраивался во взводныхъ колоннахъ весь батальонъ.

онт корпуса со знаменами и проходилъ церемониальнымъ маршемъ. Рядомъ была гимнастическая зала, въ постоянной оцѣнѣ для спектаклей. Уютна и красива была наша церковь, храня, справа отъ алтаря, въ чехлѣ, корпусную снѣжную — знамя. Образцово оборудованный лазаретъ, лабораторіи, химическій кабинетъ, своя электрическая станція, просторная офицерскія бѣлила, чудный паркъ съ купальней на рѣкѣ — все это былъ нашъ корпусъ, гдѣ воспитывались мы, дѣти русскаго офицера, готовясь посвятить себя службѣ Родины, слѣдуя примѣру нашихъ отцовъ, а часто и дѣдовъ.

Сравнительно съ другими корпусами, мы были порядочно избалованы: одѣвали насъ прекрасно, мундиры были трехъ сроковъ, шинели двухъ; спали мы на мягкихъ кроватяхъ съ пружинными сѣтками. Всей этой роскошью и красотой обстановки, Корпусъ въ большой степени обязанъ былъ крупному жертвователю, юному сахарозаводчику Харитоненко, который безвозмездно предоставилъ Военному Ведомству большой участокъ земли и крупный капиталъ на постройку въ Сумахъ Кадетскаго Корпуса.

Несмотря на весь этотъ комфортъ, дисциплина была суровая, и вся жизнь наша была распределена до мелочей. Съ малыхъ лѣтъ приучали насъ къ порядку и чистотѣ. По командѣ "смирно" все замирало и за всякое нарушеніе слѣдовало наказаніе. Каждый разъ, становясь въ строй для молитвы или строемъ идя въ столовую, взводные кадеты, а то и дежурный офицеръ, проходя вдоль фронта, осматривали у каждаго сапоги, мѣдныя бляхи, пуговицы, — и не дай Богъ, если все это не было доведено до блеска: сыпались наряды, записи въ журналъ, изгнаніе изъ строя. Въ младшей 4-й ротѣ, командиръ ея, полк.кн. Шаховской, часто самъ осматривалъ у своихъ кадетъ чистоту рукъ, ушей и шеи, и жестоко наказывалъ нечистыхъ.

Жили мы чрезвычайно дружно и чувство товарищества въкоренялось въ насъ глубоко; ни уныніе, ни жалобы не допускались въ кадетской средѣ. Материальная сторона жизни въ корпусѣ не существовала; возвращаясь изъ отпуска, всѣ деньги мы сдавали воспитателю. Если же кто ихъ утаивалъ и, въ дальнѣйшемъ, это обнаруживалось, то деньги конфисковались и, въ присутствіи виновнаго, офицеромъ-воспитателемъ опускались въ Церковную кружку. Мы всѣ чувствовали себя равными, принадлежа къ одной военной семьѣ. Въ I-й ротѣ мы много увлекались игрой на билліардѣ, спортомъ, гимнастикой, и все это создавало бодрую, здоровую атмосферу, гдѣ для разгильдяйства не было мѣста. Всѣ старались быть подтянутыми, аккуратными и тщательно отдавать честь. Занимались мы много и зубрили не мало: требованія были высокія и баллы ставились скупы.

Много далъ корпусу нашъ многолѣтній, послѣдній директоръ, нами всѣми любимый и уважаемый Генераль-лейтенантъ Андрей Михайловичъ Саранчовъ, суровый и требовательный начальникъ, и въ то же время глубоко-культурный и гуманный человекъ. По службѣ своей онъ былъ коренной офицеръ Л.-Гв. Павловскаго полка, затѣмъ, окончивъ Академію Генеральнаго Штаба, Долго служилъ въ Кавказскомъ Военномъ Округѣ, гдѣ командовалъ дѣлестнымъ Апшеронскимъ полкомъ. Генераль Саранчовъ прекрасно разбирался въ людяхъ и сумѣлъ подобрать хорошіи личный составъ офицеровъ и преподавателей. По положенію, кадетамъ въ Корпусѣ запрещалось курить. Директоръ нашъ самъ былъ некурящій и курилъ

шикамъ объявилъ войну. Поймаютъ курильщика (даже I-й роты) — сразу попадалъ въ карцеръ, кромѣ того ему сѣвлялись два балла по поведенію и автоматически налагался целый рядъ ограниченій: безъ отпуска, запрещеніе записи на сладости и пр. и пр., и навсегда уже исключалась возможность получить унтеръ-офицерскіе, не говоря о фельдфебельскихъ, нашивки. Кадеты-курильщики какъ бы переводились въ разрядъ "штрафованныхъ", и въ лучшемъ случаѣ, при окончаніи корпуса, могли имѣть 9 по поведенію.

Послѣ Рождественскихъ каникулъ, мы возвращались изъ отпуска 6-го января вечеромъ. Курильщики въ I-й ротѣ возвращались 5-го января, т.е. уже наканунѣ, и изъ нихъ, вмѣстѣ съ оставшимися въ корпусѣ на каникулы кадетами, составлялся сводный взводъ или полурота, для присутствія со знаменемъ на Крашенскомъ парадѣ и водосвятіи.

Почти каждый разъ, какъ ловили новаго курильщика, Директоръ появлялся передъ выстроенной ротой, говорилъ грозную рѣчь, смыслъ которой всегда сводился къ слѣдующему: разъ вы теперь уже не исполняете приказанія, какой же вы будете потомъ офицеръ и воспитатель солдатъ?

Кромѣ всего, Директоръ нашъ былъ большой знатокъ русской исторіи, зная наизусть все событія, года, царствованія и проч. Часто, посѣщая классы во время уроковъ исторіи, задавалъ кадету летучіе вопросы по курсу. Однажды въ 6-мѣ классѣ онъ спросилъ меня годъ Куликовской битвы, — я не зналъ. Это былъ позоръ, который онъ не могъ мнѣ простить. Если случайно въ общей толпѣ кадетъ ген.Саранчовъ замѣчалъ меня, то на ходу непрѣменно ядовито вопрошалъ: — Де Виттъ, въ которомъ году была Куликовская битва? — Въ 1380 году, Ваше Превосходительство. — Такъ помните это и не забывайте! — бросалъ онъ на ходу и быстро удалялся.

Лѣтъ десять спустя, переживъ и революцію, и крушеніе Бѣлыхъ армій, мы случайно встрѣтились въ Парижѣ, около церкви. Встрѣча для насъ обоихъ была неожиданная и радостная. Ген.Саранчовъ заключилъ меня въ свои объятія и мы расцѣловались. Потомъ онъ вдругъ задумался, что-то припоминая: — А помните ли. Вы еще, когда была Куликовская битва? — Я назвалъ годъ. — Скажите, здорово я васъ допекалъ этимъ въ корпусѣ?... Теперь я спокоенъ, вы запомнили это навсегда! — и мы оба разсмѣялись.

Часто приходилось и приходится слышать отзывы, которые были проникнуты оппозиціей к арміи и правящему классу. Стѣпной у рта они говорили о произволѣ, грубости, пьянствѣ и всякихъ порокахъ, якобы царившихъ въ закрытыхъ Военно-учебныхъ заведеніяхъ. Ничего подобнаго, конечно, не было. Наши Россійскіе корпуса и училища были на рѣдкость здоровы по духу и по морали, за этимъ зорко слѣдило начальство, да и сами товарищи!

Мнѣ припоминаются два характерныхъ случая. Одинъ имѣлъ мѣсто въ 4-й ротѣ, когда я кончалъ уже корпусъ. Одинъ изъ малышей укралъ какую-то мелочь у своего пріятели, былъ пойманъ на мѣстѣ, и, конечно, жестоко избитъ товарищами по классу; но дѣло все же дошло до начальства, которое рѣшило, въ назиданіе другимъ, круто расправиться съ виновникомъ. Послѣ обѣда въ столовую вошелъ директоръ; команда — встать, смирно — все замерло. Директоръ вызываетъ изъ строя виноватаго. Въ нѣсколькихъ словахъ передъ всѣмъ корпусомъ генералъ Саранчовъ обрисовалъ

поступокъ провинившагося мальша-кадета и сказалъ: "Военная среда не терпитъ воришекъ, ибо они позорятъ погоны, которые они носятъ. Я васъ долженъ выгнать вонъ, но этимъ я нанесу тяжелей ударъ вашимъ честнымъ родителямъ. Я приказываю срезать вамъ погоны, которые вы недостойны носить". И тутъ же капитанармусть большими портняжными ножницами, шелкнувъ два раза, оставилъ на бушлатъ только кусочки бѣлаго сукна, вшитые въ плечо погонъ. Это было самое позорное наказаніе въ нашихъ корпусахъ. Кадетъ со срѣзанными погонами въ строй становиться не смѣлъ, и ходилъ сзади отдѣльно; бѣлъ за отдѣльнымъ столомъ, сидѣлъ одинъ на партъ, товарищи его сторонились, онъ былъ обезчещенъ. Съ нимъ запрещалось разговаривать и играть, и такъ выдерживали виноватаго три-четыре мѣсяца, пока онъ не исправлялся.

Вотъ другой случай. Я былъ въ I-ой ротѣ, въ 6 классѣ. Мы были на военной прогулкѣ, продѣлавъ верстъ 10-12 похода, со скатками, винтовками и пр. снаряженіемъ, остановились на привалѣ и затѣмъ стали заниматься сигнализацией флажками по азбукѣ Морзе. Одинъ изъ взводовъ попалъ на хуторъ, и мой товарищъ по отдѣленію, кавказецъ Д. гдѣ-то раздобылъ водки, и сразу отъ непривычки опьянѣлъ и заснулъ на сѣнѣ. Это было вскорѣ замѣчено офицеромъ-воспитателемъ. Пьяного Д. уложили на подводу, укрыли шинелями и отправили въ корпусъ, гдѣ его помѣстили въ лазаретъ проспаться. Мы его въ ротѣ больше не видѣли... На слѣдующее утро, Д. съ однимъ изъ корпусныхъ барабанщиковъ (солдатъ), при надлежащей бумагѣ, былъ отправленъ къ своимъ родителямъ во Владикавказъ. Двери корпуса были для него закрыты.

Вотъ эти два прискорбныхъ и единичныхъ случая показывають, какъ реагировало начальство и какъ рѣзко пресѣкалось въ жизни Корпуса всякое беззаконіе и распушенность. Кадеты въ своей массѣ были большіе патриоты, политикой никто и не интересовался. Газеты въ I-й ротѣ получали, но читали мало, интересовались, главнымъ образомъ, приложеніями къ "Новому Времени", "Нивой", журналомъ "Развѣдчикъ". За пребываніе въ Корпусѣ мы перечитали, конечно, всѣхъ русскихъ классиковъ. Въ вечерніе часы иной разъ устраивалось чтеніе вслухъ въ присутствіи воспитателя, послѣ чего происходилъ обмѣнъ мнѣній о прочитанномъ. Мы были молоды, интересовались жизнью и шли съ ней.

Прошло уже сорокъ лѣтъ, какъ я покинулъ стѣны родного Корпуса, и сегодня съ глубокой благодарностью вспоминаю я счастливые годы моей молодости, когда былъ Царь, и съ Нимъ могучая Россія, и мы, кадеты жили чудной сказкой — отдать все для вѣрнаго служенія Имѣ.

Д. Де Виттъ.

Парижъ. 1954.

(Последній этапъ въ родномъ корпусѣ)

Въ январѣ 1918 года нашъ III-ий Конный Корпусъ былъ отведенъ на расформированіе въ Кіевскую губернію. I-го февраля группа Новгородскихъ драгунъ (офицеры и нѣсколько десятковъ солдатъ) выѣхала по направленію Сумы, куда уже повѣдомъ отбыла наша хозяйственная часть. Всѣ мы были на лошадахъ; подходили къ Черкасамъ; наша развѣдка донесла, что вокругъ города расставлены большевистскія заставы, которыя арестовываютъ офицеровъ и отбираютъ лошадей; пришлось обходить городъ съ юга. Начиналась уже оттепель, и ледъ на Днѣпрѣ не былъ проченъ; тутъ насъ выручилъ одинъ крестьянинъ, указавъ мѣсто, гдѣ еще можно было пройти. Перекрестившись, взяли коней въ поводъ и спустились на ледъ; было жутко, лошади упирались, мѣстами вода протекала сверху и, казалось, что вотъ-вотъ раздается злобщій трескъ и мы погрузимся въ холодную воду. Но Господь милостивъ! Всѣ благополучно перебрались на берегъ и по 25-тиверсткѣ продолжали нашъ путь. На ночь останавливались въ деревняхъ, выбирая крайнія хаты на случай тревоги. Нѣсколько дней все шло хорошо, но вотъ разъ подъ утро въ нашу хату ворвались красные; арестовали меня и еще двухъ офицеровъ (другимъ посчастливилось уйти раньше) и отправили съ пѣшимъ конвѣйномъ въ штабъ, расположенный въ сосѣдней деревнѣ. По дорогѣ мы шли сначала пѣшкомъ, ведя коней но въ поводу, потомъ увѣрили нашего конвоира, что мы очень устали и, съ его разрѣшенія, сѣли по конямъ и, конечно, взяли противоположное направленіе. Проскакавъ немного подъ легкимъ обстрѣломъ нашего конвойнаго, мы выбрались на другую дорогу и вскорѣ нагнали своихъ. Шли мы такимъ образомъ двѣ недѣли (около 700 километровъ) и 14 февраля вечеромъ подошли къ Сумамъ со стороны Шепетовки. Здѣсь мы разстались: кто поѣхалъ домой, кто къ знакомымъ. Мнѣ некуда было ѣхать, — тѣмъ болѣе вечеромъ — вездѣ были красные. Но вѣдь тутъ былъ мой родной корпусъ. Захвативъ съ собой корнета Снѣгирева, я поѣхалъ въ корпусъ. Генералъ Саранчевъ встрѣтилъ насъ по отечески, обласкалъ и разрѣшилъ остаться до утра, но при этомъ сказалъ: "Ведите себя тихо, т.к. я теперь никакого голоса не имѣю. Всѣмъ съ кадетами въ столовой; пропѣли молитву: какимъ уютомъ повѣяло, какъ тепло стало на душѣ, — я дѣйствительно былъ дома. Передъ тѣмъ какъ идти спать въ лазаретъ, гдѣ намъ отвѣли комнату мы съ корн. Снѣгиревымъ пошли задать кормъ лошадямъ. Приходимъ въ конюшню, а тамъ уже солдатъ съ винтовкой, который говоритъ намъ: "Васъ просятъ немедленно явиться въ канцелярію"... Пошли. Тамъ насъ встрѣтилъ неизвѣстный мнѣ капитанъ X, безъ погонъ, инвалидъ безъ руки, присланный въ корпусъ во время войны, и сухо сказалъ намъ: "Въ качествѣ председателя комитета, я долженъ донести о вашемъ прибытіи въ штабъ Красной Арміи г. Сумъ". Ничего не отвѣчая капитану X, рѣшили вначалѣ пойти въ конюшню и силой забрать своихъ коней (мы были въ полной формѣ и при оружьи), но, вспомнивъ общаніе, данное Генералу Саранчеву, вести себя тихо, и боясь навлечь неприятели на корпусъ, рѣшили смириться и пошли въ лазаретъ спать.

На другое утро мы были арестованы и отправлены под конвоем в штаб Красной Армии; там нас обыскали, отобрали кофеек и выпустили.

Больше в корпус я идти не рѣшился и, кое какъ устроивъ свою жизнь, дождался формировація Новгородскаго полка при Украинской арміи, а тамъ вскорѣ, захвативъ нашъ штабартъ, который намъ удалось выкрасть у большевиковъ при содѣйствіи племянника В.А.Харитоненко, мы перебрались въ Добровольческую армію. Довхали до Екатеринодара, гдѣ жила моя семья. Однажды на улицѣ я столкнулся съ капитаномъ Х, уже въ формѣ добровольца. Онъ, увидя меня, круто повернулъ назадъ, но я успѣлъ замѣтить, что онъ вошелъ въ зданіе Контр-Развѣдки. Я послѣдовалъ за нимъ и попросилъ дежурнаго офицера доложить обо мнѣ Начальнику Контр-Развѣдки; генералъ (фамилію не помню) принялъ меня, выслушалъ и рѣшилъ устроить очную ставку. Былъ вызванъ капитанъ Х, который состоялъ сотрудникомъ контр-развѣдки. "Вы не узнаете меня?" — спросилъ я. "Нѣтъ, ваше лицо мнѣ ничего не говоритъ". — "А вы были воспитателемъ въ Сумскомъ Корпусѣ?" — "Да, конечно". — "А не помните ли вы, какъ вы выдали меня и корнета Снѣгирева большевикамъ?" — "Да, да, но вѣдь я вынужденъ былъ!"... и онъ началъ было приводить доводы, но Генералъ сурово прервалъ его: "Довольно!...Этого достаточно"... Дальнѣйшая судьба капитана Х мнѣ неизвѣстна.

И.Ивановъ 7-го выпуска.

Ротмистръ 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ.

Въ Сумскій Кадетскій Корпусъ я поступилъ въ 1913 году; во второй классъ и вскорѣ былъ назначенъ старшимъ нашего 3-го отдѣленія. Въ 1913/14г. нашимъ воспитателемъ былъ пор.Дипковскій, но въ 1914 году онъ былъ переведенъ въ Иркутскій Кад.Корпусъ и на его мѣсто былъ назначенъ шт.кап.Длужчавскій, который вскорѣ былъ произведенъ въ капитаны, а затѣмъ въ подполк. Старшимъ я продолжалъ оставаться до осени 1916 года, когда я заболѣлъ скарлатиной съ осложненіемъ на почкахъ, и передъ Рождествомъ 1916г. получилъ длительный отпускъ для леченія дома. Тогда на мое мѣсто старшимъ отдѣленія былъ назначенъ Борисъ Розенбергъ. Такимъ образомъ, февральскую революцію я переживалъ дома, въ Харьковѣ. Когда я вернулся въ корпусъ весной 1917г., я узналъ, что эти событія произвели удручающее впечатлѣніе, какъ на кадетъ, такъ и на весь начальствующій персоналъ: весь корпусъ съ винтовками устроилъ въ городѣ демонстрацію, но настроеніе быстро падало. Уѣхавъ лѣтомъ въ отпускъ, я больше въ корпусъ не возвращался. Послѣ ухода немцевъ съ Украины, я ушелъ въ Добровольческую армію и съ нею продѣлалъ походъ до самаго Чернигова, а затѣмъ обратно. При отступленіи подъ Кіевомъ я былъ тяжело раненъ и эвакуированъ въ тылъ, въ Одессу. Въ 1919г. мнѣ пришлось посѣтить Сумы дважды: первый разъ при наступленіи Добр.Арміи прошли черезъ Сумы; тогда я встрѣтилъ подполк.Стржелецкаго, но съ нимъ

я много не разговаривалъ, т.к. не было тогда времени, да и, кромѣ того, я былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Второй разъ я былъ въ Сумахъ съ порученіемъ отъ нашего командира полка, ген. Трайфона (который былъ потомъ Командиромъ Русскаго Корпуса въ Сербіи) къ Командиру Запаснаго Батальона нашего полка, стоявшаго въ Сумахъ. Тогда я встрѣтилъ своего воспитателя подполк. В. Ф. Длужневскаго и провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ; отъ него я узналъ, что во время большевиковъ въ нашомъ Корпусѣ была Военная школа и ея военнымъ руководителемъ былъ подполк. "Б". Въ послѣдній разъ о нашомъ корпусѣ мнѣ пришлось услышать отъ кадета 2-го стдѣленія нашего класса Сергѣя Игнаторича, котораго я встрѣтилъ на фронтѣ въ 1919г. (онъ былъ на Бронеповздѣ); онъ былъ въ числѣмъ вице-фельдфебеля и сказалъ мнѣ, что нашъ Корпусъ въ недавнемъ составѣ былъ эвакуированъ въ Крымъ и тамъ онъ его закончилъ въ ускоренномъ порядкѣ.

О событіяхъ 1912/13 года, я ничего особеннаго объ этомъ періодѣ не помню, — можетъ быть, потому, что я поступилъ въ 1913 году, уже послѣ этихъ событий, но и тогда разговоры о нихъ никакихъ, какъ будто, не было. Въ отношеніи же отличія корпусу, были слухи, послѣ смерти Вел. Кн. Константина Константиновича, что нашему корпусу дадутъ его имя, но эти слухи не оправдались и, насколько я помню, это отличіе получилъ Одесскій Кад. Корпусъ. За время моего пребыванія въ Корпусѣ самымъ большимъ событіемъ, не считая начала войны, было посѣщеніе нашего корпуса ген. отъ артиллеріи Попруженко. Во время же войны нѣкоторые наши кадеты старшихъ классовъ побывали во время лѣтнихъ каникулъ на фронтѣ, въ особенности тѣ, у которыхъ были братья или отцы на передовыхъ позиціяхъ, и возвращались въ Корпусъ Георгіевскими кавалерами. Это производило большое впечатленіе на другихъ кадетъ. Нѣкоторые воспитатели ушли въ Дѣйствующую Армію, а на ихъ мѣсто пришли другіе, получившіе раненія

Парижѣ.

Николай Федоровскій
6-го класса.

В О С П О М И Н А Н І Я .

Много воды утекло и много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оставили мы свое родное гнѣздо. Но если закрыть глаза и перенестись мысленно въ этотъ далекій міръ чуднаго прошлаго, то картины и образы встаютъ ясно одна за другой.

Первый день въ корпусѣ. Фегвѣртая рота. Пригонка обмундирования. Бѣлые погоны съ начищенными пуговицами. Новые товарищи, огромные залы, — все казалось такимъ большимъ, и было приятно и жутко.

Особенно страшилъ ротный командиръ, Петръ Петровичъ полковникъ князь Шаховской. Кто не помнитъ его грозный окрикъ неповиновавшемуся малышу: "Я тебѣ, каналья, голову сорву!"

Проходитъ время и мы знакомимся съ нашими воспитателями и преподавателями. Батюшка, отецъ Василій Виноградовъ, умный и чуткій наставникъ; съ какой добротой и нѣжностью относился онъ къ намъ, и какъ строгъ былъ во время церковной службы! Директора, Ген.-Лейт. Андрея Михайловича Саранчова мы видимъ

каждый день по крайней мѣрѣ спитъ разѣ, и онъ всегда куда-то торопится.

Мы привыкаемъ къ строю и военной дисциплинѣ, осваиваемся съ нашими занятіями и обстановкой. Знакомимся съ окрестностями, бываемъ иногда въ паркѣ. А какой чудный видъ открывался съ верха парка, -- видны были рукава Поля далеко-далеко, а еще дальше виднѣлась желѣзно-дорожная станція Басы по дорогѣ на Харьковѣ.

Другія картины плывутъ передъ глазами: бѣлыя трехэтажныя зданія корпуса, офицерскія флагея, плацы первой и третьей роты, обсаженные стройными тополями, кухня, лазаретъ, электрическая станція, пекарня, баня и мастерскія...

Широкія лѣстницы главнаго Зданія, покрытыя коврами, ведутъ въ обширную столовую, а еще выше, направо -- огромный танцевальный залъ, замѣнявшій въ холодную погоду парадный плацъ, и направо гимнастическій залъ и сцена, гдѣ часто ставились спектакли и даже отрывки изъ оперы.

Мысленно переходишь въ ретиня залы, обходишь классныя комнаты и заглядываешь въ каждую изъ нихъ отъ четвертой до первой роты. Здѣсь провали мы семь лѣтъ, а многое и больше. Сколько было здѣсь радости и боли, труда и дурачества, надеждъ и стремленій!

Не забудешь и длинныя ротныя спальни со стройными рядами бѣлыхъ кроватей отъ дежурной комнаты до склада каптенармуса; умывалку и чистилку съ жидкой мылой и мокрыми щетками.

Противъ столовой -- домовая уютная церковь, хранилище нашего Вѣлаго знамени. Какъ хотѣлось иногда уловиться отъ длинной воскресной службы! Вспоминаются царскіе праздники и парады, храмовой праздникъ, балы съ духовымъ оркестромъ и танцами.

Дальше передъ глазами проходятъ фигуры офицеровъ, преподавателей и воспитателей; почти всѣ они ушли уже въ лучший міръ, но образы ихъ четко вырисовываются въ памяти; инспекторъ классовъ, ген.майоръ Каншинъ, мы рѣдко его видѣли; старшій врачъ Вейднеръ, всегда серьезный, и младшій, маленькій и веселый, докторъ Кандыба. Командиры роты, полковники Котроховъ, Ламанскій, Куровъ, Потемкинъ, и позже Некрашевичъ и Катасоновъ. Преподаватели: Воробьевъ, Измайловъ, Чапментъ, г-жа Котрохова, Эрдманъ, Шпереръ, Лачиновъ, Евлампіевъ, Пельсѣцкій, Бояровскій, Мансвѣтовъ, Лобко, Плиткинъ, Горскій, Лучанинъ, Длужневскій и другіе. Воспитатели: Элендъ, Бюхнеръ, Венедиктовъ, Ярмерштедтъ, Стржелѣцкій, Айвазовъ, Рѣшиковъ, Кабюклицкій, Пожандаевъ, Отецкій, Ярцевъ, Шиманскій, и военнаго времени молодой поручикъ нашъ Есиновъ, Не забудешь и казначая Мароховскаго, секретаря Смирнова, Архитектора Словачникова и эконома Петрова.

Всѣ они внесли свои знанія, терпѣніе и трудъ въ постройку нашихъ молодыхъ жизней, въ развитіе нашихъ характеровъ и въ ростъ нашихъ русскихъ душъ; славные, родные и любимые призраки прошлаго! Прошлаго ушедшаго, но не забытаго. Всѣ наши волненія, неудачи и непріятности, что казались тогда такими ужасными переживаніями, сейчасъ вспоминаются съ пріятной улыбкой.

Продолжаешь мысленно витать среди этихъ призраковъ милаго, роднаго Сумскаго Кадетскаго Корпуса, среди лучшихъ лѣтъ

нашей беззаботной юности, и не хочется стереть глаза и спуститься в чужую реальность чуждаго, коварнаго міра...

9.9.53
Нью Йоркь.

Н.В. - XI выпуска.

ТЕБЬ, РУССКІЙ ВЪЖЕНЕЦЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Безумьямъ гонимыя, грустью томимыя
Родину бросили вы...
Въ странѣ непривѣтливой плохо васъ встрѣтили, -
Всѣ тамъ коварны и злы.
Безъ денегъ и средствъ, безъ уюта семейнаго,
Раздѣты, голодны, больны,
Безъ цѣли и мысли, съ тоской безконечной,
По свѣту разбѣялись вы.
Вы живете лишь вѣрой, надеждой больной -
Въ сердцѣ вашемъ любовь велика,
Вы живете Великой Россіей Родной,
Ей вѣрны остались навсегда.
Вашу вѣру бездонную видитъ Господь.
Будете дань - снова станете съ Нео,
Сбросивъ злобу и месть къ ней варнетесь опять,
Назовате Родную - Свою...

Подъ Шатромъ.
Іюль 25, 1922.
Турцій.

Н.Венедиктовъ - XI вып.

Незабвенной Памяти
Дорогого Отца посвящаю.

Жизнь - это сонъ, сонъ пестрый и нелѣпый,
То ярко красочный, то тусклый и больной.
То полный свѣтлаго, волнующаго чувства,
То душный, тѣсный и нѣмон...

Жизнь, это сонъ, гдѣ призрачны видѣнья,
Гдѣ счастья нѣтъ, а только лишь забвенья
Гдѣ къ истинѣ такъ жалки всѣ стремленья
И только Смерть рождаетъ Пробужденья.

Сар.Бар.Турція
Фев.17,1922

Н.Венедиктовъ - XII выпуска

Памяти дорогого Товарища
Виктора Шелестова.

Года идутъ стремительной толпою,
Все свѣтлое ушло, осталось позади,
И сердце теплится одною лишь мечтою, -
Стать на тотъ путь, что вѣется впереди.
Пусть онъ осмѣянный, тяжелый и терновый,
Пусть рѣдкій путникъ движется по немъ,

Но, вѣрю сердцемъ, будетъ ясный, твердый,
 И лучшему въ душѣ тамъ будетъ данъ просторъ...
 Тамъ солнце яркое играя заливаеъ,
 Тамъ нѣтъ ни ненависти, злобы или лжи,
 Тамъ чувство свѣтлое всю душу заполняеъ, —
 То путь ПРОЩЕНЬЯ и ЛЮБВИ. —

Н.Венедиктовъ, XI вып.

Маль-Тепе, Турція
 Февр. 16, 1922. К-поль

Сегодня гладко и спокойно моря,
 Мнѣ ясно видны острова,
 Заливъ Исмидскій мягко выступаетъ,
 И горы его прекрасна синева.
 Какъ хорошо здѣсь рано утромъ,
 Когда чуть вѣтеръ шепчетъ шелеститъ,
 Инжиръ и слива съ стройнымъ кипарисомъ
 Собой любуются, и сонъ отъ нихъ бѣжитъ.

А зной придетъ — замретъ все усыпая,
 Лишь въ воздухѣ жужжанія концертъ.
 Я спрячусь въ тѣнь, жарой взнемогая,
 и буду нѣжиться, любуюсь тобой.

Люблю тебя, Красавица-Природа,
 всю жизнь я въ восторгѣ твоихъ прекрасныхъ
 Ты вѣчно молода, такъ ярка и свободна, /глазъ
 Ты мнѣ даешь дурманящій экстазъ...

Турція
 Лѣто 1922г.

Н.Венедиктовъ, XI вып.

Плакала осень въ рыданіи вѣтра,
 Мѣсяцъ всего лишь назадъ.
 Чуялось въ пѣснѣ ея безответной
 что близко печальный конецъ...
 И умерла какъ-то случайно, неждано
 Затихла, умолкла, блѣдна.
 Покрытая саваномъ бѣлымъ безбрежно
 Лежитъ ужъ холодной ЗИМА.
 И многіе дни пробьютъ монотонно,
 Не скрасивъ замерзшаго жизни лица,
 Но тамъ, впереди гдѣ-то, выглянетъ радость,
 И къ жизни съ улыбкой возстанетъ ОНА.
 Въ цвѣтахъ, изъ подъ снѣга, срывая покровы,
 Рстанетъ радости яркой полна,
 И захочется плакать, и жить, и смѣяться, —
 Вновь придетъ и ЛЮБОВЬ и ВЕСНА.

Декабрь 1923
 Нью - Йоркъ.

Н. Венедиктовъ - XI вып.

РОДНЫЯ КАРТИНКИ.

Пестрыя душистыя долины,
 Широкія, цвѣтуція поля,
 Вы, Русскія безбрежныя равнины,
 О, какъ давно васъ видѣлъ я!
 Прохладныя и ласковыя рѣчки,
 Тѣмныя сосновыя лѣса,
 Бѣдныя крестьянскія избушки,
 И вы, родныя голоса!
 Стада, пасущіяся мирно,
 И пыль дорогъ, васильки,
 Родная пѣсня плачетъ мѣрно
 Съ рыбацкѣй лодки у меля...
 Кривая мадоньская церковь,
 Кладбище жалкое при ней,
 Худой и жалобный священникъ,
 И скрипъ намазанныхъ осей.
 Крестьянъ просторная одежда,
 И поступь важная воловь,
 И звонъ величественно нѣжный
 Моихъ родныхъ колоколовъ.

Іюнь 29, 1937.
 Нью Йоркъ. США.

Н. Венедиктовъ - XI вып.

СЛУЧАЙ СЪ КАДЕТОМЪ "К" - X ВЪПУСКА.

Однажды Директоръ Корпуса ген. лейт. Саранчевъ, обходя ночью спальни, замѣтилъ, кто кадетъ "К" спитъ, не снявши нижнюю часть туалета. Директоръ разбудилъ его и приказалъ снять "продолженія". Кадетъ "К" (кстати сказать, Кавказецъ) послушно это выполнилъ и, сидя на кровати, протянулъ ихъ Директору, который аккуратно ихъ сложилъ и положилъ на табуретку, какъ и полагалось. На утро кадету "К" былъ разностъ, но этимъ дѣло и кончилось.

М. Валичковъ - X вып.

Америка.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОДНОМЪ КОРПУСѢ.

Осень 1902 года. Моя покойная мать привезла меня въ Сумы изъ Одессы въ корпусъ на экзамены. Не буду останавливаться на наставленіяхъ и совѣтахъ, которые мнѣ давали и родные, и близкіе, и знакомые, какъ нужно отвѣчать, что повторить и т. д. но, благополучно прибывъ въ Сумы, насъ ждало первое разочарованіе: ни одной комнаты въ гостинницахъ, т. к. предусмотрительныя папы и мамы заранее привезли своихъ дѣтей, чтобы не остаться безъ комнаты. Послѣ разныхъ мытарствъ, моя мать нашла комнату на постояломъ дворѣ, на Базарной площади. Комната

была чистая и хорошая, и неприятных насекомых на было, только нам досаждали мухи, роями налетающія из конюшенъ постоялаго двора.

На другой день меня повезли на экзамены, и два дня мы ждали результатов. Въ назначенный день мы опять побѣжали въ корпусъ съ душевнымъ трепетомъ: выдержалъ или провалился?

Наконецъ, намъ объявили результаты; многіе радовались, а нѣкоторые плакали. Я выдержалъ въ первомъ десяткѣ и былъ страшно гордъ. Дали намъ пару дней на прощаніе съ родителями. Вы сами понимаете, дорогіе однокашники, что за эти дни и родители и мальчики пережили многое — отъ самыхъ первыхъ шаговъ въ жизнь какъ бы самостоятельную: изъ подъ крылышка въ роту.

Настъ собралъ р.к. полк. Ламянскій и съ нимъ воспитатели: подп. фонъ Котенъ и кап. Калугинъ. Выстроили разношерстную команду (ранжиръ) — дали номера — мой былъ 23 — а затѣмъ развели по отдѣленіямъ. Я попалъ въ первое.

Въ классъ нашъ воспитатель Алдр. Фридр. фонъ Котенъ намъ выдалъ книги, тетради и т.п. и назначилъ "старшаго" — первымъ старшимъ былъ Буйницкій.

Затѣмъ разношерстную роту повели завтракать, на прогулку и затѣмъ на пригонку обмундированія, на стрижку и вообще подт нивеллировку и обученіе "строю". Мы, уже настоящіе кадеты, быстро усвоили "шагистику" и главнымъ образомъ потому, что у насъ было соревнованіе: мы гордились мундиромъ и старались другъ друга передеголять. Приближалось 26 сентября — нашъ корпусный праздникъ, а въ Корпусѣ внутри еще продолжались работы по покраскѣ и установкѣ перилъ на главной лѣстницѣ. Въ ротѣ среди кадетъ пронесся слухъ, что на освященіе церкви пріѣдетъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ. Такая интересная новость, конечно, комментировалась нами на всѣ лады, но когда на урокѣ учитель русскаго языка Т.М. Воробьевъ выбралъ нѣкоторыхъ кадетъ (въ томъ числѣ и меня) и сказалъ, что мы будемъ декламировать на вечерѣ въ присутствіи Вел. Кн. князя, то всѣ наши сомнѣнія разсѣялись, какъ дымъ. Приблизительно 24-го сентября пріѣхалъ Вел. Кн. князь, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. На насъ, мальчиковъ, онъ произвелъ громадное впечатлѣніе, его престижъ, обаяніе, ласковое обращеніе съ нами насъ очаровали, не говоря уже о томъ, что это "дядя Государя", для насъ полубогъ, что-то недосягаемое.

25-го сентября насъ повели на освященіе Корпусной Церкви. Кадеты III кл. (907г.), II кл. (908г.) и I кл. (909г.). Въ нованькихъ съ иглочки мундирахъ и съ бѣлымъ кушакомъ насъ выстроили поротно въ нашей Церкви. На освященіе пріѣхалъ Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, четыре священника и протодіаконъ, фамилію его забылъ, замѣчательнѣе своимъ могучимъ голосомъ: такъ, когда онъ возгласилъ "многая лѣта", то въ Церкви все гудѣло.

Цинтъ освященія былъ очень длинный, служба длилась 3½—4 часа, и когда кадеты начали уставать, а нѣкоторые даже падали въ обморокъ, то Вел. Кн. приказалъ сказать кадетамъ, что если кто усталъ, можетъ выйти изъ Церкви и отдохнуть.

Наконецъ, служба кончилась, насъ повели "оправиться" въ

роту, а затѣмъ на чай, а потомъ въ роту на вечернюю молитву и спать, т.к. завтра, 26-го, предстоятъ большой и трудный денъ.

26-го, послѣ обычнаго утренняго распорядка, намъ дали полтора часа на "занятія своими дѣлами", а затѣмъ мы пошли чиститься и одѣваться въ мундиры, а въ 10 час. всѣ были на Литургии, и служба была гораздо короче, чѣмъ наканунѣ. Затѣмъ парадъ, на которомъ мы продефилировали передъ Вел.Княземъ и лихо ему отвѣчали, потомъ парадный завтракъ, отдыхъ до обѣда; обѣдъ тоже былъ "особымъ": будонтъ съ пирожкомъ, жареная телятина, мороженое и мѣлочекъ конфетъ — наша большая радость.

Въ 7 час. вечера начался литературный вечеръ и струнный оркестръ исполнилъ нѣсколько вещей, затѣмъ балъ; игралъ духовой оркестръ 28 драг.Нижегородскаго полка. Чай мы ходили пить съ приглашенными. Столы были уставлены буттербродами — всѣхъ сотовъ, сладостями съ прохладительными напитками. Въ 12 час. все было кончено, гости разошлись, а мы отправились по ротамъ, т.к. завтра — обычный денъ съ уроками и занятіями. Намъ дали поспать лишній часъ, а въ 8 утра зазвенѣла труба горниста и началась наша обыденная корпусная жизнь, съ нашими маленькими радостями и огорченіями, но у каждого въ памяти осталось и до сихъ поръ свѣтлое воспоминаніе о нашемъ отрочествѣ.

Второй знаменательный денъ нашей кадетской жизни уже относится къ 1907 году. Вотъ уже второй годъ, какъ я былъ въ I-й строевой ротѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1906 г. въ I-й ротѣ было 2 отдѣленія 6-го класса и два отдѣленія 5-го класса. Тогда начальство рѣшило 2 отдѣл. 2 роты 4-го класса раздѣлить на 3 отдѣленія, и одно изъ нихъ перевести въ I-ую роту. Въ это отдѣленіе попалъ и я, и уже въ 4-мъ кл. получилъ, какъ и остальные, вытровку (берданку) и подсумокъ. Особенно горды мы были, когда ходили въ отпускъ, т.к. у насъ на кушакъ висѣлъ штыкъ. Слегка "куражились" передъ своими же одноклассниками второй роты и при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивали, что мы "первая рота". За годъ насъ обучили ружейнымъ приѣмамъ и вышколили, какъ заправскихъ "павлоновъ".

Итакъ, въ 1907 г. въ маѣ, мы узнали, что Государь пожаловалъ корпусу знамя, и что это знамя привезетъ Вел.Князь Константинъ Константиновичъ.

Дѣйствительно, въ началѣ мая прибылъ Вел.Князь въ Сумы. Всѣ помѣщенія корпуса и Церковь были украшены цвѣтами и пальмами. Освященіе знамени было въ нашей церкви, но я не помню, какой былъ архіепископъ, такъ какъ архіеп.Флавіанъ, освящавшій церковь, не то скончался, не то былъ переведенъ.

На плацу былъ парадъ, причѣмъ было уже четыре роты кадетъ. По рассказамъ очевидцевъ, маршировали мы хорошо: твердую держали ногу, правой рукой, какъ одинъ, махали до пояса, а главное — штыки были въ одну линію, какъ по ниточкѣ. Послѣ парада былъ праздничный завтракъ. Присутствовали, кромѣ Вел.Князя и его сваты, к-ръ 28 Драг.Нижегородскаго полка съ офицерами, Г.Харитоненко, Гор.Голова, Предвод.Дворянства, духовенство и вообще важные персоны.

Завтракъ былъ совершенно особенный по своему мѣню и торжественности. У меня долго хранилась коробочка отъ конфетъ, на

крышкѣ которой былъ изображенъ нашъ погонѣ; и вообще другія вещи, какъ напр., наша группа, фотографіи корпуса, нашъ значекъ погоня и т.п. — все это пропало во время "Великой безкровной", но дорогія воспоминанія остались въ сердцѣ навсегда. Директоръ корпуса, ген. Андрей Михайловичъ Саранчовъ, сказалъ прекрасную рѣчь о "чудномъ бѣломъ знамени, эмблемѣ воинскаго долга, единенія и вѣрнопопданства Государю и Родинѣ, знамя, которое мы должны охранять до послѣдней капли крови".

Пришла эта ужасная революція, и я слышалъ, что одинъ изъ кадетъ, какъ потомъ оказалось, Дмитрій Потемкинъ, сынъ нашего ротнаго командира полк. Потемкина, вывезъ наше знамя въ Сербію, тысячу разъ рискуя въ обезумѣвшей революціонной Россіи своею жизнью; онъ доставилъ знамя Директору Крымскаго Корпуса, за что и былъ имъ произведенъ въ вице-унтерт-офицерское званіе. Честь ему и слава!

Послѣ завтрака мы были распуцены по ротамъ и занимались "своимъ дѣломъ", потомъ обѣдъ, тоже улучшенный (съ мороженымъ), а вечеромъ концертъ и балъ.

Великій Князь былъ на открытіи бала, но вскорѣ ушелъ изъ главнаго зала, и мы впоследствии узнали, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Третій знаменательный день былъ 25 мая 1909г., когда послѣ послѣдняго экзамена, въ помѣщеніи I-й роты былъ накрытъ обѣденный столъ, и передъ отъѣздомъ мы въ послѣдній разъ въ Корпусѣ сѣли за трапезу. Присутствовалъ ген. лейт. Андрей Михайловичъ Саранчовъ, р.к. Иванъ Андр. полк. Котроховъ, воспитатели: подп. Станиславъ Ферд. Отоцкій (мой восп.), кап. Ильинъ, преподаватели и другое "бывшее начальство", — т.к. мы считали себя уже не кадетами.

Послѣ обѣда было уже дружеское собесѣдованіе, прогулка на плацу, — и вдругъ разразилась страшнѣйшая гроза, и кто-то сказалъ, что это худое предзнаменваніе для насъ, — и м.б. онъ былъ правъ: 1914-1917гг. никому изъ насъ не принесли счастья.

Анатолій Штехеръ — 3 выпуска.

Листки отлетѣвшіе,
Весной чуть пригрѣтые,
мечты недозрѣвшія
И пѣсни неспѣтыя...

Б.А.

Звонко прославятъ васт трубы походныя
Въ дни наступленья великой войны, —
Спите-жъ спокойно, Россіи сыны,
Жертвы вечернія, жертвы безплодныя!

А.Эйснеръ.

Стихи эти взяты съ креста-памятника на кадетскомъ кладбищѣ въ Югославіи.

СПИСОКЪ КАДЕТЪ . ОКОНЧИВШИХЪ СУМСКІЙ КОРПУСЪ .

1-й выпускъ:

Абожловскій
 Азбукинъ Николай
 Антипинъ
 Альшинскій
 Анищенко
 Бурдинъ
 Брезгунъ
 Борейша
 Булгаковъ
 Бенецкій
 Бутовичъ I
 Валяевъ I
 Гамалъи I
 Гладышевскій I
 Гасперскій
 Ганъшинъ
 Галецкій I
 Глуханинъ
 Долинскій I
 Жанколя
 Забѣлло I
 Ивойловъ
 Измайлловичъ I
 Козляковскій
 Капнинъ
 Корзунъ
 Кувшевскій
 Крыштопанко
 Лютинскій
 Нуджевскій
 Ненадкевичъ
 Петровъ
 Павловскій
 Протопоповъ
 Пешанскій
 Пятницкій
 Поропковъ
 Поповъ
 Радопуло I
 Стажевскій
 Савичъ
 Станюковичъ I
 Свѣшниковъ
 Садуновъ
 Трынковскій
 Кн. Химшиевъ
 Храповицкій
 Цириановичъ
 Черкасовъ
 Черногубовъ

Шереметинскій
 Ярчевскій I
 Янчевскій I
 Ятальницкій

2-й выпускъ:

Аникиевъ
 Айдаровъ
 Азбукинъ 2
 Андреевъ
 Анищенко 2
 Александровъ
 Баньковскій
 Бѣловъ
 Барнадскій
 Владковъ
 Вѣнцовскій I
 Вѣнцовскій 2
 Гесслеръ
 Галецкій 2
 Громадскій
 Геденовъ
 Грицевичъ-Уржулидскій
 Григорьевъ I
 Гоппе
 Гвоздевъ
 Долинскій 2
 Денжовъ
 Дьяченко
 Дембскій
 Давидовъ
 Елисѣевъ
 Ермоленко I
 Жарментъ I
 Жуковъ I
 Зягребальний
 Загурскій
 Заремба-Годзіевскій
 Завадовскій
 Зашкевичъ
 Измайлловичъ
 Ивановъ
 Ильинскій
 Кокораки
 Касаткинъ
 Кормилевъ
 Ключаревъ
 Колесниковъ
 Колесниченко

Кузьминъ-Каравеевъ
 Клепацкій
 Копачъ
 Костинъ
 Кондрашевъ
 Константиновъ I
 Кнорозъ
 Калениченко
 Корзунинъ
 Кучкинъ
 Кузинъ
 Левицкій
 Лактионовъ
 Лаптевъ
 Лапинъ
 Лебединецъ
 Лазаревъ
 Лешенко
 Лаженко
 Марченко
 Минковъ
 Медьниковъ
 Маньковскій
 Массалитиновъ
 Наклюдовъ
 Насѣкинъ
 Петельчицъ
 Писаревъ
 Пожидаевъ
 Пеленкинъ
 Павловскій 2
 Прокофьевъ
 Печковскій
 Плѣшковъ
 Романовъ
 Стаѣевскій
 Селянко
 Стравинскій
 Сиванковъ
 Стефановичъ I
 Станюковичъ 2
 Сигристъ
 Скурскій
 Товстолѣсъ
 Тютюникъ
 Тавастерна
 Фрейманъ I
 Филиповъ
 Фон Гаудринъ
 Фонт Коттентъ

Фонт Клодт
Фонт Лавизт-офт-Менарт
Хлистуновъ
Челюсткинтъ I
Шелудчанко
Ширяевъ Ивант
Ширковъ
Шаншинъ I
Юноша
Ярчевскій 2
Янчевскій 2

3-й выпускъ

Акуловъ
Альшинскій 2
Архиповъ
Бонташъ
Берасневицъ I
Богдановицъ I
Бѣньковскій
Бочковскій
Богоявленскій
Вишневскій I
Вишневскій 2
Валяевъ 2
Вѣтринскій
Верженскій
Вержховецкій
Веремѣевъ
Варфоломѣевъ
Верцинскій
Воронинъ
Воробѣвъ I
Гамалѣй 2
Галактионовъ
Гладышевскій 2
Григорьевъ 2
Гинтеръ
Диневъ
Девель
Есиповъ I
Ермоленко 2.
Уельзняктъ
Забѣлло 2
Завалиевскій I
Крамеръ
Кондзеровскій
Красовскій
Кривоблоцкій
Козинецъ
Кривскій I
Колокольцевъ
Карповъ

Кобецъ
Константиновъ 2
Кретковскій
Кашенко
Калабинъ
Мартыновъ
Муромцевъ
Мичу-Николаевичъ I
Мичковецъ
Митникъ
Никольскій
Пыжовъ
Петровицъ
Прокофьевъ
Пичугинъ
Раѣтопуло 2
Святополкт-Мирскій
Стефановицъ 2
Савицкій
Стояновъ Стоянт
Сомовъ
Снѣсаревъ
Томпобельскій
Трушталевскій
Тиссовъ
Терентьевъ
Тимченко-Рубанъ
Уховъ
Хомицъ
Хакольскій
Чиковани
Шидловскій
Шекунъ
Штежеръ
Шилейко
Кн. Эристовъ С.
Ярмаховъ
Ясенскій

4-й выпускъ

Ангеловъ
Аваловъ
Борзенковъ
Бутовичъ 2
Берасневицъ
Богдановицъ 2
Буйницкій
Грецкій
Глыбскій
Дидебулидзе
Жуковъ 2
Жаховскій
Завалиевскій 2
Закржевскій

Ишхнели
Исаенко
Кривскій 2
Кривцевъ
Кравчанко
Крыжановскій
Каргаретеди
Корозустъ
Кратъ
Лютинскій 2
Матвѣенко
Марковъ
Мичу-Николаевичъ
Миончинскій
Минаковъ
Маккавейскій
Млодзяновскій
Насидзе
Погоржельскій
Пигаревъ
Перскій
Саникидзе
Толоконниковъ
Фастовицъ
Херхеулидзе
Челюсткинтъ 2
Шаншинъ 2
Якобашвили
Ярчевскій
Акуловъ
Бабѣевъ
Бекъ
Бенацкій
Гинтеръ
Гобманъ
Девель
Есиповъ II
Забѣлло
Ивановъ
Исаевичъ
Клевцовъ
Красношековъ
Лещенко
Малева
Писаревъ
Поповъ
Прокофьевъ II
Степановъ
Филимоновъ
Шаринъ

НЕПОЛНЫЕ СПИСКИ КАДЕТЪ, ОКОНЧИВШИХЪ КОРПУСЪ,
НАЧИНАЯ СЪ 5-го ВЫПУСКА И ДО РАССФОРМИРОВАНІЯ КОРПУСА
ВЪ 1919 ГОДУ.

I.

(Сокращенія: В.Ф. — Вице-фельдфебель
В.У.Оф. — Вице-унтерт-офицеръ
С.р.кр. — Сынъ ротн.ком-ра
с.в. — сынъ воспитателя
с.пр. — сынъ преподавателя
с.и.кл. — сынъ инспектора классовъ)

Александровъ	Бостремъ
Ассъевъ I	Бершовъ
Ассъевъ 2	Бржозовскій
Антадзе	Боневъ
Арцыбашевъ	Барнадскій 2
Апрѣлевъ	Бирюковъ 2
Антоненко	Богдановичъ
Алексѣевъ	Баторскій
Аплечеевъ I	Барскій
Алейниковъ	Верженскій
Артамоновъ	Величковъ I
Аплечеевъ 2	Величковъ 2
Аузъ	Величко
Анжелковичъ	Вишняковъ
Акуловъ I	Васильевъ
Архангельскій	Венедиктовъ I) с.восп.
Авдѣевъ	Венедиктовъ 2)
Амераджиби	Вишнецкій — В.У.Оф. 9 вып.
Аридтъ	Валладза
Акуловъ 2	Вороничъ
Басанько	Верцинскій 2
Бересневичъ	Вержинскій
Баньковскій В.У.Оф. 9 вып.	Валуевъ
Борзенковъ	Высоковъ
Бирюковъ I	Вѣтошниковъ
Бабіевъ	Высоцкій
Бурдаевъ	Враскій I
Бабъевъ I	Кн.Волконскій
Бабѣковъ	Враскій 2
Батозскій	Вишневскій 3
Богуславскій	Вишневскій 4
Бюхнеръ	Бевертъ
Богдасаровъ	Висмонтъ
Борейша — с.и.кл.	Вороновскій
Богородскій	Вильканецъ
Бабъевъ 2	Вейднеръ
Буйницкій	Вишневскій 2
Бекъ	Воробьевъ I) с.преп.
Барталовскій	Воробьевъ 2) " "

Гончаренко	Жабоклицкій с.в.
Григоросуло	Жарменъ 2 с.п.
Гольдштейнъ	Желъзовъ
Генинъ I Петръ, зн. См.К.вѣ	
Гиммель / Сербіи, вѣ Кад.К.	
Генинъ 2	Зякинъ
Гейлинъ	Завитаевъ
Городковичъ	Завальевскій
Гурскій	Забъло 2
Гроздовъ	Залъссскій
Губскій	Залевскій
Герке	Зозуля
Гроссерст-Гоймъ	Завальскій
Говоруха-Отрокъ	
Гебикинъ	Ивановъ Мих.
Глыбскій	Измайловъ
Гинтеръ	Ивановъ Георгій
Григоровичъ	Игнатовичъ I
Гажеевъ	Игнатовичъ 2
Гибель	Ивановъ Иванъ
Гвоздиковъ	Исаевичъ
Гамалей 3	Ипполитовъ
Георгіевъ	
Гасперскій	Ковалевскій Глѣбъ
Гельперинъ	Колтановскій
Грецкій В.У.ОФ., зн. 5 вып.	Куровъ с.в.
Гудимъ Левковичъ 2	Калибаба
Гиголовскій	Култашевъ
	Константиновъ I
Демьяновъ	Кагадѣевъ
Давидовъ	Коробко
Де Виттъ	Кобеляцкій
Девель	Карповъ I
Дзучіевъ	Кобрановъ
Дороховъ	Краевъ
Діомидовъ	Краснокутскій
Дмитріевъ	Каминскій
Джафаровъ	Клопотенскій
Демченко	Колчагинъ
Диневъ	Каргановъ
Данилевскій	Кавтсрадзе
Джорджадзе	Кипортенко
Дороховъ	Карпенко
Долинскій 3	Казбекъ
Дроздовъ	Кипіани
Денисовъ 3	Коноплевъ
Дидебулидзе 2	Кондратовичъ
	Криштопъ
Елисѣевъ 2	Клевцовъ Ник.
Егуловъ	Калмыковъ
Емельяшко	Кривенцкій I
Егоровъ	Кривенцкій 2
Есиповъ 2	Корчакъ-Гречина с.в., В.Ф. 5 вып.

Кобієвъ
 Краснощековъ
 Карповъ 2
 Климчукъ 2
 Климчукъ 3
 Климчукъ 4
 Кудрявцевъ
 Клещъ
 Кононовъ
 Катинъ
 Крамаренко
 Кн. Кропоткинъ
 Катасоновъ с.в.
 Криницкій
 Клапацкій
 Кутаповъ
 Леоновъ Петръ В.Ф. XI вып.
 Ляшковъ
 Левинъ I
 Левинъ 2
 Лоренцъ
 Лавровъ
 Диницкій I В.Ф. 7 вып.
 Диницкій 2 В.У.ОФ. IO в.
 Диницкій 3 В.У.ОФ. II вып.
 Диницкій 4 В.У.ОФ. 8 вып.
 Лангомеръ
 Лютый
 Левитесь
 Лесли I
 Лесли 2
 Лебединцевъ 2
 Левандовскій
 Левчицкій
 Лурозовъ
 Лазаревъ
 Майборода
 Мачеварьяни
 Маликовскій
 Малащенко
 Максимовичъ
 Муромцевъ
 Миллеръ
 Маккавейскій
 Мюнчинскій 2
 Мазневъ
 Магеровскій
 Мицкевичъ
 Марковъ 2
 Михайловъ
 Моисеевъ
 Мельниковъ
 Миловановичъ I

Миловановичъ 2
 Маслениковъ
 Малавъ
 Мартыновъ
 Милорадовичъ
 Малащенко
 Мальвинскій
 Мясоѣдовъ

Никифоровъ
 Никуличевъ
 Насидзе
 Никольскій
 Найденовъ
 Нельдихинъ
 Недобровскій
 Нагорскъ
 Ненадковичъ 2

Осадчий
 Орловъ В.Ф. 9 вып.
 Ознобишинъ
 Одинцовъ

Подольскій
 Плохотниковъ
 Потемкинъ Дм. с. ротн. к-ра
 Пигаревъ
 Петровъ 2
 Петровъ 3
 Псіолъ
 Писанко 2
 Петровъ Сергій
 Порайновъ
 Петровскій
 Постниковъ
 Плисовскій В.У.ОФ. 9 вып.
 Павловскій
 Паскалевъ
 Пожидаевъ 2
 Поповъ
 Писаревъ
 Покровскій
 Падаевъ
 Кн. Павленковъ
 Пироцкій 3н. 8 вып.
 Прытловъ
 Полубинскій
 Пигуренко
 Пославскій
 Полозовъ
 Прокофьевъ 3
 Панчишко

Рацулт В.У.Оф. 9 вып.

Роснянскій

Ростовцевъ Н. с.в.

Раевскій

Рудковскій

Рудневъ

Рогожинъ

Розенбергъ

Рубашкинъ

Руссетъ

Розальонъ—Сошальскій

Рустановичъ

Рубановъ

Рыбальченко

Радовичъ Раде Зн.10 вып.

Рубинштейнъ

Рязановъ

Соймоновъ Ал. В.Ф. 6 вып.

Селивановъ

Сѣриковъ

Слободяниновъ

Свят ополкъ—Мирскій 2

Старовъ

Синкевичъ I

Синкевичъ 2

Судковскій

Строгановъ

Кн.Сидамоновъ—Эристовъ

Стояновъ

Самсоновъ

Соколъ

Соболевскій

Сапѣжко

Степановъ

Сардаровъ

Собольскій

Сасст—Гиссовскій

Соколовъ I

Соколовъ 2

Стафановичъ 2

Скибицкій

Собичевскій

Сахновскій

Самойловичъ

Стаковъ

Стржелецкій

Серединъ

Суворовъ

Стафновскій

Титовъ I

Титовъ 2

Тулубьевъ

Тимофьевъ

Кн.Тумановъ

Татариновъ

Тарновскій

Ташевъ

Гр.Толстой—Знаменскій

Трифоновъ

Табульскій

Товстолѣст 2

Тимченко Зн.9 вып. В.У.Оф.

Ушинкинъ

Фрейманъ I

Фрейманъ 2

Федоревскій

Фастовичъ

Фонтъ Мейеръ I

Фонтъ Мейеръ 2

Фоминъ

Фокъ

Филимоновъ

Феофиловъ

Фонъ Гросст—Геймъ

Фальченко

Филатовъ

Федотовъ

Фальцъ—Фейнъ

Фаворовъ

Фирсовъ

Холодѣвскій

Харченко 2

Херхеулидзе

Хржановскій В.У.Оф. 9 вып.

Чхәидзе

Часовниковъ

Кн.Чаковани

Чашенскій

Чернявскій

Чупруновъ

Чеховскій

Ченковъ

Челюсткинъ 3

Чуфаровскій

Цѣшковскій

Цыбульскій

Циприановичъ

Шперъ В.У.Оф.9 вып.

Шелестовъ

С П И С О К Ъ   К А Д Е Т Ъ

ПАВШИХЪ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХЪ, УМЕРШИХЪ И УБИТЫХЪ.

(сокращенія: с.в. — сынъ воспитателя; с.пр. — сынъ преподавателя)

Стрѣльниковъ, Дмитрій	Денисовъ Ш, Борисъ
Радовичъ, Раде	Гладышевскій П, Викторъ
Леоновъ Петръ	Лешенко, Петръ
Рытовъ, Михаилъ	Ясенскій, Андрей
Лурье	Кридневт, Евгеній
Катасоновъ, Борисъ (с.в.)	Прокофьевъ, Георгій
Шепелевъ, Викторъ	Богоявленскій, Аркадій
Шапошниковъ, Владиміръ	Нальдихинъ,
Бунинъ, Сергѣй	Высскій, Михаилъ
Есиповъ П, Дмитрій	Клепацкій, Викторъ
Тумачовъ	Соколовъ, Дмитрій
Бѣлорусецъ I	Мячковъ,
Бѣлорусецъ II	Фесенко,
Левинъ I	Фрейманъ, Зигфридъ
кн.Химшіевъ	Чупруновъ,
Берестневичъ I	Кривскій,
Харченко I, Георгій	Савицкій, Георгій
Дьковъ	Рулевъ I, Левъ
Поповъ, Михаилъ	Артъеновъ,
Скибицкій, Борисъ	Карповичъ
Валяевъ I (Отецъ Зосима)	Ромачинъ,
Долинскій Ш, Радимъ	Рено, Василій
Александровъ, Сергѣй	Глинскій, Николай
Ковалевскій, Глѣбъ	Петровъ I, Владиміръ
Толоконниковъ, Владиміръ	Стаховъ, Николай
Гамалѣй I Николай	Жуковъ, Александръ
Гамалѣй II Павелъ	Кристичъ,
Богуславскій	Серединъ, Борисъ
Вишницкій, Владиміръ	Кажанегра, Николай
Шперлингъ, Николай	Жибковичъ,
Кашенко, Владиміръ	Миушковицъ I,
Бутовскій	Миушковицъ II,
Протопоповъ, Алексѣй	Линицкій П, Михаилъ
Домбровскій, Степанъ	Линицкій Ш, Николай
Кокораки, Андрей	Чуфаровскій, Сергѣй
Якобашвили, Алексѣй	Бутовичъ, Михаилъ
Акуловъ, Александръ	Мальвинскій,
Воробьевъ	Ильинскій, Владиміръ
Есиповъ I, Петръ	Катасоновъ I Александръ (с.в.)
Бирюковъ П, Иванъ	Марковъ,
Серединъ, Борисъ	Бырдинъ, Борисъ (с.в.)
фонъ Фальцъ-Фейнъ, Алексѣй	кн.Шаховской, Владиміръ (с.в.)
Фрейманъ, Левъ	кн.Шаховской, Игорьъ (с.в.)
Денисовъ П, Николай	Климчукъ, Евгеній
	Рулевъ П, Петръ

Шевченко	Юматовъ
Шекунт	Юноша
Шейнъ	
Шилейко Влад.	Янковскій 3
Шилейко Аполдинарій	Яхновъ
Шпереръ с.пр.	Языковъ
Шатовъ	Ягуловъ
Шоринъ	Яковсонъ
Штукеръ	Якобашвили
Шиманскій	Яковлевъ
Шестоперовъ 2	Якубовскій
Шегидевичъ	
Шоповъ	Еедосѣевъ Ив. I
Шперлингъ	Еедосѣевъ Мих. 2
	Этхемъ-Паша-Бекъ-Тобассаранскій

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Полк. Костинъ Леонидъ 2 вып.
 Хор. Покровскій Мина ?
 Подп. Марковъ Владиміръ 3 вып.
 Подп. Станюковичъ I Владиміръ I вып.
 Пор. Радуль имя? вып. 2 *Александръ*
 Кап. Клѣпацкій имя?

ГЕОРГИЕВСКОЕ ОРУЖИЕ

Полк. Костинъ Леонидъ 2 вып.
 Подп. Елисѣевъ Владиміръ 2 вып.
 Подп. Марковъ Владиміръ 3 вып.
 Подп. Клѣпацкій Викторъ 2 вып.

СОЛДАТСКІЙ ГЕОРГИЕВСКІЙ КРЕСТЪ

Сѣриковъ Алексѣй	кадетъ 6-го кл.
Измайловъ Павелъ	кадетъ 5-го кл.
Коробко Яковъ	кадетъ 5-го кл.

Ноученканскій, Николай
Магуревскій, Алексѣй
Комаровскій, Алексѣй
Элендт, Александръ (с.в.)
Соймоновъ, Юрій
Рахмачиновъ,
Писанко І, Сергѣй
Самсоновъ,
Затурскій,
Маркинъ-Роряиновъ,
Мишковицъ,
Груицъ, Чедоміръ
Касаткинъ, Глѣбъ
Аплечеєвъ І, Александръ
Доршєнко, Борисъ

Моисєєвъ, Казиміръ

Минаковъ,
Шестопєровъ І, Владиміръ
Фальченко, Георгій
Бенецкій І, Сергѣй
Розальонъ-Сошальскій
Бекъ, Сергѣй
Бенецкій П, Александръ
Гинтеръ, Чєславъ
Ивановъ, Сергѣй
Ишхєли, Константинъ
Клєвцовъ, Николай
Малєвъ, Любєнъ
Писарєвъ, Николай

Стєпановъ, Александръ
Энвальдъ, Евгєній
Кононєнко,
Ильєсєвичъ,
Нигаровъ, Алексѣй
Ламанскій (с.в.)
Дидєбулидзе, Николай
Вєнгловскій,
Мєльниковъ, Рикторъ
Синкєвичъ П, Владиміръ
Калугинъ, Арсєній
Архиповъ, Аркадій
Вєличковъ І, Борисъ
Лєвинъ, Николай
Климчукъ Б, Евгєній

Фєдосѣєвъ І, Иванъ
Фєдосѣєвъ П, Михаилъ
Катинъ, Владиміръ
Побѣдинскій, Петръ
Фєсєнко, Николай
Мораховскій, Константинъ
Гамчєнко, (с.казн.)

НЕЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ .

Свѣтлой памяти героевъ-кадетъ
жертвъ гражданской войны на
югѣ Россіи въ 1919 году.

Вспомнилъ на югѣ я поле огромное
Въ призрачномъ свѣтѣ луны...
Поле, кошмаровъ и ужасовъ полное,
Истинный адъ сатаны!

Вспомнилъ разстрѣлы я, кровь леденящая,
Послѣ совѣтскихъ побѣдъ...

Вспомнилъ я трупы, горами лежація,
Трупы героевъ-кадетъ!

Слава вамъ, воины долга завѣтнаго!

Только вы ринулись въ бой,
Въ мигъ изъ кадетика малозамѣтнаго
Выросъ нашъ русскій герой!

Вы ни врага не страшились, ни времени!

Рыцари — званіе вамъ!...

Горе пришельцамъ безъ роду, безъ племени,
Кровь вопіетъ къ небесамъ.

Твердою волей народа великаго

Русь изживаетъ палачей!

Скинетъ оковы позорища дикаго

И отмститъ за дѣтей.

В.Н.

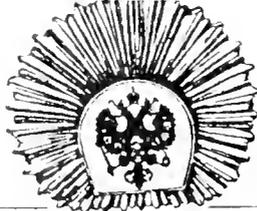
Нам пишут

Париж — Безжалостно отсчитываются годы и мы уже на дороге 1962. От души поздравляю Тебя с наступающим Новым Годом и желаю здоровья и сил и впредь нести тяжелое бремя Председателя О.К.О. Результаты Твоей работы говорят сами за себя — семья кадет живет и широко развивает свою деятельность по объединению и помощи больным и впадшим в беду однокашникам. Прекрасное издание «Военной Были» укрепляет нас морально, напоминая о красоте и героизме прошлого нашей несравненной Императорской армии и флота, из рядов которых мы все вышли. С нетерпением, всегда жду выхода очередного номера.

Д. Де-Витт — Сумского к. к.

Париж. — От души поздравляю Тебя и Правление «Новым Годом» и желаю всем здоровья, благополучия и успеха в деле объединения зарубежных кадет, которому Ты уже более десяти лет отдаешь все свои силы. Все мы, старые кадеты и Русские офицеры, воспитанные в понятиях дисциплины и традиций нашей несравненной Императорской Армии и путь наш один — наша стражающая Родина. Помня о жертвах, принесенных во имя Ее, мы навсегда должны сохранить свое етнство. Спасибо Тебе, заслуга Твоя, что Ты словом и делом всегда говоришь нам об этом.

Д. Де-Витт — Сумского к. к.

Полковник Е. В. Кравченко

Николаевич Евгений Васильевич Кравченко окончил в анатории Гаушнга в Германии, 6 февраля с. г. Никоншии профехонил из старой казачьей семьи и, по окончании Сумского кадетского корпуса и сессии Николаевского училища, в 1912 году был произведен в хорунжие, в 1-й Елизаветингарский Кашевого Атамана Чечети полк Кубанского казачьего воевска, в которм си и претедал влю Велшкую и тражтаневкую воевны, оутучи два раза ранен.

В первые годы эмиграции, при встрече с Евгением Васильевичем в Париже, он, как-то мне сказал: "Таким унижением звучит для Русского офицера слово беженец. Мы всегда останемся военными и, по первому зову, должны возобновить прерванную борьбу". В этих простых и чистых словах, сказавшая весь правдивый облик простого душевного, Работая днем тяжелым трудом, вечера он посвящал военной науке и с первым выпуском блестяще окончил Высшее Военно-Научные курсы, одновременно сотрудничая с генералом Головинным, по изданию капитального труда "Балканская битва", читая который мы часто встречаем ссылки автора на полк Кравченко.

Много труда и забот вложил Евгений Васильевич и в свое родное Общественное Сумских кадет, будучи много лет его Претседателем. Его опедия и глубокая вера в возрождение родины заражали и воодушевляли окружающих. Прямым, честным по натуре, Евгений Васильевич не допускал компромиссов и открыто порицал всякое проявление и сепаратизм, печальные спутники эмиграции. Он был Русским офицером душой и мозгом, воспитанный в старых понятиях долга и чести.

Последние годы жизни, страдая от тяжелого недуга, он не складывает оружия. Последние свои силы он отдал работе в Русском Общественном Союзе, возглавляя его II Отдел в Западной Германии и состоя активным членом Общественного Сумских кадет. Его трудами и хлопотами проведена в Мюнхене работа по изданию книги Георгия Шнекевича "Честь". В часы своего редкого досуга, он пишет прекрасные стихи, посвящая их России и Императорской Армии, которм он остался безавачно претан.

Син спокойно, как старый друг, честно прощел свой жизненный путь и верь, что мы, одноклассники, тебя не забудем.

Сумский кадет

Ротмистр Сергей Кремер

Грустная весть пришла из Сан-Франциско "Скоростивно скончался ротмистр Сергей Яковлевич Кремер. Умер он по-христиански, незадолго до смерти исповедался и причастился Святых Таин. Похоронен на местном кладбище, в присутствии многочисленных друзей, пришедших отдать ему последний долг".

О покойном друге нельзя сказать ничего кроме хорошего. Воспитанный в исконных традициях Русской Императорской Армии, Сергей Яковлевич прошел обычный путь Русского офицера. Сумский кадетский корпус (вып. 1909 г.) Елизаветградское кавалерийское училище, 8 уланский Вознесенский полк, война, белое движение, эмиграция. Повсюду, скромный, незаменимый работник, обладавший неслыханной добротой и терпеливм, он вынес к себе любовь и уважение.

Ко дню пятидесятилетия основания Сумского кадетского корпуса, Сергей Яковлевич, исключительно своим личным трудом и на свои собственные деньги, собрал, напечатал и разослал своим одноклассникам сборник — "Сумский корпус 1900—1950". Этот сборник останется навсегда памятником старому кадету-офицеру.

В лице покойного, мы, его одноклассники, потеряли большого друга и верного сумца. Пусть легка будет ему, приютившая его, чужая земля.

Е. Доминский

(Кадет I вып. Сумского к. к.)

Памяти доброго и верного друга

Почти никто из нас, членов Обще-Кадетского Объединения не знал лично покойного Сергея Кремера. Кадет-сумец, тяжелый инвалид, без одной ноги... Вот и все сведения, но к этому присоединялось нечто много более важное. Время от времени, воздушная почта приносила от Кремера привет и всегда с приложением достаточно серьезного чека. Кому и какой только отрасли деятельности нашего Объединения не помогал он. То на Кадетскую Помощь, то на Издательство, то просто пишет "пошлю, а ты сам разберись, где нужно". Все мои неоднократные попытки "образумить" его и внушить, что он не должен отказывать себе, что я знаю его положение, что пусть помогают богатые, не приводили ни к чему. Однажды он мне прямо написал: "вкрати твои рацен: помогаю и буду продолжать, традиция время на пустые разговоры". Последнее письмо получено от него 17 янв, почти накануне смерти, в нем чек на 12 дол. и слова: "... это все, что в силах выслать, т. к. с 1 января остался без работы и без всякой надежды получить ее..."

Кадеты, склонитесь перед памятью человека, до своего последнего дня, оставшегося на посту и думавшего о выполнении своего долга перед товарищами. *Александр Гертин*

Сердечное спасибо, дорогие одноклассники, за Вашу помощь
присылкой материала для нашего "Юбилейного Сборника" и по-
сильной информацией о Сумских Кадетах. Не много из нас
осталось в живых, поэтому и нельзя было от Вас получить бо-
льшие полные списки всех выпусков, но все, что можно было сде-
лать, Вами выполнено. Земной поклон Вам всем, так чутко
откликнувшимся на мой призыв. Верю, что наше Блженное Знамя сно-
ва будет водружено на старом месте, в нашей Корпусной Цер-
кви, и под сенью его будут воспитываться новые поколения
Сумцов на защиту Православной Веры и Родины.

Сергей Кремер

Сан Франциско
Июня 28 - 1955г.
Америка.

Кадет-экстерн 3-го выпуска.

КО ВСЕМ СУМЦАМ И ЧИТАТЕЛЯМ.

Прошу простить меня за все те погрешности и дефекты,
которые Вы найдете в нашем "Юбилейном Сборнике". Я никог-
да не печатал на mimeограф. Он старенький, я тоже, и все-
же, общими усилиями мы довели работу до желаемого конца. Не
судите меня строго!

Сергей Кремер.

